077
Т4
Р

Островский
Соч.
Т. 4.

СПб. 1867

I 3/7

I. 3/7

1 3. ЛЕТ 1971

I 3/7

I 3/7

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

IV.

8
0-77
1945 г.
0-77
1941 г.

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

0-77
Г 80

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 38124
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Ср.-Балж. Края

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ просп., противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

Въ Книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева и К°., на Невск. просп. противъ Аничкова Дворца, въ д. Меньшикова, № 64.

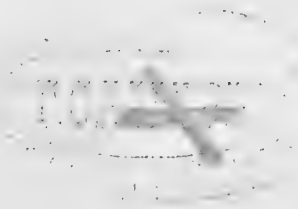
1867

Проверено

Въ типографіи К. Вульфа, Литейный просп. № 60.

ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.



ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1.

ЛИЦА:

ВАЛЕНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ БАБАЕВЪ, помѣщикъ, молодой человѣкъ.
КАРПЪ, человѣкъ Бабаева.
ШИШГАЛЕВЪ, приказный.
ЗАЙЧИХА (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевымъ.
ЛУКЕРЬЯ ДАНИЛОВНА ЖМИГУЛИНА, дѣвица пожилыхъ лѣтъ, дочь отставнаго приказнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната, оклеена дешовыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая въ сосѣднюю комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Карпъ (*развязываетъ чемоданъ*), Зайчиха (*смотритъ въ окно*).

Зайчиха.

Ты погляди-ко, милый человѣкъ, сколько народу сошлось.

Карпъ.

Что имъ надо? Чего они не видали?

I 3/7

Зайчиха.

Всякому, милый, знать хочется кто такой пріѣхалъ.

Карпъ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть. Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

Зайчиха (*въ окно*).

Бабаевъ, помѣщикъ. (*Карпу*): Спрашиваютъ, зачѣмъ?

Карпъ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь гулять мы къ вамъ пріѣхали. Какъ же, есть оказія!

Зайчиха (*въ окно*).

За дѣломъ. (*Карпу*): На долго ли?

Карпъ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха (*въ окно*).

На два дня. (*Отходитъ отъ окна*). Теперь всѣхъ ублаготворила. Минутъ черезъ пять весь городъ знать будетъ.

Карпъ.

А у тебя, тетенька, квартира-то ничего: чистенька.

Зайчиха.

Чистенька, батюшко, чистенька; затѣевъ большихъ нѣтъ, а чистенька. Конечно, пріѣздъ въ нашъ городъ не большой...

Карпъ.

Не на трахтѣ.

Зайчиха.

Какой тутъ трахтъ! А все-таки кто наѣдетъ получше-

то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности, привыкли ко мнѣ; въ гостинницу-то мало кто заѣзжаетъ.

Карпъ.

Потому беспокойно.

Зайчиха.

Какой покой! Въ низу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ ли твой баринъ-то покойной енаральшѣ Бабаевой, Софьѣ Павловнѣ?

Карпъ.

Онъ самый и есть.

Зайчиха.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

Карпъ.

Завѣтнымъ.

Зайчиха.

Ну, такъ-такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго видала: съ маменькой въ городъ ѣздилъ и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ что-ль живете?

Карпъ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургѣ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства пріѣхали.

Зайчиха.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

Карпъ.

Ничего, хорошъ.

Зайчиха.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

I 3/7.

Карпъ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грошовое, тамъ свидѣтельство что ли какое, а пожалуй, протомятъ дней пять.

Зайчиха.

Что мудренаго! У судей-то были?

Карпъ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказнаго прислали.

Зайчиха.

Вамъ, не то что намъ, скоро сдѣлаютъ. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну, — я тутъ и буду. *(Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабаевъ и Шишгалевъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Бабаевъ, Шишгалевъ и Карпъ.

Бабаевъ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

Шишгалевъ *(съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою).*

Ужь повѣрьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы ужь для васъ...

Бабаевъ.

А можетъ-быть?

Шишгалевъ.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилось, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ — табель, тутъ суббота, а тамъ воскресенье.

Бабаевъ.

Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной дѣлаете.

Шишгалевъ.

Чѣмъ же я причиненъ-съ? Я человѣкъ самый маленькій.

Бабаевъ.

Но что же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь это ужасно!

Шишгалевъ.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посмотрѣть.

Карпъ.

А что его смотрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

Бабаевъ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

Шишгалевъ.

Что вы изволите говорить-съ?

Бабаевъ.

Я говорю: нѣтъ ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

Шишгалевъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Бабаевъ.

А гдѣ же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

Шишгалевъ.

Промежду себя-съ.

I 3/7

Бабаевъ.

Какъ же такъ, промежду себя?

Шишгалевъ.

Поденно-съ. Дни назначены: нынѣче напримѣръ у городничаго, завтра у судьи-съ, послѣ завтра у стряпчаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-съ: такъ вся недѣля-съ.

Бабаевъ.

Съ котораго часу сбираются?

Шишгалевъ.

Съ шести часовъ-съ.

Бабаевъ.

Что же они тамъ дѣлаютъ?

Шишгалевъ.

Въ преферансъ играютъ-съ.

Бабаевъ.

А еще что? Неужели только въ преферансъ?

Шишгалевъ.

Такъ точно-съ, только въ преферансъ. Ну, обыкновенно ужь тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска-съ,—все какъ должно. Играютъ и закусываютъ, такъ время и проводятъ-съ.

Бабаевъ.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

Шишгалевъ.

Нѣтъ, какъ можно-съ! Только кто сдаетъ-съ, или съ ремизу-съ другой.

Бабаевъ.

Ну, такъ стало-быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалевъ.

Ужь подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безъ всякой задержки-съ.

Бабаевъ.

Ну, хорошо: я въ понедѣльникъ пріѣду въ судъ. Вѣдь вы будете писать, такъ я вамъ тамъ... что слѣдуетъ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

Шишгалевъ.

Семейство большое, сударь...

Бабаевъ.

Что такое?

Шишгалевъ.

Теперь соблаговолили бы что-нибудь!...

Бабаевъ.

Да я право не знаю, какъ же это? Сколько же вамъ?

Карпъ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

Бабаевъ *(отдаетъ деньги)*.

Вотъ извольте... Мнѣ право совѣстно.

Шишгалевъ (*кладетъ въ карманъ*).

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю, желаю вамъ всякаго благополучія. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Бабаевъ и Карпъ.

Бабаевъ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

Г 3/7.

Карпъ.

Да если съ ними, сударь, нѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда, да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

Бабаевъ.

Однако что же я буду дѣлать! Погулять бы пошолъ, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

Карпъ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

Бабаевъ.

А ночью-то что дѣлать?

Карпъ.

Да и ночью тоже. Отъ тоски-то, говорятъ, снится.

Бабаевъ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

Карпъ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! Балованый былъ сынокъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями, да въ дѣвичьей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петербургѣ, — какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ что-ли онъ тамъ? И я-бъ отдохнулъ. *(Хочетъ ложиться, дверь отворяется).* Кого это еще?... *(Входитъ Жмигулина).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Карпъ и Жмигулина.

Карпъ.

Вамъ чего?

Жмигулина.

Валентина Павлыча.

Карпъ.

На что онъ вамъ?

Жмигулина.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

Карпъ.

Вы на бѣдность что-ли?

Жмигулина.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни завсегда при ихней мамашѣ у нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже оченно близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

Карпъ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

Жмигулина.

Ты можетъ-быть принимаешь мои слова въ какомъ нибудь глупомъ смыслѣ, который я совсѣмъ не понимаю. (*Садится*). Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

Карпъ.

Вотъ что я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

Жмигулина.

Невозможно этому быть, потому что я сейчасъ его видѣла въ окно.

Карпъ

Ну, ужь видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. *(Уходитъ).*

Жмигулина.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ перемѣнъ, очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія: такъ со мной и обращаться. И опять же не его дѣло,—на бѣдность я пришла просить или нѣтъ! Конечно изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ же. Можетъ быть и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и не захочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасть какъ хочется доказать въ здѣшномъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней. *(Входитъ Бабаевъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Бабаевъ и Жмигулина.

Бабаевъ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Жмигулина.

Я никакъ не могла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

Бабаевъ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. *(Садятся).* Я право что-то не припомню.

Жмигулина.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувствы не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не

столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодѣянія.

Бабаевъ.

Я съ вами согласенъ,—благодѣяній никогда забывать не слѣдуетъ.

Жмигулина.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ!

Бабаевъ.

Жмигулиныхъ?

Жмигулина.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

Бабаевъ *(припоминая)*.

Таней... Татьяна Данпловна?

Жмигулина.

Теперь вспомнили?

Бабаевъ.

Такъ вы ея сестрица?

Жмигулина.

Лукерья Данпловна Жмигулина.

Бабаевъ.

Извините, сдѣлайте одолженіе!

Жмигулина.

Я нисколько не могу быть въ претензіи на васъ, что вы больше помните сестру, чѣмъ меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Бабаевъ.

Да, да! Удивительной красоты дѣвушка! Мы были съ нею большими пріятелями.

I 3/7.

Жмигулина.

Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Кому же и знать, какъ не мнѣ! Я, старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Бабаевъ.

Да, да, конечно. Скажите пожалуста, гдѣ она теперь? Что подѣлываетъ?

Жмигулина.

Она здѣсь въ городѣ, замужемъ.

Бабаевъ.

Замужемъ? Хорошо живетъ?

Жмигулина.

Какая жизнь, помилуйте! Въ бѣдности, между такого народа, который безъ понятія. Это не то что, бывало, у вашей мамаши въ Завѣтномъ! Просто былъ рай земной! Ваша мамаша были самая добрѣйшая дама и любили, чтобъ у нихъ было всѣмъ весело. Барышенъ всегда было въ домѣ много, а также и кавалеровъ; съ утра до ночи разныя игры были. Даже горничныхъ, бывало, заставляли съ нами въ горѣлки и въ другія игры играть, а сами смотрятъ на насъ да радуются.

Бабаевъ.

Ну, да какже, какже! Вѣдь это такъ недавно было: года три не больше, какъ я уѣхалъ въ Петербургъ.

Жмигулина.

Я очень хорошо помню: съ пестрой недѣли третій годъ пошолъ, какъ вы уѣхали. Ваша мамаша, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читаетъ. Что, говоритъ, ты тоску-то нагоняешь! Ну, и бѣсились всѣ до упаду. А промежду этимъ весельемъ,

у кого замѣчательный глазъ, могъ многое кой-что замѣтить.

Бабаевъ.

Очень естественно. Мужчины, дѣвушки, молодыя дамы постоянно вмѣстѣ,—нельзя же, чтобъ обошлось безъ любви.

Жмигулина.

Особенно вы отличались по этой части. А послѣднее время все съ Таней, да съ Таней, такъ и не отходили отъ нея. Такъ васъ голубками и звали.

Бабаевъ.

Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемѣра?

Жмигулина.

Объ немъ и вспоминать не стоитъ: онъ впослѣдствіи даже очень низкимъ оказался противъ меня. Впрочемъ судьба его наказала за всѣ невѣжества относительно благородной дѣвицы: онъ самъ теперь находится подъ судомъ за буйственные въ нетрезвомъ видѣ поступки.

Бабаевъ.

Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какимъ образомъ ваша сестрица вышла замужъ?

Жмигулина.

Прошлымъ лѣтомъ, когда ваша мамаша скончалась, у насъ рѣшительно не осталось никакихъ благодѣтелей. Папенька нашъ, при своей старости, былъ человѣкъ въ городѣ незначительный, робкій, оттого что мало чиновъ произошелъ. Папенька нашъ былъ канцеляристъ и получалъ жалованья тридцать рублей въ годъ. На эти деньги какъ мы могли жить! Мы все-таки видѣли свѣтъ. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша

I 3/7.

мамаша намъ во всемъ помогали. Тутъ вдругъ все прекратилось, а вскорѣ и папенька умеръ. Въ это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вамъ сказать.

Бабаевъ.

Полноте, что за стыдъ!

Жмигулина.

Вы такъ милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдругъ этакое невѣжество съ нашей стороны.

Бабаевъ.

Что-жъ дѣлать! Такія вѣроятно были обстоятельства. Чѣмъ же вы виноваты!

Жмигулина.

Но ахъ, я право всегда такъ конфужусь этого родства, что вы себѣ представить не можете. Ну, однимъ словомъ, обстоятельства наши были такія, что она принуждена была выйти за лавочника.

Бабаевъ.

За лавочника? Чѣмъ онъ торгуетъ?

Жмигулина.

Овощнымъ товаромъ. Вотъ и лавка видна. На вывѣскѣ написано: «Левъ Красновъ».

Бабаевъ.

Да, я видѣлъ. Хорошій человѣкъ?

Жмигулина.

Онъ изъ ихняго круга очень хорошій человѣкъ и очень любитъ сестру, только все знаете закоренѣлость какая-то въ ихнемъ званіи. Какъ хотите судите, а все-таки онъ отъ мужика недалеко ушолъ. А ужь этой

№ 58124

черты характера, хоть семь лѣтъ въ котлѣ вари, все не вываришь. Впрочемъ надо правду сказать, онъ для дому хозяинъ отличный: ни дня-ни ночи себѣ покою не знаетъ, все хлопочетъ да бѣгаетъ. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже послѣднюю копѣйку готовъ отдать, только бы ей угодить, такъ что сестра рѣшительно никакого дѣла не дѣлаетъ, живетъ какъ барыня; только одно: обращеніе его тяжело, да вотъ еще разговоръ его насъ очень конфузитъ. Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Судя по красотѣ ея да потому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ-за куска хлѣба за мужика идти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть.

Бабаевъ.

Такъ Татьяна Даниловна замужъ вышла... Жаль!

Жмигулина.

Вамъ что же жалѣть! Вѣдь она вамъ не пара.

Бабаевъ.

Да, конечно. А все-таки, знаете, вотъ я здѣсь въ городѣ по обстоятельствамъ долженъ пробыть четыре дня, а можетъ быть и больше,—что я буду дѣлать? Я очень радъ, что вы меня навѣстили. Не будь васъ, я бы не зналъ куда дѣваться! Ну, а представьте, еслибы ваша сестрица была дѣвушка, мы бы такъ провели эти четыре дня, что совсѣмъ и времени-бъ не замѣтили (*беретъ ее за руку*). Не правда ли?

Жмигулина.

Кто же вамъ теперь мѣшаетъ?

Бабаевъ.

Ну, все-таки какъ-то неловко: она замужемъ, еще что мужъ подумаетъ. Досадно, право.

I 3/7.

Жмигулина.

Скажите пожалуста! Вы, кажется, были прежде совсѣмъ другихъ правиловъ насчетъ этого. Не очень на мужей-то смотрѣли, что имъ нравится, что нѣтъ.

Бабаевъ.

Да, но вѣдь то совсѣмъ въ другомъ кругѣ; тамъ обращеніе гораздо свободнѣе.

Жмигулина.

А вы почемъ же знаете, свободно сестрѣ или не свободно.

Бабаевъ *(беретъ ее за обѣ руки)*.

Но во всякомъ случаѣ я вамъ такъ радъ, такъ благодаренъ, что вы доставляете развлеченіе въ моей скукѣ. Неугодно ли вамъ чего? Сдѣлайте милость, распоряжайтесь какъ дома; здѣсь все къ вашимъ услугамъ! Чаю не хотите ли?

Жмигулина.

Много вами благодарна. Я сейчасъ только пила, и притомъ же я домой тороплюсь. Намъ нужно съ сестрой идти по одному дѣлу. Прикажете поклониться отъ васъ?

Бабаевъ.

Сдѣлайте одолженіе!

Жмигулина *(идя къ двери)*.

Что же вы насъ съ сестрой въ гости не зовете!

Бабаевъ.

Я былъ бы очень счастливъ, только я право не знаю, какъ это сдѣлать! А очень бы мнѣ хотѣлось видѣть Татьяну Даниловну.

Жмигулина.

А коли хочется видѣть, такъ зачѣмъ же дѣло стало?

Она у насъ не принцеса какая, не за десятью замками посажена. Вѣдь ужь вы безпремѣнно куда-нибудь гулять пойдете, не будете въ комнатѣ сидѣть?

Бабаевъ.

Я бы пошолъ, да не знаю куда.

Жмигулина

Вамъ далеко не зачѣмъ ходить! Пройдите въ заднія ворота на берегъ, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это мѣсто тихое, уединенное, проходящихъ тамъ мало; для мечтательныхъ молодыхъ людей очень пріятная прогулка. Мы съ сестрой пойдемъ этой дорогой, тамъ вы ее и можете видѣть. До свиданія! *(Уходитъ).*

Бабаевъ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Могъ ли я ожидать такого счастія? Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я съ ума сойду отъ радости. Такая была она миленькая, нѣженькая. Другіе говорили, что она немножко простенька. Развѣ это порокъ въ женщинахъ! И притомъ красота, красота! Нѣтъ, этакъ пожалуй здѣсь не четыре дня, а четыре недѣли пробудешь. *(Уходитъ).*

Сцена 2.

ЛИЦА:

БАБАЕВЪ.
ЖМИГУЛИНА.
ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА, замужняя сестра ея, по мужѣ, Краснова.
АРХИПЪ, слѣпой старикъ, дѣдъ Краснова.
АФОНЯ, болѣзненный мальчикъ, лѣтъ восьмнадцати, братъ Краснова.

— —

(Берегъ; съ одной стороны ворота и заборъ, съ другой уголъ сарая; за рѣкой сельскій видъ; закатъ солнца).

I 3/7.

ЯВЛЕНІЕ I.

Архипъ и Афоня *(входятъ)*.

Афоня.

Дѣдушко, отдохнемъ здѣсь немножко! Не дужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

Архипъ.

Сядемъ, Афоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

Афоня.

Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дѣдушко, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Архипъ.

Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положонъ.

Афоня

Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жилецъ. Меня на ѣду не тянетъ. Другой, поработавши, сколько съѣстъ! Много, много съѣстъ, и все ему хочется. Вонъ братъ Левъ, когда устанетъ,—ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку погложу и сытъ.

Архипъ.

Это къ росту бываетъ.

Афоня.

Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще расти, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значитъ: мнѣ не жить. Ты, дѣдушко, возьми то: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одёжу любитъ хорошую, а мнѣ все одно, какой ни попа-

дись зипунишко, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть: кто рыбу ловитъ, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манитъ. Въ тѣ—поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

Архипъ.

Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Отъ младости ты не возлюбилъ міра сего суетнаго. У другихъ малодушество-то съ лѣтами проходитъ, когда бѣды да напасти, Афоня, изомнутъ да въ муку изотрутъ человѣка; а ты вотъ не живя, еще ни горя, ни радости не видавши, какъ старикъ разсуждаешь. Ну, и благодари Бога, что онъ такъ умудрилъ тебя. Міръ тебя не прельщаетъ, соблазнуты не знаешь и грѣха, значитъ, на тебѣ меньше. Вотъ тебѣ какое счастье! А ты вотъ меня послушай! Я, Афоня, соблазнъ зналъ, да и не всегда отъ него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шолъ на соблазнъ. Тебѣ вотъ все равно, ты говоришь; для тебя никакой утѣхи на свѣтѣ нѣтъ, а мнѣ божій міръ хорошъ и красенъ былъ: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велятъ тебѣ всю сладость мірскую извѣдать. А въ міру-то, Афоня, добро со зломъ рядомъ живетъ, объ-руку ходитъ. Ну, и нагрѣшишь грѣховъ-то больше песка морского. Хорошо вотъ Богъ привелъ до покаянія дожить, не во грѣхахъ засталъ. Каешься, сокрушаешься, на милосердіе надѣешься, а тебѣ не въ чемъ будетъ каяться: ты у насъ, Афоня, божій человѣкъ.

Афоня.

Нѣтъ, дѣдушко, нѣтъ, не говори ты этого! Какой я божій человѣкъ! Я видалъ божьихъ людей: они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣют-

I 3/7.

ся. А я, дѣдушко, сердцемъ крутъ: вотъ какъ братъ же; только братъ отходчивъ, а я нѣтъ; я, дѣдушко, злой!

Архипъ.

Да на кого тебѣ, дитятко, сердце имѣть! Кто тебя обижаетъ?

Афоня.

Меня-то не обижаютъ, а у меня за всѣхъ сердце болитъ: за тебя, за брата, за всѣхъ.

Архипъ.

Что-жъ тебѣ объ насъ болѣзновать! Мы, кажись, живемъ безобидно.

Афоня.

Мы и жили безобидно, пока братъ холостой былъ. Дѣдушко, за что братъ такъ очень жену любитъ?

Архипъ.

Какже ему не любить ее? Зачѣмъ же онъ и женился? Ты бы радоваться долженъ, что братъ жену любитъ. Экой ты глупый человѣкъ!

Афоня.

Нѣтъ, я дѣло говорю. Прежде меня братъ больше любилъ и тебя больше любилъ.

Архипъ.

Ты стало-быть ненавистникъ! Стало-быть ты завидуешь.

Афоня.

Нѣтъ, не завидую. Братъ нешто слѣпъ? Такъ ли она его любитъ, какъ онъ ее? Стóитъ ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже что ли онъ ихъ съ сестрой? Жену-то къ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ, сложа руки.

Братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль.

Архипъ.

Тебѣ что за дѣло! Его охота. Онъ работаетъ, тебя не заставляетъ. Мы съ тобой сыты по его-жъ милости.

Афоня.

Нешто я не знаю. Ты мнѣ, дѣдушко, вотъ что скажи: лучше онѣ брата или нѣтъ?

Архипъ.

Лучше не лучше, а онѣ другаго роду!

Афоня.

Такъ что-жъ, что другаго роду! Стало-быть братъ долженъ работать на нихъ, кормить ихъ, одѣвать; а онѣ будутъ важничать. Лучше брата на свѣтѣ человѣка нѣтъ, а его сдѣлали работникомъ.

Архипъ.

Почемъ ты знаешь; можетъ братъ самъ не хочетъ, чтобъ она работала.

Афоня.

А коль не работаетъ, такъ и не величайся! Вышла замужъ за мѣщанина, такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Что-жъ мы проклятые что ли какіе, прости Господи! У насъ тоже и общество есть и подати платимъ и повинности всякія несемъ. Братъ потомъ да горбомъ деньги-то достаетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ да и барствовала, а вышла замужъ, такъ знай, что одинъ въ домѣ большой — хозяинъ. Я вѣдь, дѣдушко, все вижу, все слышу; меня онѣ, безстыжія, не берегутся. Братъ ей платки да платья шолковыя дарить, а онѣ съ сестрой промежъ себя смѣются,

I 3/7.

дуракомъ его называютъ. Я все слышу, все горько мнѣ, дѣдушко, горько! Сталъ я брату говорить, онъ меня же изругалъ. *(Молчаніе)*. Вотъ я, дѣдушко, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце и всю-то ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ-то и поправиться нельзя. Ужъ очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

Архипъ.

Полно грѣшить-то! Тебѣ жить, да жить! Мнѣ вотъ. Афоня, ужъ вовсе жить незачѣмъ, а я все живу. Богъ-то знаетъ что дѣлаетъ. Что я за человѣкъ сталъ! Краснаго солнышка, яснаго мѣсяца я не вижу, зеленыхъ луговъ тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больнѣй мнѣ всего, что не вижу я свѣтлаго лица человѣческаго.

Афоня.

Тебѣ, дѣдушко, жаль, что ты не видишь ничего; а мнѣ такъ надоѣло это все; не мило мнѣ ничто.

Архипъ.

Оттого тебѣ и немило, что ты сердцемъ непокоенъ. А ты гляди чаще да больше на божій міръ, а на людей-то меньше смотри; вотъ тебѣ на сердцѣ и легче станетъ. И ночи будешь спать и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться. Гдѣ мы теперь сидимъ, Афоня?

Афоня.

На берегу, дѣдушко, подлѣ Зайчихи.

Архипъ.

А мостъ у насъ направо?

Афоня.

Направо, дѣдушко.

Архипъ.

А солнышко теперь налѣво?

Афоня.

Налѣво, дѣдушко; совсѣмъ садится.

Архипъ.

Въ тучку?

Афоня.

Нѣтъ, чисто. Заря таковó ярко горитъ, должно къ вёдру.

Архипъ.

То-то, то-то, я самъ чую, воздухъ такой легкій, вѣтеркомъ свѣженькой; такъ бы и не ушолъ. Красенъ, Афоня, красенъ божій міръ! Вотъ теперь роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣту духъ пойдетъ; а тамъ и звѣздочки зажгутся; а надъ звѣздами, Афоня, нашъ Творецъ милосердный. Кабы мы получше помнили, что онъ милосердъ, сами были бы милосерднѣе!

Афоня.

Я, дѣдушко, буду стараться укротить свое сердце. *(Входитъ Бабаевъ)*. Пойдемъ, дѣдушко! Какой-то чужой баринъ тутъ ходитъ; еще пожалуй станетъ смѣяться надъ нашими рѣчами.

Архипъ (*встаетъ и идетъ за Афоней*).

Величитъ душа моя Господа. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Бабаевъ (*одинъ*).

Когда ждешь чего-нибудь пріятнаго, какъ время долго тянется! Нарочно сдѣлалъ большой обходъ, чтобы не

I 3/7.

рано придти сюда, а все-таки пришолъ прежде нихъ. Ужасно не люблю дожидаться! Что за глупое положеніе! А женщины вообще любятъ помучить, это въ ихъ характерѣ; имъ очень нравится, когда ихъ ждутъ. Конечно это къ Танѣ не относится: она я думаю рада-радехонька, что я пріѣхалъ; я говорю про женщинъ намъ равныхъ. Я думаю, онѣ мучатъ для того... какъ бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы впередъ вознаградить себя за тѣ права, которыя онѣ потомъ теряютъ. Вотъ что значитъ быть среди хорошаго ландшафта, такъ-сказать, наединѣ съ природой! Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно надосугѣ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія въ родѣ Альфредъ Мюссе. Только вѣдь у насъ не съиграютъ. Такія вещи нужно играть тонко, очень тонко: тутъ главное — букетъ. Кажется кто-то идетъ. Не онѣ ли? Какъ-то мы встрѣтимся? Два года разлуки много значитъ. (*Входятъ: Краснова и Жмигулина*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.

Краснова (*подавая руку Бабаеву*).

Здраствуйте, Валентинъ Павлычъ! Я такъ обрадовалась, когда сестра мнѣ сказала, что вы пріѣхали.

Бабаевъ.

Значитъ, вы меня еще не забыли.

Краснова.

Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто съ сестрой вспоминаемъ про васъ. А вы такъ насъ забыли, она мнѣ сказывала.

Бабаевъ.

Ну, нѣтъ, я васъ не забылъ. Есть отношенія, душенька Татьяна Даниловна, которыя не скоро забываются. Наше знакомство съ вами было въ этомъ родѣ. Неправда ли?

Краснова (*потупясь*).

Да-съ.

Бабаевъ.

Увѣряю васъ, что, какъ только вырвался изъ Петербурга въ деревню, я постоянно искалъ случая побывать въ городѣ и непремѣнно найти васъ.

Жмигулина.

И до сихъ поръ не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

Бабаевъ.

Увѣряю васъ.

Жмигулина.

Такъ вамъ и повѣрили! Ты, Таня, не вѣрь кавалерамъ, они завсегда обманываютъ.

Бабаевъ.

Вы-то за что на меня.

Жмигулина.

Это не къ однимъ вамъ, а и ко всѣмъ прочимъ кавалерамъ относится.

Краснова.

Вы долго здѣсь пробудете?

Бабаевъ.

Долго ли пробуду-то? Я сначала думалъ, что это будетъ зависѣть отъ приказныхъ, у которыхъ мое дѣло; а теперь вижу, что это зависитъ отъ васъ, душа моя Татьяна Даниловна.

*

Г 3/7.

Краснова.

Ужъ это слишкомъ много чести для меня. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, денька три-четыре пробудете?

Бабаевъ.

Дѣло мое обѣщали кончить черезъ три дня; но я пожалуй остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова.

Разумѣется хочу.

Бабаевъ.

Только вотъ что, душенька Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная. Я останусь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы видѣться съ вами какъ можно чаще.

Краснова.

Чтожъ, это очень просто. Приходите къ намъ. Вотъ завтра чай кушать милости просимъ!

Бабаевъ.

Да, но вѣдь къ вамъ часто нельзя же, пойдутъ сплетни да разговоры, и притомъ же вашъ мужъ...

Краснова.

Какое же ему дѣло! Вы мой знакомый, вы ко мнѣ придете, а не къ нему.

Жмигулина.

Потомъ мы съ своей стороны тоже учтивость соблюдемъ, отплатимъ вамъ визитъ. И между прочимъ мы часто бываемъ у хозяйки вашей; слѣдовательно, если наше свиданіе для васъ интересно, вы можете туда приходить.

Бабаевъ. (*отходитъ съ Красновой въ сторону*).

Вы не скучаете замужемъ?

Краснова (*помолчавъ*).

Не знаю какъ вамъ сказать.

Бабаевъ.

Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, какъ мы были всегда расположены къ вамъ.

Краснова.

Для чего же мнѣ быть съ вами откровенной? Какая можетъ быть изъ этого польза? Вѣдь ужь теперь поправить нельзя.

Бабаевъ.

Если нельзя совсѣмъ поправить, такъ можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть на время усладить свое существованіе, чтобы не совсѣмъ заглохнуть въ этой пошлой жизни.

Краснова.

На время! А потомъ еще тяжеле будетъ.

Бабаевъ.

Знаете что? Я хочу совсѣмъ переѣхать въ деревню; тогда мы будемъ жить недалеко другъ отъ друга. Я готовъ даже въ городъ переѣхать, только бы вы...

Краснова (*отворачивалась*).

Не говорите мнѣ пожалуста такихъ словъ! Я даже, Валентинъ Павлычъ, никакъ не ожидала этого слышать отъ васъ.

Жмигулина (*Бабаеву*).

Вы тамъ что-то ужь очень? Я вѣдь все слышу.

I 3/7

Бабаевъ.

Лукерья Даниловна, кажется кто-то идетъ. Сдѣлайте одолженіе, посмотрите тамъ на берегу: мнѣ не хотѣлось бы, чтобы насъ здѣсь видѣли вмѣстѣ.

Жмигулина.

Охъ вы! Тонкій кавалеръ! *(Отходитъ).*

Краснова.

Такъ вы, Валентинъ Павлычъ, придете къ намъ завтра чай кушать?

Бабаевъ.

Право не знаю, можетъ-быть.

Краснова.

Нѣтъ, непремѣнно приходите! *(Молчаніе).* Ну, какъ же мнѣ васъ просить? *(Беретъ Бабаева за руку).* Ну, голубчикъ! Ну, ангельчикъ!

Бабаевъ.

Однако вы, Татьяна Даниловна, перемѣнились.

Краснова.

Я перемѣнилась? Ей-богу, нѣтъ. Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаевъ.

Помните въ Завѣтномъ, Татьяна Даниловна?

Краснова.

Чтоже такое? Я всѐ помню.

Бабаевъ.

Помните садъ? Помните липовую алею? Помните, какъ мы послѣ ужина, когда маменька уснетъ, на терасѣ сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова *(тихо)*.

Какую?

Бабаевъ.

Которой вы мнѣ руки связывали.

Краснова *(конфузясь)*.

Ну, что-жъ изъ этого? Ну, я все помню, все.

Бабаевъ.

А тоже, что вы, душа моя, теперь совсѣмъ не то, что прежде: вы такъ холодно меня встрѣтили.

Краснова.

Ахъ, Валентинъ Павлычъ! Я тогда была дѣвушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужемъ. Вы только подумайте.

Бабаевъ.

Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никакъ представить себѣ, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вотъ что хочешь со мной дѣлай, едва удерживаюсь, чтобъ не назвать тебя попрежнему Таней.

Краснова.

Зачѣмъ же удерживаться! Называйте!

Бабаевъ.

Да что-жъ толку, душа моя! Вѣдь ужъ вы меня не любите!

Краснова.

Да кто это вамъ сказалъ! Я васъ люблю точно такъ же, да еще и больше прежняго.

Бабаевъ *(нагибаясь къ ней)*.

Неужели, Танечка, это правда?

Краснова (*целуетъ его*).

Ну, вотъ вамъ въ доказательство! Теперь вы мнѣ вѣрите? Только, голубчикъ Валентинъ Павлычъ, если вы не хотите моего несчастія на всю мою жизнь, чтобъ намъ такъ и любить другъ друга, какъ мы теперь любимъ, чтобъ вы ничего больше и не думали. А то лучше Богъ съ вами, отъ грѣха подальше!

Бабаевъ.

Да ужь будь покойна, душенька, будь покойна!

Краснова.

Нѣтъ, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтобъ ужь я васъ не боялась.

Бабаевъ.

Какая ты глупенькая!

Краснова.

Ну да, глупенькая, какъ бы не такъ! Если послушать что старые-то люди говорятъ, такъ я и то грѣхъ большой дѣлаю. По старому-то закону, я кромѣ мужа не должна никого любить. Только что, такъ какъ я его любить не могу, а васъ и допрежде того любила, и сердца мнѣ своего не преодолѣть, такъ ужь я... Только сохрани васъ Господи!... и ужь я ни подъ какимъ видомъ... потому что я хочу въ законѣ жить.

Бабаевъ.

Да успокойся!

Краснова.

Такъ-то, милый Валентинъ Павлычъ. Значитъ между нами будетъ теперь самая пріятная любовь: ни отъ Бога не грѣхъ, ни отъ людей не стыдно.

Бабаевъ.

Да, да, ужь чего-жъ лучше!

Краснова.

Вотъ я васъ поцѣлую за это, что вы такой умный! *(Цѣлуетъ его).* Ну, такъ вы придете къ намъ завтра, этакъ въ вечерни?

Бабаевъ.

А потомъ ты ко мнѣ?

Краснова.

Непремѣнно приходите! А потомъ мы къ вамъ; ужь я теперь васъ не боюсь.

Бабаевъ.

Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чѣмъ прежде.

Краснова.

Ну, это пущай такъ при мнѣ и останется! Прощайте! Луша, пойдемъ!

Жмигулина *(подходя)*.

До свиданія! Покойной ночи, пріятнаго сна! Розы рвать, жасмины поливать! *(Уходя).* Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну ужь молодецъ, нечего сказать! Я только смотрѣла, да удивлялась. *(Уходятъ).*

Бабаевъ.

Ну, романъ начинается, какова-то будетъ развязка!

(Занавѣсъ).

I 3/7.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1.

ЛИЦА:

ЛЕВЪ РОДІОНЫЧЪ КРАСНОВЪ, лавочникъ, лѣтъ тридати.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИПЪ.
АФОНЯ.
БАБАЕВЪ.
МАНУЙЛО КАЛИНЫЧЪ КУРИЦЫНЪ, мучникъ. лѣтъ сорока-пяти.
УЛЬЯНА РОДІОНОВНА КУРИЦЫНА, жена его, сестра Краснова.

Комната въ домѣ Краснова: прямо дверь въ сѣни; направо кровать съ ситцевымъ пологомъ и окно, нальво лежанка и дверь въ кухню; на авансценѣ простой досчатый столъ и нѣсколько стульевъ; у задней стѣны и у окна скамьи, у лѣвой стѣны шкафъ съ чашками, маленькое зеркало и стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Краснова *(передъ зеркаломъ надѣваетъ платокъ)*, Афоня *(лежитъ на лежанкѣ)*, Жмигулина *(входитъ съ цвѣтной салфеткой)*.

Жмигулина.

Вотъ, Таня, я у сосѣдей салфетку достала столъ-то покрыть, а то наша-то ужь больно плоха. *(Стелетъ салфетку на столъ)*.

Краснова.

Самоваръ-то поставленъ?

Жмигулина.

Ужь давно поставленъ, скоро закипитъ. Ну, вотъ видишь, какъ я говорила, такъ и выходитъ: этотъ платокъ къ тебѣ гораздо лучше идетъ. Только зачѣмъ ты его заколола булавкой? (*Поправляетъ*). Вотъ такъ будетъ вантажнѣе.

Афоня.

Куда рядишься? Что передъ зеркаломъ-то пялилась?

Краснова.

Никуда, мы дома будемъ.

Жмигулина.

Да тебѣ что за печаль! Что-жъ, по твоему, чумичкой ходить какъ ты?

Афоня.

Да для кого рядиться-то? Для мужа что-ль? Такъ онъ и безъ парядовъ твоихъ любитъ тебя больше того, чѣмъ ты стоишь. Аль для кого другого?

Жмигулина.

Ишь ты! Дуракъ-дуракъ, а понялъ, что для кого-нибудь рядится.

Краснова.

Что мнѣ для мужа рядиться! Онъ меня и такъ знаетъ. Коли я ряжусь, такъ значитъ для чужого.

Афоня.

Передъ кѣмъ дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль въ тебѣ совѣсти нѣтъ?

Жмигулина.

Ну, да что съ дуракомъ толковать! Ему только и дѣла, что молоть. Лежитъ на печкѣ, да придумываетъ.

I 3/7

Краснова.

Что ты въ самомъ дѣлѣ за указчикъ! Мужъ мнѣ ничего не говоритъ, а ты разсуждать смѣешь!

Афоня.

Да онъ ослѣпъ отъ васъ, ослѣпъ. Испортили вы его зельемъ какимъ нибудь.

Жмигулина.

Молчи ужь, коли Богъ убилъ! Знай свое дѣло: кашляй вѣкъ, грѣха въ томъ нѣтъ.

Афоня.

Дуракъ—братъ, дуракъ! Загубилъ онъ свою голову.

Жмигулинъ.

Таня, не внести ли самоваръ-то?

Краснова.

Неси! А я чашки разставлю. (*Ставитъ чашки. Жмигулина уходитъ*). Шолъ бы ты въ кухню.

Афоня.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Краснова.

Чужіе люди придутъ, а ты тутъ тоску наводишь.

Афоня.

Не пойду я.

Краснова.

Вотъ правда пословица-то: «съ дуракомъ пива не сваришь». Вѣдь къ намъ не вашъ братъ лавочникъ какой-нибудь придетъ! Баринъ придетъ, слышишь ты Что ты ломаешься-то!

Афоня.

Какой баринъ? Зачѣмъ?

Краснова.

Такой же баринъ, какъ и всѣ господа бываютъ. Нашъ знакомый, помѣщикъ богатый; ну, и слуги вонъ!

Афоня.

Онъ тамъ у себя баринъ, а я здѣсь у себя баринъ. Не я къ нему иду, онъ ко мнѣ идетъ. Я у себя дома, я больной человѣкъ, никого не уважу. Ты для него что ли разрядилась-то?

Краснова.

Мое дѣло, не твое. (*Жмигулина вноситъ самоваръ*).

Жмигулина (*ставитъ самоваръ на столъ*).

Лёвъ Радіонычъ идетъ съ кѣмъ-то.

Краснова.

Ну, какъ изъ родныхъ кто: вотъ наказаніе-то!

Афоня.

Наказанье! А вы зачѣмъ въ нашу родню влѣзли? (*Входятъ: Красновъ, Курицынъ и Курицына*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Афоня, Курицынъ, Курицына.

Красновъ (*женѣ*).

Здраствуйте-съ! (*Цѣлуются*).

Краснова

Вотъ нѣжности!

Красновъ.

Ничего-съ. Дѣло законное-съ! Извольте гостинцу-съ! Винныхъ ягодокъ свѣжихъ получили-съ? (*Подаетъ*

I 3/7.

свертокъ). Вотъ я вамъ гостей привелъ. Самоваръ-то ужь готовъ у васъ,—вотъ и кстати-съ.

Курицына.

Здраствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда къ намъ не зайдете! А мы по простотѣ живемъ, взяли да и пришли съ Мануйломъ Калинычемъ непрошеные.

Курицынъ.

Здравствуй, сестра! Что взаправду родной-то гнушаешься! Забѣжала бы когда, чай ноги-то не отсохли!

Красновъ.

Ну, когда имъ по гостямъ ходить! Имъ только бы дома-то управиться! Къ хозяйству начинаютъ привыкать.

Курицына.

Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за мильонщикомъ вы замужемъ-то, нечего барствовать!

Курицынъ.

А ты пріучай, да хорошенько!

Курицына (*подходя къ Афонѣ*).

А ты, Афоня, все хвораешь? Ты бы чѣмъ полечился!

Курицынъ (*тоже подходя къ Афонѣ*).

А ты ѣшь больше, вотъ и хворь пройдетъ. Не хочется, такъ насильно ѣшь! Да, я тебѣ говорю! *(Разговариваетъ съ Афоней тихо).*

Краснова (*мужу*).

Что вы надѣлали! Какихъ вы гостей навели!

Жмигулина.

Ну ужь, признаться, зарѣзали вы насъ. Такой конфузъ, такой конфузъ.

Красновъ.

Какой конфузъ, что баринъ-то придетъ-съ? Такъ чтожъ за бѣда! Не велика важность! Пущай посмотритъ какая родня у васъ.

Жмигулина.

Очень ему интересно!

Красновъ.

Не гнать же мнѣ сестру для него! Стало-быть и разговору нѣтъ. Я его еще и въ глаза не видалъ, какой онъ такой; а это по крайнѣй мѣрѣ родня. А впрочемъ наши не долго засидятся. *(Женѣ)*. Садитесь, наливайте чай! Братецъ, сестрица, пожалуйте! По чашечкѣ-съ! (*Всѣ, исключая Афони, садятся у стола*).

Курицынъ.

Дѣло, братъ, праздничное, такъ оно передъ чайкомъ-то бы того... по малости. Аль самъ-то не пьешь?

Красновъ.

Женившись на Татьянѣ Даниловнѣ, я съ самаго того дня все это въ пренебреженіи оставилъ-съ. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца съ сестрицей водкой!

Краснова *(достаетъ изъ шкафа и ставитъ на столъ графинъ, рюмку и закуску)*.

Пожалуйте, сестрица! *(Курицынъ пьетъ)*. Пожалуйте, братецъ!

Курицынъ.

Не такъ просишь, порядку не знаешь.

Красновъ.

Вы, братецъ, не ломайтесь! Моя супруга вашихъ обнокновеніевъ не знаютъ, да и знать имъ не для чего. Пожалуйте, безъ церемоніи.

I 3/7.

Курицынъ *(выпивъ)*.

Балуешь ты свою жену, вотъ что я тебѣ скажу! Да, воля и добрую жену портитъ. А ты бы съ меня примѣръ бралъ, училъ бы ты ее уму-разуму, такъ лучше бы дѣло-то, прочнѣй было. Спроси вотъ, какъ я твою сестру школилъ, небу жарко было.

Курицына.

Да ужь вы, Мануйло Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопивецъ! Вамъ только бы надъ женой ломаться да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходитъ.

Курицынъ.

Какія это такія слова? Кто это ихъ здѣсь говоритъ? Гдѣ это говорятъ? *(Оглядываясь)*. Нѣтъ ли тутъ кого чужого, постороняго? Словно какъ свои-то у меня не смѣютъ такъ разговаривать!

Курицына *(спохватясь)*.

Это я такъ къ слову только, Мануйло Калинычъ! А что конечно, сестрица, съ нашей сестрой безъ острастки нельзя. Не даромъ говорится: жену бей, такъ щи вкуснѣй.

Краснова.

Какъ кому нравится, кто что любитъ! Вамъ, сестрица, нравится такое обращеніе, а я считаю за невѣжество.

Жмигулина.

Нынче ужь мужицкое-то обращеніе вездѣ бросаютъ, выходить стало изъ моды.

Курицынъ.

Ну, ужь это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая надъ бабами, изъ моды не выдетъ, потому безъ нея нельзя. Братъ, слушай, я до чего Ульяну доводилъ,

до какой точки. Бывало у насъ промежъ себя, промежъ знакомыхъ или сродственниковъ за споромъ дѣло станетъ, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ-то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «чего моя нога хочетъ?» А она понимаетъ, потому обучена этому: ну, и значитъ сейчасъ въ ноги мнѣ.

Курицына.

Что-жъ, это точно, это бывало. Я при всѣхъ безъ стыда скажу.

Красновъ.

Ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, одинъ куражъ.

Курицынъ.

Эхъ, братъ! Бей шубу, будетъ теплѣе; а жену, будетъ умнѣе.

Краснова.

Не всякая жена позволитъ себя бить, а которая позволяетъ, такъ она значитъ больше того и не стоитъ.

Курицына.

Что-жъ это вы, сестрица, вдругъ такъ заважничали! Хуже что ли я васъ? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебѣ крылья-то и ошибить.

Красновъ.

Можно да осторожно.

Курицына

Да ты-то что! Взялъ голь да и важничаетъ. Али ты воображаешь, что на значительной помѣщицѣ женился!

Красновъ.

Что я воображаю — это мое дѣло, и не съ твоимъ разумомъ его понимать. Значитъ, надо тебѣ молчать.

I 3/7.

Жмигулина.

Вотъ такъ занятный разговоръ, есть что послушать!

Курицына.

Кажется не изъ барскаго роду взята, а изъ приказнаго. Не велика дворянка. Козелъ да приказный — бѣсова родня.

Красновъ.

Я тебѣ сказалъ: молчи! Не десять разъ говорить, сразу должна понимать!

Курицынъ.

Не трожь, пущай ихъ! Я люблю когда бабы браниться свяжутся.

Красновъ.

Да я-то не люблю.

Курицына.

Мало-ль ты чего не любишь, такъ по тебѣ и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебѣ не подначальная. У меня свой муженекъ хорошъ, есть кому командовать-то и безъ тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырямъ да по заулкамъ шляется, да съ молодыми господами по цѣлымъ часамъ балясы точитъ.

Красновъ *(вскочивъ)*.

Что-съ!

Краснова.

Никакихъ я пустырей, никакихъ переулковъ не знаю; а что встрѣтилась я съ Валентиномъ Павлычемъ на берегу, такъ это я вамъ, Лёвъ Радіоновичъ, сказывала, и даже все, что мы говорили.

Жмигулина.

Да вѣдь и я тутъ сопутствовала.

Курицына.

Да ты такая же.

Красновъ.

Ну, не змѣя ли ты теперича подколодная! а еще сестра называешься. Чего тебѣ хочется? меня съ женой разстроить? Ненавистно тебѣ, что я ее люблю? Такъ знай ты завсегда, что я ее ни на кого не промѣняю. Я тридцать лѣтъ для семьи бобылемъ жилъ, до кроваваго поту работалъ, да тогда только жениться-то задумалъ, когда весь домъ устроилъ. Я тридцать лѣтъ себѣ никакой радости не зналъ? Слѣдственно я долженъ быть имъ, супругѣ моей, благодаренъ, что онѣ, при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня, мужика. Допрежъ того я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работѣ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цѣловать, потому что я очень хорошо понимаю, что я и со всѣмъ-то домомъ противъ одного ихняго мизинца не гожусь. Такъ послѣ этого нешто я дамъ ихъ въ обиду! Я уважаю и всѣ уважай!

Жмигулина.

Сестрица и сама понимаетъ, что она всякаго уваженія стоитъ.

Красновъ.

Ты какое слово сказала-то! коли повѣрить тебѣ, что-жъ тогда дѣлать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтобъ на такія женщины дѣла сквозь пальцы смотрѣлъ! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце перевернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ вѣдь, чего Боже сохрани, долго ли до грѣха-то! За себя поручиться

нельзя: каковъ часъ выдетъ. Пожалуй дьяволъ подъ руку-то толкнетъ. Господи, оборони насъ! Нешто этимъ шутятъ! Ужь коли ты хотѣла обидѣть меня, взяла бы ты ножикъ да пнула мнѣ въ бокъ, легче бы мнѣ было. Послѣ такихъ словъ мнѣ лучше тебя, разлучницу, весь вѣкъ не видать; я лучше отъ всей родни откажусь, чѣмъ ваше ехидство переносить.

Курицына.

Не я разлучница-то, она родню-то разлучаетъ.

Курицынъ.

Что, братъ! Видно женщина родня—такъ отворяй ворота; а мужчина родня—такъ запирай ворота! Приходи къ намъ, и мы такъ-то угостить сумѣемъ. Пойдемъ, жена, дома лучше!

Курицына.

Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братецъ, подожди, какъ-нибудь сочтемся. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Красновъ, Краснова, Жмигулина и Аѳоня.

Красновъ (*подходя къ женѣ*).

Татьяна Даниловна, вы не возьмите себѣ этого въ обиду, потому необломаный народъ.

Краснова.

Вотъ она ваша родня-то! я не въ примѣръ лучше въ дѣвушкахъ жила; покрайности я знала, что никто меня обидѣть не смѣетъ.

Жмигулина (*прибирая со стола*).

Мы съ простонародіемъ никогда не знались.

Красновъ.

Да и я васъ въ обиду не дамъ-съ. При вашихъ глазахъ родной сестры не пожалѣлъ, изъ дому прогналъ; а доведись кого чужого, такъ онъ бы и ногъ не уволокъ. Вы еще не знаете моего характера. я подчасъ самъ себѣ не радъ.

Краснова.

Чтожъ вы сердиты что ли очень?

Красновъ.

Не то что сердитъ, а горячъ: себя не помню. людей не вижу въ этомъ разѣ.

Краснова.

Какія вы страсти говорите! Отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ. я бы за васъ и не пошла.

Красновъ.

Коли горячій человѣкъ. такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть онъ до всякаго дѣла горячъ, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣетъ.

Краснова.

Я теперь буду васъ бояться.

Красновъ.

Страху-то мнѣ отъ васъ не больно нужно-съ. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова.

Какой же вамъ еще любви отъ меня надо?

Красновъ.

Вы чай сами знаете какой-съ: только можетъ-быть не чувствуете. Что дѣлать! Будемъ ждать, авось послѣ

придетъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ! Были и такіе случаи, что любовь-то на пятой, или на шестой годъ послѣ свадьбы приходитъ. Да еще какая! Лучше чѣмъ смолоду.

Краснова.

Ну и ждите!

Жмигулина.

Это вы очень горячи къ любви-то, а мы совсѣмъ другого воспитанія.

Красновъ.

Вы насчетъ воспитанія говорите! Я вамъ вотъ что на ваши слова скажу-съ: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошолъ. Я и самъ вижу, чего мнѣ не хватаетъ-съ, да ужь теперь года ушли. Душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ-съ. А будь я воспитанъ-съ...

Жмигулина *(взглянувъ въ окно)*.

Идетъ, Таня, идетъ. (*Бѣгутъ обѣ изъ комнаты*).

Красновъ.

Куда же вы такъ вдругъ-съ? Бѣжать-то зачѣмъ?

Жмигулина.

Что вы! Опомнитесь! Надо же встрѣтить, учтивость наблюсти. (*Уходятъ*).

Афоня.

Братъ! Ты сестру прогналъ; за дѣло ли, не за дѣло ли, Богъ тебя суди! А ты на барина-то поглядывай, я тебѣ говорю.

Красновъ.

Что на тебя пропасти нѣтъ! Шипишь ты, какъ змѣя. Ужалить тебѣ меня хотѣлось. Убирайся вонъ отсюда! Поди, говорятъ тебѣ, а то до смерти убью.

Афоня.

Что-жъ, убей! Мнѣ жизнь-то небольно сладка, да и жить-то не долго осталось. Только не будь ты слѣпъ! Не будь ты слѣпъ! (*Уходитъ*).

Красновъ.

Что они съ моей головой дѣлаютъ! Аль въ самомъ дѣлѣ смотрѣть надо, аль смущаютъ только? Гдѣ-жъ тогда, значитъ, любовь! Да неужто-жъ, Господи, я себѣ не утѣху, а муку взялъ! Встряхнись, Лёвъ Радіоновъ, встряхнись! Не слушай лукаваго! Одна у тебя радость,—онъ отнимаетъ, сердце высушитъ. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грошъ пропадешь! Все это паносныя слова, вотъ что! Ненавистно стало, что жена хороша, да живемъ ладно,—и давай мутить. Видимое дѣло. Въ каждой семьѣ такъ. Бросить, да не думать, вотъ и конецъ. А барина надо будетъ выжить, да чтобъ и впередъ не заглядывалъ. Ходите, молъ, почаще, безъ васъ веселѣй. Такъ оно и разговору меньше, да и на сердцѣ покойнѣе. (*Входятъ: Бабаевъ, Краснова и Жмигулина*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бабаевъ, Красновъ, Краснова и Жмигулина.

Бабаевъ.

Такъ вотъ вы гдѣ живете! Это у васъ свой домикъ?

Краснова.

Свой-съ. А вотъ это мой мужъ-съ.

Бабаевъ.

А, очень пріятно. Я съ вашей женой давно знакомъ.

Красновъ.

Это ваше дѣло-съ.

I. 3/7.

Бабаевъ.

Вы торгуете?

Красновъ.

А это вотъ наше дѣло-съ.

Краснова.

Что-жъ вы не сядете! *(Бабаевъ и Красновъ садятся)*. Не угодно ли вамъ чаю?

Бабаевъ.

Нѣтъ, благодарю; теперь не пью чаю.

Жмигулина.

Ахъ, Таня, мы и забыли, что въ Петербургѣ совсѣмъ другой вкусъ. *(Бабаеву)*: Можно сію минуту кофей сдѣлать.

Бабаевъ.

Нѣтъ, вы пожалуста не безпокойтесь: я ужь пилъ. Мы лучше такъ посидимъ, потолкуемъ о чемъ-нибудь. Веселитесь ли вы здѣсь? Есть ли у васъ развлеченія?

Краснова.

Нѣтъ-съ. Какія же здѣсь могутъ быть развлеченія!

Бабаевъ.

Какъ же вы время проводите? Неужели все дома сидите?

Краснова.

Большею частью.

Красновъ.

Да оно такъ и слѣдуетъ въ нашемъ званіи. По нашему, по русски: мужикъ да собака на дворѣ, а баба да кошка дома.

Жмигулина *(тихо Краснову)*.

Учтивѣй-то вы не можете?

Красновъ.

Я свое дѣло знаю.

Бабаевъ.

Такъ вы хозяйствомъ занимаетесь. Вамъ, я думаю, трудно было привыкать къ новымъ обязанностямъ.

Краснова (*взглянувъ на мужа*).

Да-съ. А впрочемъ нельзя сказать.... конечно... сначала...

Бабаевъ (*Жмигулиной*).

Я спрашиваю, а и самъ хорошенько не знаю въ чемъ заключаются эти обязанности.

Жмигулина.

Да вамъ, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Красновъ.

Никакой низости нѣтъ.

Бабаевъ.

А въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ низкаго?

Жмигулина.

Слова низкія и даже довольно грязныя, которыхъ при людяхъ воспитанныхъ никогда не говорятъ.

Бабаевъ.

Ну, предположите, что я человѣкъ невоспитанный. Какія же слова, скажите!

Жмигулина.

Вы просто насъ съ Таней конфузите. Вамъ интересно слышать эти слова, такъ извольте! Къ хозяйству относится кухня и всякія простонародныя вещи: сковорода, сковородникъ, ухватъ. Развѣ это не низко?

I 3/7

Красновъ.

Да ужь низко ли ухватъ, высоко ли, а коли щи въ печку сажать, такъ доставать его надо.

Краснова.

Вы хоть бы при гостяхъ-то не обижали жену!

Красновъ.

Да я васъ ни при гостяхъ, ни безъ гостей никогда на волосъ не обидѣлъ-съ. А васъ спрашиваютъ, какая вы мужу хозяйка, да еще при мужѣ-съ; такъ, я полагаю, вамъ бы надо отвѣчать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью не гнушаетесь: потому что въ нашемъ званіи это первое дѣло-съ.

Жмигулина (*тихо Краснову*).

Вы намъ мѣшаете съ нашимъ гостемъ разговаривать.

Бабаевъ (*тихо Красновой*).

Что онъ у васъ всегда такой?

Краснова (*тихо*).

Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

Бабаевъ (*тихо*).

Вы сами видите, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Вы лучше приходите ко мнѣ сегодня, а я теперь пойду домой. (*Громко*). Ну, прощайте! Надѣюсь, что мы видимся съ вами не въ послѣдній разъ.

Жмигулина.

Конечно, конечно.

Краснова.

Покорно благодаримъ за посѣщеніе!

Красновъ (*кланяясь*).

Прощенья просимъ! Вы скоро отсюда уѣдете?

Бабаевъ.

Не знаю. Какъ дѣло кончится.

Красновъ.

Однако какъ полагаете?

Бабаевъ.

Въ судѣ говорятъ, что послѣ-завтра.

Красновъ.

И значитъ, какъ кончится, такъ вы въ тотъ же часъ и уѣдете?

Бабаевъ.

Я думаю. Чтожъ мнѣ здѣсь дѣлать!

Красновъ.

Да-съ! Оно точно, что нечего. Наше вамъ почтеніе! (*Бабаевъ, Краснова, Жмигулина уходятъ*). Непрошеный гость хуже татарина. На что онъ намъ! Какая отъ него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищіе. Ну, значитъ и проваливай! Поѣзжай себѣ въ Петербургъ, и любезное дѣло! (*Входятъ Краснова и Жмигулина*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Красновъ, Краснова, Жмигулина.

Краснова.

Что же это вы дѣлаете! Съ чего же вы взяли такъ обижать меня!

Красновъ.

Никакой обиды-съ! А вы вотъ что-съ! Мы съ вами еще послѣ свадьбы ни разу не ссорились, такъ желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить въ любви-съ.

*

Г 3/7

Жмигулина.

Хороша любовь! Нечего сказать! (*Краснов строго взглядываетъ на нее*).

Краснова.

Гдѣ же она, ваша любовь-то? Вотъ мы теперь ее хорошо видимъ. Вашимъ роднымъ да знакомымъ я прислуживай, какъ кухарка; а пришолъ нашъ знакомый, человѣкъ благородный, такъ вы его чуть не выгнали.

Жмигулина.

Да и выгнали, только что политически.

Краснова.

Ужь вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мнѣ очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждомъ шагу.

Красновъ.

Да я не понимаю, къ чему этотъ и разговоръ промежъ насъ! Все и дѣло-то разговору не стоитъ. Можетъ мы его больше и не увидимъ никогда, да намъ и надобности въ немъ нѣтъ; съ чѣмъ пришолъ, съ тѣмъ и ушолъ. А намъ съ вами всю жизнь жить; такъ стоитъ ли онъ того, чтобы намъ съ вами изъ-за него неудовольствіе имѣть.

Краснова.

Ахъ, Луша, какой срамъ-то! Что онъ теперь объ насъ подумаетъ?

Жмигулина.

Да. Онъ теперь скоро въ Петербургъ поѣдетъ; хорошее мнѣніе онъ объ насъ туда повезетъ!

Красновъ.

Я вамъ опять-таки скажу-съ, что его и всякія его мнѣнія надо бросить. Все дѣло-то гроша не стоитъ. Я

такъ понимаю: есть ли онъ на свѣтѣ, нѣтъ ли его, это для насъ съ вами все одно-съ.

Краснова.

Для васъ его на свѣтѣ нѣтъ, но не для насъ. Мы съ сестрой обѣщали бывать у него и даже сегодня хотимъ идти.

Красновъ.

Некчему-съ.

Краснова.

Какъ некчему? Я вамъ говорю, что я хочу его видѣть.

Красновъ.

Вы хотите, да мнѣ не желательно. Должны вы меня уважить, или нѣтъ?

Краснова.

Что это вы какую власть вдругъ забрали. Да вы и не воображайте, чтобъ мы васъ послушались, — этому не бывать!

Красновъ (*ударя по столу*).

Чего-съ! Какъ такъ не бывать! Нѣтъ-съ, ужь коли что я говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-съ, потому самому я вамъ строго и приказываю. (*Опять ударяетъ по столу*).

Краснова (*плачетъ*).

Чтожъ это за тиранство! Что за мученіе!

Жмигулина (*со смѣхомъ*).

Ахъ, какой грозный! Ахъ, какой страшный! Ха, ха, ха!

Красновъ.

Вы-то что квакаете! Васъ-то я такъ турну, что у васъ объ калитку подолъ завизжитъ.

I 3/7

Краснова.

Ну, ужь вы что хотите дѣлайте, хоть убейте насъ, а мы все-таки пойдемъ. Мы не хотимъ доказать ему, что мы невѣжи противъ него. Должны же мы поблагодарить его за неоставленіе насъ и пожелать счастливаго пути.

Красновъ.

Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вамъ словами говорятъ.

Краснова.

Ужь вы не драться ли хотите? Чтожъ, отъ васъ это станется. Только того и жди.

Красновъ.

Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризъ уважу. Извольте идти, и ужь больше туда ни ногой. Только вотъ что еще, Татьяна Даниловна! Вотъ видите часы-съ! (*Показываетъ на стѣнные часы*). Такъ, когда вы пойдете, взгляните, и чтобъ черезъ полчаса здѣсь-съ! (*Показывая на полъ*). На этомъ самомъ мѣстѣ-съ. Поняли?

Краснова.

Пойдемъ, Луша, одѣваться. (*Уходятъ*).

Красновъ.

Кажется, у насъ дѣло-то на ладъ пойдетъ! Онѣ были маленько избалованы; въ такомъ случаѣ для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится — слюбится. А тамъ, какъ баринъ уѣдетъ, можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется, ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да чтожъ дѣлать, сразу круто нельзя,—

вовсе отъ себя оттолкнешь. Само собою, что будетъ думаться, и то и другое въ голову-то полѣзетъ. Ну, да вѣдь не разбойникъ же онъ какой, въ самомъ дѣлѣ! Да и супруга моя, какъ собственно недавно... То-есть врагъ я самъ себѣ, да и только! Вѣдь ничего не можетъ быть дурного; а я думаю, да всякіе вздоры прибираю!.. Пойтить съ пріятелями въ трактирѣ посидѣть покудова!.. Объ чемъ это онъ ей давеча шепталъ?.. Ну да чтожъ, вѣдь давно знакомы; можетъ такъ что! (*Беретъ картузъ*). Татьяна Даниловна! Сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загуби ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ! (*Уходитъ*).

Сцена 2.

ЛИЦА:

БАБАЕВЪ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
ЗАЙЧИХА.
КАРПЪ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Карпъ и Зайчиха (*входятъ*).

Зайчиха.

Что самъ-то спитъ что-ли?

Карпъ.

Не знаю. Да нѣтъ, онъ этой привычки не имѣетъ. Опять же и время не то. Ты какъ думаешь? Вѣдь еще теперь въ Петербургѣ не обѣдали, еще утро.

Зайчиха.

Ишь ты! Ахъ батюшки!

Карпъ.

Вотъ иногда зимой, ужь и смеркнется давно, и огонь вездѣ зажгли, а все еще утро считается.

Зайчиха.

Ну да что мудренаго! Городъ большой, столичной, не то что у насъ. А я было такъ взошла: молъ, не нужно-ль что. (*Взглянувъ въ окно*). Вѣдь это къ намъ кто-то. Пойти встрѣтить. (*Уходитъ*).

Карпъ.

Взвоешь здѣсь отъ тоски. Спервоначалу бы этимъ судейскимъ, которые у нихъ поглавнѣе, дать барашка въ бумажкѣ, такъ они бы мигомъ. По крайности мы были бы теперь дома, у дѣла. Какъ ему самому-то не скучно! Ужь не сослѣдилъ ли онъ тутъ добычку себѣ! Не даромъ онъ по городу-то ходитъ! У него манера-то извѣстная: ходитъ—ходитъ мимо оконъ-то, да и призритъ глазомъ на какую-нибудь брунетку. (*Зайчиха входитъ*).

Зайчиха.

Поди-ко, мой милый, доложь самому-то, что его спрашиваютъ.

Карпъ.

Зачѣмъ спрашиваютъ?

Зайчиха.

Ужь ты доложь, онъ тамъ самъ знаетъ.

Карпъ (*въ дверь*).

Пожалуйте, сударь, къ вамъ пришли.

Бабаевъ (*изъ двери*).

Кто?

Зайчиха.

Выдь-ко сюда, батюшко, на минуточку: нужно! (*Бабаевъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Карпъ, Зайчиха, Бабаевъ.

Зайчиха.

Слушай-ко! Къ тебѣ пришла Краснова, лавочница, съ сестрой, такъ спрашиваютъ, можно ли молъ взойти.

Бабаевъ.

Просите ихъ сюда! Да вотъ что! Послушайте, хозяюшка! Пожалуста, чтобы разговору не было! Можетъ быть она и еще ко мнѣ придетъ, такъ ужь вы скажите лучше, что она къ вамъ ходитъ. Можетъ быть спрашивать будутъ; знаете, вѣдь городъ маленькій, всѣ другъ друга знаютъ, другъ за другомъ смотрятъ, куда кто пошолъ, гдѣ что дѣлалъ.

Зайчиха.

И, батюшко! Да мнѣ что! Я и видѣла да не видала. Ты проѣзжій, не здѣшній.

Бабаевъ.

Попросите ихъ сюда! Мы вѣдь съ вами, милая хозяюшка, старые пріятели. (*Треплетъ ее по плечу*).

Зайчиха.

Пріятели, батюшко, пріятели! (*Уходитъ*).

Карпъ (*махнувъ рукой*).

Грѣхи! (*Уходитъ. Краснова и Жмигулина входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бабаевъ, Краснова, Жмигулина.

Жмигулина.

Еще здраствуйте! Ждали ли насъ?

Бабаевъ.

Признаться, такъ скоро не ждалъ. Садитесь, что же вы стоите! *(Садятся)*.

Жмигулина.

Бѣгомъ бѣжали къ вамъ. Изъ дому-то насилу вырвались.

Краснова.

Полно, Луша, перестань!

Жмигулина.

Ужь нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентинъ Павлычъ давеча сами видѣли нашу алистократію. А ужь какая послѣ васъ пальба была!

Краснова.

Ахъ, Луша, мало ли что въ семьѣ бываетъ; неужели всѣмъ расказывать! Никому до того дѣла нѣтъ, какъ мы живемъ.

Жмигулина.

Поняли вы теперь, Валентинъ Павлычъ, что́ такое значитъ мужикъ, когда онъ важность на себя напуститъ.

Краснова.

Хорошо тебѣ разговаривать-то: ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалѣла! Онъ мнѣ мужъ, мнѣ съ нимъ жить до гробовой доски.

Бабаевъ.

Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова.

Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете! Гдѣ-жъ вы были когда намъ было ѣсть нечего! А теперь ужь не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. (*Плачетъ*).

Бабаевъ.

Ну, объ чемъ же вы теперь-то плачете?

Краснова.

Чему-жъ мнѣ радоваться-то? Вамъ что-ли? Можетъ-быть я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то поймите: изъ-за васъ я съ мужемъ поссорилась; вы-то уѣдете не нынче-завтра, а мнѣ съ нимъ оставаться. Вы только хуже сдѣлали, что пріѣхали: до васъ-то онъ мнѣ не такъ дуренъ казался. Да и онъ вдругъ совсѣмъ перемѣнился. Пока васъ не видалъ, такъ всякую мою прихоть исполнялъ, какъ собака руки лизалъ; а теперь началъ косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мнѣ будетъ всю жизнь съ постылымъ горе мыкать! (*Плачетъ*).

Бабаевъ.

Ну, перестаньте! Что это вы! (*Жмигулиной*): Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите къ хозяйкѣ, я одинъ ее лучше уговорю.

Жмигулина.

Пожалуста, не хитрите! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бабаевъ и Краснова.

Бабаевъ *(подвигается и обнимаетъ Краснову одной рукой).*

Душенька, Танечка, ну, перестань! Что ты такъ расплакалась! Ну, давай подумаемъ вдвоемъ, какъ помочь твоему горю.

Краснова.

И думать нечего! Никакъ нельзя.

Бабаевъ.

Ужь будто? А что если я увезу тебя въ деревню?

Краснова.

Въ какую? Куда?

Бабаевъ.

Туда, въ свою. Тамъ все такъ же, какъ было при маменькѣ: тѣже алеи, пруды, бесѣдки; все тебѣ знакомое, все будетъ напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова *(освобождаясь изъ подъ его руки).*

Что вы только придумываете, какъ погляжу я на васъ! Да возможное ли дѣло, чтобъ такой вздоръ въ голову пришолъ! Чтожъ, мужъ-то такъ вамъ и позволитъ! Да онъ меня на днѣ моря сыщетъ.

Бабаевъ.

На время тебя можно будетъ спрятать, такъ что онъ и не найдетъ; а между-тѣмъ съ нимъ поторговаться.

Краснова.

Что вы! Что вы! Вотъ еще новости! Ну, да будетъ вамъ пустяки-то говорить! Вотъ вы лучше посовѣтуйте, такъ мнѣ всю жизнь съ мужемъ-то жить.

Бабаевъ.

Ну да, какъ же! Нужно мнѣ очень!

Краснова.

Значитъ, вы меня вотъ-таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вотъ что, да-съ!

Бабаевъ.

И не грѣхъ это тебѣ, Таня, а? Нѣтъ, скажи ты мнѣ, не грѣхъ?

Краснова.

Что?

Бабаевъ.

Подозрѣвать-то меня, не грѣхъ?

Краснова.

Да ну васъ! Васъ вѣдь не разберешь, притворяетесь вы, или нѣтъ.

Бабаевъ.

Да и на что тебѣ разбирать, мой ангелъ! Ты обо мнѣ-то не заботься! Ты спроси у своего сердца что́ оно говоритъ тебѣ! *(Обнимаетъ ее.)*

Краснова.

А ваше, что̀ вамъ говоритъ?

Бабаевъ.

Да вѣдь ты мнѣ, Таня, не вѣришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну, какъ я тебя обману?

Краснова.

Да ужь это не ваше дѣло! Вы только говорите!

Бабаевъ.

Да и не обману, не бойся! Изъ чего мнѣ тебя обма-

нывать. *(Нагибается къ ней, она слушаетъ, потупя глаза.)* Вотъ что Таня! Сердце мнѣ говоритъ, что никого еще я не любилъ такъ, какъ тебя люблю. Мнѣ все равно, будешь ли ты вѣрить моимъ словамъ, или нѣтъ. Да я сейчасъ и докажу тебѣ, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я вѣдь не говорю тебѣ, что я никогда не видалъ женщинъ красивѣе тебя, умнѣе. Вотъ тогда ты мнѣ могла бы прямо въ глаза сказать, что я лгу. Нѣтъ, я видѣлъ и лучше тебя и умнѣе, только не видалъ я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, какъ ты.

Краснова *(вздохнувъ)*.

Простенькой... Ахъ, правду вы говорите.

Бабаевъ.

Ну, вотъ я тебѣ сказалъ, что я чувствую. Что же ты мнѣ не скажешь?

Краснова.

Да что мнѣ говорить-то! Не умѣю я. Я бы можетъ-быть больше вашего насказала. Да и зачѣмъ говорить, — вы сами знаете.

Бабаевъ.

То-есть я, можетъ-быть, и догадываюсь, да только...

Краснова.

Ну что: «да только»? Вотъ и нечего сказать-то!

Бабаевъ.

Нѣтъ, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то изъ этого мнѣ мало. *(Молчаніе.)* Ты мнѣ сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же Таня?

Краснова.

Что вамъ?

Бабаевъ.

Любишь ты меня? *(Молчаніе)*. Любишь, а?

Краснова (*потупившись*).

Ну, да.

Бабаевъ.

Очень? *(Молчаніе.)* Что же ты молчишь? Очень любишь?

Краснова.

Да.

Бабаевъ.

А въ деревню поѣдешь со мной?

Краснова.

Ахъ, отстаньте вы отъ меня!

Бабаевъ.

Ну, не надо въ деревню. Мы вотъ что сдѣлаемъ: я найму здѣсь въ городѣ квартиру и черезъ недѣлю буду пріѣзжать сюда. Ты на это согласна?

Краснова.

Согласна.

Бабаевъ.

Ну, вотъ видишь, душенька, Танечка, я на все для тебя готовъ.

Краснова.

Вижу.

Бабаевъ.

А ты? *(Молчаніе.)* Что же молчишь?

Краснова.

А уговоръ.

Бабаевъ.

Какой уговоръ?

Краснова.

Вчерашній. Помните, тамъ на берегу.

Бабаевъ.

Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

Краснова.

Безстыдникъ вы, безстыдникъ! Нешто можно забывать такъ скоро!

Бабаевъ.

Не хочу я знать никакихъ уговоровъ. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ).*

Краснова (*встаетъ*).

Ахъ, оставьте пожалуста!

Бабаевъ.

Какъ «оставьте»? Что значитъ «оставьте»?

Краснова.

Тоже и значитъ, что оставьте.

Бабаевъ.

Что за капризы?

Краснова.

Никакихъ капризовъ, только вы пожалуста, подальше.

Бабаевъ.

Если ты станешь такъ капризничать, я вѣдь уѣду. Брошу и дѣло, за которымъ пріѣхалъ, да сейчасъ и уѣду.

Краснова.

Пожалуй уѣзжайте.

Бабаевъ.

Я вѣдь не шучу. Карпъ! (*Входитъ Карпъ*). Собирайся ѣхать и потомъ за лошадьми сходи!

Карпъ

Слушаю-съ.

Краснова.

Такъ вы вотъ какъ? Ну такъ Богъ съ вами! Прощайте! (*Убѣгаетъ*).

Карпъ.

Что же, сударь, сбираться прикажете?

Бабаевъ.

Куда сбираться! Надоѣлъ, братецъ! (*Подходитъ къ окну*). Ужь не домой ли онѣ ушли?

Карпъ.

Не уйдутъ-съ.

Бабаевъ.

Не твое дѣло! Пошолъ вонъ! (*Карпъ уходитъ, входитъ Жмигулина*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бабаевъ и Жмигулина.

Жмигулина.

Сестра просила вамъ сказать, чтобъ вы погодили уѣзжать. Теперь у хозяйки сидитъ одна знакомая женщина; такъ вы сами понимаете, что пройти къ вамъ неловко. А когда она уйдетъ, сестра зайдетъ къ вамъ. Ей нужно объ чемъ-то съ вами поговорить.

Бабаевъ.

Вы милы, Лукерья Даниловна!

Жмигулина.

Что-то ушамъ не вѣрится! Ужь отъ васъ ли я слышу такіе комплименты! *(Присѣдаетъ)*.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

КРАСНОВЪ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИПЪ.
АФОНЯ.

Комната первой сцены втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Краснова *(на кровати)*, Жмигулина *(входитъ)*.

Жмигулина.

Таня, спишь ты?

Краснова.

Нѣтъ.

Жмигулина.

Ну такъ вставай! Что валяешься цѣлый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова.

Зачѣмъ вставать-то! Что дѣлать-то!

Жмигулина.

Диви-бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуемъ!

Краснова (*встаетъ*).

Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! (*Садится*). Безталанная моя головушка! Что только я надъ собой сдѣлала! Зачѣмъ я замужъ пошла? Утопила я себя, просто утопила.

Жмигулина.

Кто-жъ его зналъ! Женихомъ-то онъ былъ тише воды, ниже травы; а теперь точно что́ нашло на него. Я вѣдь вчера думала, онъ шутитъ, что на полчаса намъ сроку-то далъ.

Краснова.

Да и я тоже думала. Кабы ты посмотрѣла, какъ онъ накинулся, какой страшной сдѣлался. А нынче все утро косился, ушолъ непростившись; вотъ и обѣдать не приходилъ.

Жмигулина.

Что же онъ тебѣ говорилъ, какъ вы вчера одни-то остались?

Краснова.

Ужь онъ и ругалъ ругательски, и въ чувство-то ударялся, и самъ плакалъ; чего, чего не дѣлалъ! За всю мою любовь къ тебѣ, говоритъ, одного я прошу, успокой ты меня, потому что я ревнивъ.

Жмигулина.

Вотъ еще наказаніе-то!

Краснова.

Ни къ кому, говоритъ, я тебя не ревную, только къ одному этому барину.

Жмигулина.

Еще бы онъ ко всякому ревновалъ; вотъ бы одолжилъ.

Краснова.

Когда онъ уѣдетъ, говоритъ, что хочешь дѣлай, и ходи, куда хочешь; а вотъ за то, что ты меня не послушалась, такъ не смѣй ты черезъ порогъ переступать, пока онъ совсѣмъ не уѣдетъ изъ города.

Жмигулина.

Ну, чтожъ ты ему на это?

Краснова.

Онъ кричитъ, а я все молчу, все молчу; только ужь очень мнѣ обидно, что онъ надо мной такую власть взялъ. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ко, вздумалъ командовать, да свои мужицкія грубости говорить. Ему вотъ ничего, что онъ меня обидѣлъ, а я нынѣче цѣлый день плакала. Вѣдь ужь онъ меня хоть зарѣжь, я его любить не буду. Еще дай онъ мнѣ волю, такъ я бы хоть какое-нибудь чувство къ нему имѣла; а теперь на зло буду все напротивъ дѣлать; хотя бы я и виновата была передъ нимъ, я и за вину не сочту; надо же мнѣ ему чѣмъ нибудь выместить. Чтожъ, не драться же мнѣ съ нимъ: у меня силы не хватитъ противъ него.

Жмигулина.

Извѣстно. Онъ будь тѣмъ доволенъ, что ты за него замужъ-то пошла; а то еще вздумалъ надъ поведеніемъ наблюдать.

Краснова.

Да и какъ я его бояться стала со вчерашняго дня. То есть не повѣришь ты: такъ вся и задрожу, какъ онъ на меня взглянетъ.

Жмигулина.

Ну, какъ же ты теперь думаешь?

Краснова.

Да какъ думать-то? Ужь очень у меня въ головѣ-то запутано. Какъ ни кинь, все дурно. За кусокъ хлѣба продала я свою молодость немилому человѣку, и день отъ дня онъ мнѣ все противнѣй становится.

Жмигулина.

Какъ не опротивѣть послѣ такихъ пасажевъ съ его стороны. Особенно какъ посравнить кой съ кѣмъ. Тотъ кавалеръ, какъ быть слѣдуетъ, во всей формѣ.

Краснова.

Ну, вотъ чтожъ мнѣ теперь дѣлать-то! Кабы я могла равнодушно отстать отъ Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да видно объ этомъ надо было прежде подумать, да пораньше хватиться; а теперь ужь поздно. Силъ моихъ не хватитъ.

Жмигулина.

Вѣдь и онъ тебя чрезвычайно какъ любитъ, Таня.

Краснова.

Ну такъ чтожъ? Богъ бы съ нимъ. То-то вотъ ума-то у насъ не хватаетъ, а послѣ и плачься. Мнѣ еще маменька-покойница говорила: смотри, дѣвка, погубитъ тебя простота твоя.

Жмигулина.

Вѣдь тебѣ чай съ нимъ повидаться надо? Онъ, я думаю, ждетъ.

Краснова.

Ну да, само собою. Кабы моя была воля, такъ я полетѣла бы къ нему.

Жмигулина.

Такъ надо умомъ раскинуть, какъ бы намъ эту статью обработать.

Краснова.

Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина.

Вотъ что, Таня! Тебѣ надо мужа обмануть.

Краснова.

Какимъ манеромъ?

Жмигулина.

Нашей сестрѣ безъ хитрости никакъ жить нельзя, потому мы слабый полъ, со всѣхъ сторонъ обиженный.

Краснова.

Какія же хитрости? Ты меня научи!

Жмигулина.

Теперь ты съ мужемъ, какъ кошка съ собакой, такъ по неволѣ въ его башку-то придетъ, чтозначитъ ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова.

Ну, какъ же съ этимъ быть?

Жмигулина.

А ты переломи себя. Принеси ему покорность: мужики это любятъ. Притворись передъ нимъ, что ты влюблена въ него, нагороди ему турусы на колесахъ, онъ ушп-то и развѣситъ. Приласкайся къ нему хорошенько разными ласками, — это ему въ диковинку.

Краснова.

Я должна буду противъ сердца говорить.

Жмигулина.

Такъ чтожъ за бѣда! Почемъ онъ знаетъ что́ у тебя на сердцѣ. Нешто ему понять, что̀ притворное обраще-

ніе, что̀ настоящее. Ты посмотри, послѣ такихъ твоихъ дели̇катностей, онъ такъ въ тебя ввѣрится, что ты хоть въ глазахъ у него амурничай, онъ и то не будетъ замѣчать.

Краснова.

Вдругъ надъ собой такой перемѣны не сдѣлаешь.

Жмигулина.

Непремѣнно вдругъ. Чегожъ тебѣ дожи́даться-то!

Краснова.

Онъ теперь на меня дуется; какъ къ нему подойдешь? Не прощенья же у него проси́ть!

Жмигулина.

Зачѣмъ прощенья? *(Подумавъ)*. А ты вотъ какъ сдѣлай: поговори ты дѣду, Архипу, что хочешь съ мужемъ помири́ться, чтобы промежду васъ никакихъ неудовольствіевъ не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что онъ тебя обижаетъ.

Краснова.

Чтожъ, я пожалуй.

Жмигулина.

Мнѣ какъ хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова.

Поди, приведи дѣдушку, онъ въ саду сидитъ. *(Жмигулина уходитъ)*. Что значитъ, коли женщина съ умомъ-то! Хоть бы и понравился кто, такъ она никому виду не подастъ. Мужа такъ обойдетъ, что онъ въ ней и души не чаетъ. А безъ ума-то и попадешься сейчасъ. *(Жмигулина вводитъ Архипа)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Краснова, Жмигулина, Архипъ.

Архипъ.

На что я вамъ? Какія такія у васъ дѣла до меня? Татьяна, ты здѣсь чтоль?

Краснова.

Здѣсь, дѣдушко.

Архипъ.

Вотъ Лукерья ведетъ меня да говоритъ: «дѣдушко Архипъ, дѣло есть!» Что, думаю, за дѣла такія до меня стараго!

Жмигулина.

Да вотъ, дѣдушко, сестра на мужа обижается.

Архипъ.

Ну такъ чтожъ! Промежду мужемъ и женой кто жъ судья! Пусть какъ хотятъ, такъ и живутъ.

Краснова.

Что за радость такъ-то жить! Лучше бы жить въ согласіи.

Архипъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Ну, живите въ согласіи! Кто жъ вамъ мѣшаетъ?

Жмигулина.

Вотъ видишь ты: у него очень грубое обращеніе, а мы къ этому не привыкли.

Архипъ.

Погоди ты, не таранти! У ней самой языкъ есть. Говори ты, Татьяна.

Краснова.

Мужъ теперь на меня сердится и не глядитъ совсѣмъ; онъ думаетъ, что я его не люблю, такъ это онъ ошибается.

Жмигулина *(дѣлаетъ знаки Красновой, чтобъ та говорила)*.

Она только его характеру боится.

Краснова.

Я его люблю, какъ по закону слѣдуетъ. Если онъ про меня что дурное думаетъ, такъ напрасно. Развѣ могу промѣнять его на кого-нибудь. Ни въ жизнь этого не сдѣлаю.

Жмигулина.

Еще бы этакаго распрекраснаго человѣка. Развѣ она не чувствуетъ.

Краснова.

Если я была въ чемъ передъ нимъ виновата, ну, побранилъ, да и будетъ. Только будь онъ со мной ласковъ, а ужь я-то всякое уваженіе ему сдѣлаю. Такъ буду угождать, что онъ и не ожидаетъ.

Жмигулина.

Она и мнѣ сколько разъ говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архипъ.

Да что вы другъ за другомъ такъ и погоняете! Сговорились вы что ли?

Жмигулина.

Да какъ же мнѣ молчать-то? Развѣ мнѣ пріятно видѣть, что сестра, которую я даже обожаю, живетъ съ мужемъ не въ согласіи. *(Дѣлаетъ знаки Красновой)*.

Краснова.

Такъ вотъ, дѣдушко Архипъ, я и хочу тебя попросить, чтобъ ты поговорилъ мужу...

Архипъ.

Постойте! Постойте! Дайте срокъ—не сбейте съ ногъ! Ты говоришь, что мужъ на тебя сердится? Значитъ ты виновата?

Краснова.

Велика ли моя вина!

Архипъ.

Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебѣ значитъ покориться не хочется: стыдно, вотъ ты и просишь меня. Такъ что ли?

Краснова.

Такъ, дѣдушка Архипъ.

Архипъ.

Отъ сердца ты говоришь, аль такъ, только слова одни?

Краснова.

Отъ сердца, дѣдушко.

Архипъ.

Ну, мнѣ что-жъ! Мое дѣло сторона. Лжешь, такъ Богу отвѣтишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будетъ согласіе, такъ всѣмъ намъ будетъ любо.

Жмигулина.

Ты ему сегодня поговори.

Архипъ.

Какъ придетъ, такъ и поговорю. *(Входитъ Афоня).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Краснова, Жмигулина, Архипъ и Афоня.

Архипъ.

Кто вошолъ?

Афоня.

Я, дѣдушко Архипъ.

Архипъ.

У насъ нынѣче праздникъ, Афоня. Вонъ Татьяна хочетъ съ мужемъ въ ладу жить, покориться ему хочетъ.

Афоня.

Покориться? Покориться? Не вѣрь, дѣдушко Архипъ, обманываетъ.

Архипъ.

Ну полно, что ты!

Краснова.

Что мнѣ обманывать! Какая корысть?

Афоня.

Аль за умъ взялась, какъ братъ пугнулъ-то хорошенько. Давно-бъ ему пора. Да ужь коли ты взаправду, такъ гордость-то брось. Въ ноги мужу-то, въ ноги кланяйся! Да и намъ всѣмъ, всѣмъ. Всѣхъ ты насъобидѣла.

Жмигулина *(тихо)*.

Не слишкомъ ли много чести будетъ.

Краснова.

За что же я буду мужу кланяться?

Афоня.

А за все, что онъ дѣлалъ для тебя. Я самъ видалъ, какъ онъ передъ тобой на колѣняхъ стаивалъ! Стыдъ головушкѣ! (*Закрываетъ лицо руками*).

Жмигулина.

Что-жъ, коли ему это нравилось.

Афоня.

Не хуже онъ васъ да кланялся, а теперь ты покло-

нись. Сними этотъ стыдъ-то съ него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и намъ всѣмъ, и зятю поди поклонись и сестрѣ.

Краснова.

Ну, еще мужу сколько нибудь на дѣло похоже, а вамъ-то за что?

Афоня.

А за то, что братъ всѣхъ насъ обидѣлъ за тебя. Съ тебя разладъ-то пошолъ въ семьѣ. Ты ему милѣй всѣхъ стала, милѣй всей родни.

Архипъ.

Угомонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотимъ, а ты опять ссору заводишь.

Жмигулина.

Вотъ и не мужъ, а какого страху задаетъ! А дай-ко ему волю-то, такъ и житья отъ него не будетъ.

Архипъ *(гладитъ по головѣ Афоню)*.

Ну, что съ него взыскивать? Онъ больной человѣкъ. *(Входитъ Красновъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Архипъ и Афоня.

Жмигулина *(Архипу тихо)*.

Лёвъ Радіонычъ пришолъ.

Архипъ.

Никакъ ты, Лёвъ, не обѣдалъ сего дня.

Красновъ.

Некогда было.

Краснова.

Коли угодно, мы сейчасъ подадимъ.

Красновъ *(садится къ столу)*.

Само собою. Ужели-жъ мнѣ, не ѣмши, быть!

Краснова.

Накрывай, сестра! *(Уходитъ въ кухню. Жмигулина накрываетъ столъ)*.

Архипъ.

Ты, Лёвъ, въ лавку пойдешь?

Красновъ.

Нѣтъ, ужь я забрался.

Архипъ.

Дома что-ль будешь?

Красновъ.

Съ часокъ мѣста побуду, а то надоть за рѣку сходить, деньги получить. *(Краснова вноситъ чашку щей, ставитъ на столъ и уходитъ съ Жмигулиной. Красновъ, съѣвши нѣсколько ложекъ, задумывается)*.

Архипъ.

Лёвъ! Не вижу я тебя, а словно какъ ты невеселъ пришолъ?

Красновъ.

На что, глядя, радоваться-то!

Архипъ.

А тужить-то объ чемъ? Что за горе?

Красновъ.

Мое горе, дѣдъ, мое. Мое собственное. Мнѣ про то и знать.

Архипъ.

Ну, Богъ съ тобой! Твое горе, тебѣ съ нимъ и вѣдаться. (*Помолчавъ*). А и то сказать, вѣдь я тебѣ не ворогъ; хоть и скажешь мнѣ, такъ бѣды не будетъ. Да и жилъ-то я не съ твое, и горя-то видалъ побольше, можетъ еще что и на пользу скажу.

Красновъ.

Не такое дѣло, дѣдъ, чтобъ совѣта просить! Ничего ты мнѣ не скажешь.

Архипъ.

Глупый ты, глупый! Почемъ ты знаешь? Аль ты себя умнѣй всѣхъ ставишь?

Красновъ.

Да отстань ты! Не до того мнѣ! Ну что присталъ! (*Стучитъ съ сердцемъ ложкой по чашкѣ. Входитъ Жмигулина, ставитъ на столъ чашку съ кашей и уходитъ*).

Архипъ.

Жена-то умнѣй тебя, право умнѣй.

Красновъ.

Кабы умна была, такъ бы слушалась мужа.

Архипъ.

Мало-ль чего нѣтъ! На всякой часъ не опасешься! А ты за малость гнѣва не держи. Одна вина—не вина, и двѣ вины—полвины; три вины—вина.

Красновъ.

Какова вина! Вина винѣ рознь. За другую вину удавить мало.

Архипъ.

Что больно грозно! Нонѣ за денной разбой да и то не вѣшаютъ.

Красновъ.

И кусокъ-то въ ротъ нейдетъ.

Архипъ.

Эко сердце-то у тебя ретивое! Я началъ было про жену-то, это я не спроста. Она прежде тебя за умъ взялась. (*Красновъ слушаетъ*). Говоритъ: «дѣдушко Архипъ, замолви за меня мужу словечко! Я, говоритъ, его люблю, только его нраву боюсь. Можетъ, онъ что думаетъ на меня, такъ напрасно. Я его ни на кого не промѣняю. Я, говоритъ, ему всякое угожденіе сдѣлаю, только бы онъ простилъ меня, да не сердился».

Красновъ.

Да это точно?

Архипъ.

Аль ты совсѣмъ рѣхнулся? Врать что-ли я стану на старости лѣтъ. Она бы и сама тебѣ сказала; ей и хочется покориться-то, да видишь ты, стыдно: ну, и боится.

Красновъ (*встаетъ*).

Дѣдушко Архипъ, пойми ты меня! Вѣдь ты знаешь какъ я ее люблю, нечего тебѣ сказывать! Жили мы съ ней до этого случая ладно; вы всѣ видѣли, души я въ ней не чаялъ. Наѣзжаетъ теперича этотъ баринъ, и вижу я, онъ съ ней разговариваетъ больно слободно: ну, и взяло меня за сердце. Вѣришь ты мнѣ, не помнилъ что говорилъ, что дѣлалъ. Какъ пошла это она къ нему, жду я ее полчаса—нейдетъ, жду часъ—нейдетъ, такъ меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тутъ я, чего не передумалъ! Можетъ я грѣшу, обижаю ее; можетъ у ней и въ умѣ-то ничего нѣтъ; да что-жъ мнѣ дѣлать-то! Жжотъ меня всего огнемъ, вотъ такъ и жжотъ. Обидѣлъ я ее, это точно, да легко ли

мнѣ самому-то? Скажи ты мнѣ, что она умерла сейчасъ,—что я надъ собой сдѣлаю, я не знаю, а легче мнѣ будетъ, ничѣмъ у меня ее кто отыметъ. (*Плачетъ*). Другой денегъ себѣ хочетъ, знати, а мнѣ ничего не надо, мнѣ только чтобъ она меня любила. Дай ты мнѣ на выборъ: вотъ молъ тебѣ, Красновъ, горы золотыя, палаты царскія, только оставь жену; или вотъ молъ тебѣ землянка непокрытая, работа всякая черная, только съ женой жить; я и охъ не молвлю, буду на себѣ воду возить, только бы съ ней быть завсегда. Такъ слушай ты, дѣдушко! Мудрено-ль, что я съ горяча и обидѣлъ ее! Нѣтъ любви, такъ и сердца нѣтъ. А вотъ ты мнѣ говоришь, что она теперь сама покориться хочетъ! Вѣдь такой радости мнѣ и во снѣ не увидать. Точно у меня гора съ плечъ. Какъ будто я снова на свѣтъ родился! Ну, дѣдушко Архипъ, спасибо тебѣ! Мертвый я былъ человѣкъ, оживилъ ты меня! То-есть такое мнѣ въ голову лѣзло, что кажется и не замолить въ вѣкъ. Близко онъ, окаянный, подлѣ меня ходилъ. Мало того, что въ уши-то шепчетъ, а, и сказать-то грѣхъ, (*тихо*) и подъ руку толкаетъ.

Архипъ.

Что ты! На кого?

Красновъ.

Ну, да ужь что было, то прошло. Впередъ не дай Богъ этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архипъ.

А ты укорачивай сердце-то!

Красновъ.

Эхъ, дѣдушка! Радъ бы я укорачивать, да не спохватишься. Въ очахъ у тебя вдругъ смеркается, въ го-

ловѣ звенитъ, за сердце словно кто рукой ухватитъ, въ умѣ тебѣ только несчастье да грѣхъ представляются. И ходишь какъ полоумный, ничего кругомъ себя не видишь. А вотъ теперь отошло отъ сердца, такъ и ничего—полегчало, равно и не бывало ничего. *(Входитъ Жмигулина и беретъ чашку со стола).* А гдѣ же Татьяна Даниловна?

Жмигулина.

Она тамъ въ кухнѣ.

Красновъ.

Зачѣмъ же онѣ въ кухнѣ? Что имъ тамъ дѣлать! Совсѣмъ не мѣсто въ кухнѣ сидѣть! Позовите ихъ сюда. *(Жмигулина уходитъ).*

Афоня (*тихо Архипу*).

Дѣдушко, будетъ она брату въ ноги кланяться, аль нѣтъ? Коли не будетъ, я уйду.

Архипъ.

Какъ хотятъ, намъ что за дѣло! *(Входятъ Краснова и Жмигулина).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Архипъ и Афоня.

Краснова.

Вы меня звали?

Красновъ.

Потому собственно, что вамъ въ кухнѣ сидѣть непристойно-съ.

Архипъ.

Я, Татьяна, ему говорилъ; теперь ужь какъ хочешь сама.

Краснова.

Лёвъ Радіонычъ! Если я въ чемъ виновата передъ

вами, такъ извините меня. Если вамъ угодно, я вамъ пожалуй въ ноги поклонюсь.

Красновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же-съ! Я и такъ могу чувствовать-съ! Нешто я могу васъ допустить до этого, чтобъ вы мнѣ кланялись! Что я тогда буду за человѣкъ!

Краснова.

Я согласна что угодно сдѣлать, только бы вы на меня не сердились.

Красновъ.

Ничего мнѣ отъ васъ не надобно, кромѣ вашего слова-съ. Вы сказали слово — и конецъ, я вамъ долженъ вѣрить.

Краснова.

Значитъ вы на меня не сердитесь?

Красновъ.

Никакого сердца-съ! А что я точно человѣкъ не полированный, сгоряча пошумѣлъ, такъ за это не взыщите, потому любя-съ.

Жмигулина.

Ахъ, полноте! Кто же на васъ можетъ взыскивать!

Краснова.

Я ужь и забыла. Мнѣ не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотѣли даже и взглянуть на меня.

Архипъ.

Вѣдь помирились, ну и будетъ! Что старыя-то дрязги перетряхивать! Вотъ теперь какъ слѣдуетъ поцѣлуйтесь. Такъ все дѣло и пойдетъ своимъ чередомъ.

Краснова.

За этимъ, дѣдушко, дѣло не станетъ. Я съ моимъ большимъ удовольствіемъ! Я ужь давно хотѣла, да не знала какъ понравится Льву Родіонычу!

Красновъ.

Если вы съ удовольствіемъ-съ, такъ ужь я вдвое противъ того-съ! (*Цѣлуются*).

Жмигулина.

Это только всегда было удивительно видѣть для меня, Лёвъ Радіонычъ, какъ сестра васъ любитъ.

Красновъ.

Что-жъ тутъ удивительнаго-съ?

Жмигулина.

Я ее, Лёвъ Радіонычъ, лучше васъ знаю. Она тихаго характеру, она не можетъ вамъ всего высказать, а надобно знать, что она чувствуетъ.

Красновъ.

Тѣмъ для насъ пріятнѣй-съ!

Жмигулина.

Она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ.

Красновъ (*женѣ*).

Чего же меня робѣть-съ! Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

Жмигулина.

Мы ужь такъ отъ природы.

Красновъ (*женѣ*).

Нѣтъ, ужь вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы

впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазритъ. Что я за пугало?

Краснова.

Я васъ не буду бояться, Лёвъ Радіонычъ, я васъ буду любить.

Жмигулина.

Другія изъ нашей сестры вамъ на словахъ всего наскажутъ, чего даже у нихъ и на сердцѣ нѣтъ, а сестра напротивъ.

Красновъ.

Такъ мы и будемъ васъ понимать. А то иной разъ не знаешь, какъ къ вамъ подойти! Понравится ли еще вамъ!

Краснова.

Вы мнѣ всегда нравитесь.

Афоня.

Пойдемъ, дѣдушко Архипъ, на улицу посидѣть!

Архипъ.

Пожалуй пойдемъ. Теперь у насъ слава-Богу опять совѣтъ да любовь. Хорошо, когда въ домѣ согласіе! Хорошо, дѣтки, хорошо! *(Уходя)*. Окаянный сквозь землю,—Господь по землѣ! *(Уходятъ)*.

Жмигулина.

Я тутъ залепортовалась, а мнѣ тоже кой-куда сбѣгать надо. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Красновъ, Краснова.

Красновъ *(садится на лавку)*.

Ахъ, Татьяна Данилovна, кабы Богъ далъ намъ съ вами вѣкъ прожить въ такомъ согласіи, какъ теперича!

Краснова (*садясь подль него*).

Да и проживемъ.

Красновъ.

Вѣдь вотъ ежели бы вы завсегда съ такой лаской, такъ изъ меня хоть веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, изъ меня лаской все можете сдѣлать.

Краснова (*кладетъ ему руку на плечо*).

Да мнѣ ничего не нужно отъ васъ, я всѣмъ довольна. Только вы не думайте обо мнѣ съ худой стороны. Зачѣмъ вы меня приревновали?

Красновъ (*обнимая ее*).

Ишь ты какая, обидѣлась! (*Съ любовью смотритъ на нее*). Душа ты моя! Что кому дорого, тотъ то и бережетъ. Вѣдь ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ! Ты какая жена-то? У кого такая есть! Ты на зависть всему городу, нешто я не вижу. Кому захочется такую жену потерять! Первое дѣло: это все одно что клокъ изъ сердца вырвать, а второе дѣло, мнѣ насмѣшками да укорами проходу не дадутъ, со свѣту сживутъ. Я тебя, надо такъ говорить, больше души своей люблю, и въ помышленіи-то не хотѣлъ бы тебя обидѣть, а вотъ—что ты хочешь—все-таки думается.

Краснова.

А вы не думайте!

Красновъ.

Ну, да теперь шабашъ.

Краснова (*ласкаясь*).

Ужь ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

Красновъ.

Сказано шабашъ! Цѣлуй-ко ты меня покрѣпче! (*Цѣ-*

луются). Вотъ такъ! Сказывай ты мнѣ теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мнѣ привязку имѣть?

Краснова.

Такъ, просто люблю, да и все.

Красновъ.

Нѣтъ, ты сказывай! Мнѣ лестно это слышать отъ тебя. Хочу я знать, что́ есть такое во мнѣ, что меня такая красавица полюбила? Аль умомъ, аль чѣмъ тебѣ по праву пришолся?

Краснова.

Да всѣмъ. Что-жъ, кто про тебя дурное скажетъ? Извѣстно, хорошій человѣкъ.

Красновъ.

Ну, а еще что?

Краснова.

Ты очень добръ, ничего не жалѣешь для меня.

Красновъ.

Вотъ что! *(Крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ)*. Ну, такъ люби меня больше, еще добрѣй буду. Что ты морщишься? Аль поизмялъ маленько?

Краснова.

Да ты очень крѣпко.

Красновъ.

Ну, да ужь ау братъ! Ничего не подѣлаешь! Какъ люблю, такъ и обнимаю. Значитъ отъ души, безъ фальши. Небось не сахарная, не развалишься.

Краснова.

Да я ничего.

Красновъ.

Вѣдь я знаю, что такъ только. А то на что тутъ жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Такъ, что ли?

Краснова.

Самъ знаешь, что-жъ спрашиваешь!

Красновъ.

Эка жизнь съ бабой-то хорошей! Малина, просто! Разлюбезное дѣло! Нѣтъ-то ничего на свѣтѣ лучше! И что такое это значитъ, что вы нашему брату такъ дороги?

Краснова.

Я не знаю.

Красновъ.

Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаемъ одно, что... прилѣпился къ женѣ своей, вотъ и все. Прилѣпился, ну, и кончено дѣло Когда я теперича съ тобой самъ другъ, такъ мнѣ хоть все огнемъ гори! (*Цѣлуетъ ее*). Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебѣ обновку куплю.

Краснова.

На что! Не надо!

Красновъ.

Коли я говорю, что куплю, стало-быть это мое дѣло. Значитъ, по дѣлу выходитъ, что надо. Ты свое дѣло знай: утѣшай мужа! А я буду свое знать. (*Взглянувъ на часы*). Э, да ужь времени-то много! Надоть идти! А не хотѣлось бы мнѣ отъ тебя уходить.

Краснова.

Не ходи!

Красновъ.

Ой, аль и вправду нейти? Да нѣтъ, что́ баловаться-то! Дѣвушка гуляй, а дѣла не забывай! Не приди нынче за деньгами, такъ послѣ недѣлю даромъ проходишь. И какъ далеко идти-то! Чтобъ его!.. За рѣку вѣдь! Съ часъ проходишь, прахъ его побери! *(Беретъ картузъ).* Такъ ты говоришь: погоди!

Краснова.

Да разумѣется!

Красновъ.

Ишь ты какая! *(Обнимаетъ ее).* Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль что! А ты вотъ подожди меня часикъ, авось въ часъ-то не умрешь! *(Цѣлуетъ ее).* Ну, прощай! А то съ тобой пожалуй этакъ и вправду останешься. Вѣдь вы на соблазнъ человѣческой созданы на свѣтѣ! *(Идетъ).*

Краснова.

Приходи скорѣй!

Красновъ.

Какъ скоро, такъ и сейчасъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, раньше часу не обернешься. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Краснова *(вслѣдъ мужу).*

Ну, прощайте! Насилу-то ушолъ. Несчастная я, несчастная! Говорятъ, надо любить мужа; а какъ я могу его любить? Грубый, неотёсаный, ласки медвѣжьи! Сидитъ—ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая! Вотъ ужь ничего бы на свѣтѣ не взяла, кабы не такое

теперь дѣло вышло. Что дѣлать-то! И не милъ, да покоряйся! *(Молчаніе)*. Да куда-жъ это всѣ разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! *(Садится къ окну)*. И народу-то никого нѣтъ на улицѣ, поглядѣть не на кого. Куда это сестра дѣлась? *(Затьваетъ въ пололоса)*.

Ахъ, матушка скучно!
Сударыня грустно!
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ занываетъ;
Милъ про то не знаетъ,
Какъ сердце страдастъ.

(Входитъ Жмигулина)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина.

Что, ушолъ?

Краснова.

Ушолъ.

Жмигулина.

Далеко ли?

Краснова.

За рѣку.

Жмигулина.

Долго проходитъ?

Краснова.

Говоритъ: ближе часу не вернусь.

Жмигулина.

Вотъ бы и сбѣгала. Я сейчасъ тамъ была, — онъ дожидается. Сегодня ѣдетъ.

Краснова.

Неужели сегодня? Какъ же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказалъ вѣдь. Повидала бъ я его.

Жмигулина.

Возьми мой платокъ, покройся хорошенько. Ишь на дворѣ-то совсѣмъ какъ сумерки, никто тебя не узнаетъ.

Краснова.

Не было бы бѣды?

Жмигулина.

Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Далеко ль тутъ, мигомъ добѣжишь. Только не засиживайся!

Краснова.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно. (*Покрывается платкомъ*).

Жмигулина.

То-то жъ, смотри! Сохрани Господи, Лёвъ Радіонычъ раньше тебя придетъ! Что мнѣ тогда дѣлать! Развѣ сказать, что за нитками-молъ пошла къ знакомой. Хорошо какъ повѣритъ. Ты что тутъ съ нимъ одна-то говорила?

Краснова.

Что говорила—не знаю, что теперь дѣлаю—не помню.

Жмигулина.

Ну, бѣги, бѣги! (*Краснова уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Жмигулина и (*потомъ*) Афоня.

Жмигулина (*у окна*).

Ишь пустилась! Какъ стрѣла летитъ. А гдѣ бы ей

придумать, кабы не я. Вотъ и собой хороша, да какъ ума-то нѣтъ, тоже плохо. Всему-то ее научи; смотри за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Не научи я съ мужемъ помириться, что̀ бы было? Ссора да брань. Она бы пожалуй уступить не захотѣла; ну, значитъ, поминутно въ домѣ страженіе, а отъ сосѣдей мараль. А теперь, что хочешь, дѣлай: все шито да крыто будетъ. *(Входитъ Афоня).*

Афоня.

Гдѣ Татьяна? Гдѣ она, гдѣ она?

Жмигулина.

Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

Афоня.

Нужно мнѣ. Говори, гдѣ? Говори, гдѣ?

Жмигулина.

Въ саду должно быть.

Афоня.

Что ты меня дурачишь! Скажи хоть разъ въ жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина.

Можетъ быть и ушла.

Афоня.

Это она что-ли сейчасъ въ ворота шмыгнула?

Жмигулина.

Должно быть она. Не за нитками ли пошла? Она давно хотѣла къ сосѣдкѣ сбѣгать.

Афоня.

За нитками?

Жмигулина.

Ну да, за нитками.

Афоня.

Ты врешь, врешь!

Жмигулина.

Да отвяжись! Что ты пристал! Ты что дѣда-то бросилъ?

Афоня.

Не твое дѣло. Я знаю куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазамъ по вашимъ видѣлъ: у васъ огни въ глазахъ бѣгали, дьявольскіе огни.

Жмигулина.

Экой ты эхидный мальчишка!

Афоня.

Такъ погодите жъ вы, погодите! Будетъ вамъ насъ обманывать, выведу я васъ на свѣжую воду.

Жмигулина.

Не пугай! Не очень тебя боятся.

Афоня *(со слезами)*.

Господи Боже мой! Что это такое? Какого человѣка въ глаза обманываютъ! *(Убѣгаетъ)*.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена 2.

ЛИЦА:

ЗАЙЧИХА.
КУРИЦЫНА.
АФОНЯ.
БАБАЕВЪ.
КРАСНОВА.

Улица передъ домомъ Зайчихи. Сумерки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Курицына и Зайчиха (*входятъ изъ калитки*).

Зайчиха.

И, матушка, что ты! что ты! Какъ можно! Брось, не думай! Тебѣ такъ показалось. Ужь повѣрь ты мнѣ, что показалось.

Курицына.

Толкуй, показалось! Я еще слава-Богу не ослѣпла. Ее-ль не узнать! Да я ее сейчасъ изъ тысячи выберу по платью. У насъ вѣдь одна модница-то только и есть; мы по праздникамъ того не надѣваемъ, въ чемъ она по будиямъ ходитъ. Мы это съ тобой изъ двери, а она къ нему въ дверь.

Зайчиха.

Говорю тебѣ, ошиблась. Оно точно, что не безъ грѣха. Есть тутъ одна, бѣгаетъ къ нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мнѣ что! Развѣ бы я не сказала? Да коли неправда, такъ зачѣмъ пустяки говорить.

Курицына.

Ты вѣдь потатчица.

Зайчиха.

Не грѣши, Уляша, не грѣши!

Курицына.

Да что за грѣхъ, Прокофьевна! Отъ нея станется; я ее знаю. Больно ей братъ волю далъ. На другую бъ я не подумала, а на нее и грѣха нѣтъ. Не нынче, такъ завтра начнетъ петли метать, что и концовъ не найдешь. Она брату-то очки на носъ надѣнетъ. А вѣдь какъ она меня разобидѣла, кабы ты знала.

Зайчиха.

У жь-ли?

Курицына.

Съ мѣста не сойти! Брата настроила, тотъ такъ и рычитъ на меня. Знать, говоритъ, тебя не хочу. Вотъ она какая! Да нѣтъ погоди, милая! Со мной не съ кѣмъ другимъ.

Зайчиха.

И, полно ты! Что вамъ дѣлить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

Курицына.

Да пропадай она пропадомъ: мнѣ до ней-то и дѣла нѣтъ; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутитъ, со всей родней его ссоритъ.

Зайчиха.

Ну, ужъ это ваше дѣло; какъ нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, что-ли?

Курицына.

Домой, касатка: ужинать пора. Мой привередникъ-то теперь чай ходитъ да,покрикиваетъ. Заходи къ намъ-то!

Зайчиха.

Ваши гости. (*Цѣлуются. Прокофьевна уходитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Курицына и (*потомъ*) Афоня.

Курицына.

Кто ее знаетъ, вретъ Прокофьевна или нѣтъ. Вѣрить-то ей нельзя, баба-то плутъ. А дорого-бъ я дала, чтобъ мнѣ узнать доподлинно, она теперь у барина или нѣтъ. Нешто подождать? А какъ она тутъ долго, такъ мужъ-то мнѣ такую гонку задастъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Ну, счастлива ты, что мнѣ некогда, а то подстерегла бы я тебя. (*Идетъ. На встрѣчу ей Афоня*). Афоня, ты куда?

Афоня.

Поди, не трожь меня! Не трожь!

Курицына.

Татьяна дома?

Афоня.

Нѣтъ, ушла.

Курицына.

Такъ она тутъ, у барина, я ее сейчасъ видѣла.

Афоня.

У барина? Господи! Гдѣ же стыдъ-то въ людяхъ!

Курицына.

Ну, я домой побѣгу, скажусь мужу, да и къ вамъ зайду. *(Уходя)*. Погоди братецъ, погоди обидчикъ, я теперь тебя отчитаю. (*Уходитъ*).

Афоня.

Батюшки! Силъ моихъ нѣтъ! Какъ тутъ жить на свѣтѣ? За грѣхи это надъ нами! Ушла отъ мужа къ чужому. Безъ куска хлѣба въ углу сидѣла, мы ее призрѣли, нарядили на свои трудовыя деньги! Братъ у себя урываетъ, отъ семьи урываетъ, а ей на тряпки даетъ, а она теперь съ чужимъ человѣкомъ ругается надъ нами за нашу хлѣбъ-соль. Тошно мнѣ! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрѣли мы змѣю на своей груди. *(Прислоняется къ забору)*. Буду ждать, буду ждать. Я ей все, скажу, все что на сердцѣ накипѣло. *(Изъ калитки выходятъ Бабаевъ и Краснова. Афоня прячется за уголъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Афоня, Бабаевъ, Краснова.

Бабаевъ.

Чего ты боишься? на улицѣ ни души. И куда ты торопишься, получасу нѣтъ, какъ ты пришла.

Краснова.

Нѣтъ, нѣтъ! Все какъ-то сердце не на мѣстѣ.

Бабаевъ.

Что у тебя за страхъ такой, я не понимаю. Ну, побранитъ мужъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Краснова.

Вотъ тогда я тоже опоздала; какой онъ страшный сдѣлался, такъ и думала, убьетъ. Страшенъ онъ мнѣ, очень страшенъ! (*Молчаніе*). Ты скоро опять пріѣдешь?

Бабаевъ.

Черезъ недѣлю, а ужь много дней черезъ десять.

Краснова.

Эхъ, право, какъ это такъ сдѣлалось! Вѣдь вотъ кабы по душѣ-то судить: ты въ деревню — и я въ деревню, ты въ Петербургъ—и я за тобой.

Бабаевъ.

Вѣдь я тебя звалъ съ собой.

Краснова.

Тебѣ хорошо: ты свободный человѣкъ, а я теперь все равно что въ крѣпости. Вотъ оно мое горе-то! Да и то ужь не разъ мнѣ въ голову приходило, какъ бы къ тебѣ убѣжать.

Бабаевъ.

И отлично.

Краснова.

Ты только вздумай какова моя жизнь несчастная: что́ мужа обманешь, то́ и поживешь въ удовольствіе. Все обманъ да обманъ! А что хорошаго обманывать-то? да и противно; не такой у меня характеръ. А догадайся мужъ, что я его не люблю, такъ онъ бранью да попреками меня въ гробъ сведетъ. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу, и что я въ ихъ семьѣ лишняя, ну, и отпустили бы меня на всѣ четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто пойметъ! Ты посмотри, какіе они всѣ грубые да строгіе, а я къ строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нѣтъ.

Бабаевъ.

Таня, ты вотъ что сдѣлай! скажи ему прямо, что ты съ нимъ жить не хочешь. Найми съ сестрой квартирку, я вамъ денегъ вышлю.

Краснова.

Что ты! что ты! и думать нечего. Развѣ онъ отпуститъ. Хоть умирай, да при немъ, у него на глазахъ; лучше ужь я уйду потихоньку.

Бабаевъ.

Ну, потихоньку.

Краснова

Охъ, ужь право не знаю. На словахъ-то всѣ мы бойки, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и разумъ потеряешь, особенно я. Ужь дѣлай ты, какъ знаешь. Что ты мнѣ скажешь, такъ я и буду дѣлать. Вѣдь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаевъ.

Разумѣется.

Краснова.

Вотъ правду-то говорятъ, что всѣ мы, бабы, сумашедшія: сама вѣдь замужъ пошла, никто меня не неволилъ, ну такъ и жить бы, какъ по закону слѣдуетъ; а меня вотъ къ тебѣ тянетъ, изъ дому бѣжать хочу. А ты все виноватъ, Валентинъ Павлычъ: черезъ тебя теперь я отъ дому отбилась. Кабы не ты, жила-бы какъ-нибудь съ мужемъ, покрайности бы горя не знала.

Бабаевъ.

Прекрасная жизнь! есть о чемъ жалѣть!

Краснова.

А теперяшняя жизнь нешто хороша! Конечно я не

должна тебя много винить, потому что сама кругомъ виновата. Вамъ что думать! ваше дѣло мужское, никто тебя не осудитъ, а намъ за все про все бѣда. Ну, да что дѣлать! Теперь поздно разбирать кто правъ, кто виноватъ, а видно такъ надобно было этому дѣлу случиться. Только ты не обмани меня, пріѣзжай!

Бабаевъ.

Ну полно, что ты! Непремѣнно пріѣду.

Краснова *(цѣлуетъ его)*.

Прощай! пора мнѣ! Что это какъ я вся трясусь, ноги такъ и подламываются.

Бабаевъ.

Ты успокойся немного. Пойдемъ, я съ тобой погуляю по берегу; еще успѣешь домой вовремя придти. *(Уходятъ)*.

Афоня.

Вотъ, братъ Лёвъ, на кого ты насъ промѣнялъ! погляди, полюбуйся! Кто тебя любитъ-то душою, такъ ты на того звѣремъ смотришь; я сохну, какъ свѣчка; таю все изъ любви да изъ жалости къ тебѣ, а еще ни разу отъ тебя добраго слова не слыхалъ. Въ женѣ ты души не чаялъ, а она, злодѣйка наша, вотъ что дѣлаетъ! Нѣтъ на свѣтѣ правды, нѣтъ! (*Уходитъ*).

Сцена II.

Л И Ц А:

КРАСНОВЪ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИПЪ.
АФОНЯ.
КУРИЦЫНЪ.
КУРИЦЫНА.

(Комната 3-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I.

Жмигулина *(входитъ со свѣчей и ставитъ ее на столъ)*, потомъ Афоня.

Жмигулина.

Что это Таня нейдетъ! ужь пора бы. Эка сумашедшая! рада, что вырвалась, а того не подумаетъ, что вдругъ сверхъ всякихъ ожиданій мужъ вернуться можетъ. Вотъ и вертись, какъ на иголкахъ. Только кто за дверь, такъ сердце и упадетъ. Каждая минута за годъ кажется. Афонька еще меня безпокоитъ. Куда онъ дѣлся? ужь не ее-ль стережетъ? Конечно противъ каждаго его слова можно найти десятъ отговорокъ, а все-таки пожалуй сумлѣніе наведетъ. Ахъ, кто-то идетъ, неужто самъ! сохрани Господи! Я кажется такъ тутъ и умру. *(Входитъ Афоня, и, охая, ложится на лежанку).* Ты гдѣ былъ?

Афоня.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту.

Жмигулина.

Да говори, авось языкъ-то не отвалится.

Афоня.

Не хочу я съ тобой говорить.

Жмигулина *(ласково)*.

Аль тебѣ, Афоня, не здоровится?

Афоня.

О, Господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Жмигулина.

Очень нужно тебя обманывать!

Афоня.

Брата обманывайте, а меня не обманете. Нѣтъ, нѣтъ.

Жмигулина.

Ты что-то такое говоришь довольно-странное для меня.

Афоня.

Охъ, моченьки моей нѣтъ! Отойди: не вертись ты на моихъ глазахъ, не мучь ты меня.

Жмигулина.

Тебѣ-жъ хуже, когда ты ласки не умѣешь понимать.

Афоня.

Не надо мнѣ, ничего не надо.

Жмигулина.

Ну, такъ и знай свою печку. Ты думаешь мнѣ нужно? такъ вѣдь, изъ жалости. *(Молчаніе)*. Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на мѣстѣ. *(Входитъ Красновъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Красновъ.

Красновъ.

Вотъ и я какъ-разъ. Каково обернулъ! Я надъ Татьяной Даниловной пошутилъ малость: ждите, говорю, черезъ часъ, а самъ черезъ полчаса тутъ какъ тутъ, чтобы значитъ неожиданно. Оставлялъ чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да гдѣ-жъ онѣ-съ?

Жмигулина.

Да не знаю. Тутъ гдѣ-нибудь. Не въ садъ ли вышла?

Красновъ.

Пошлите ихъ поскорѣй, я имъ хочу за нынѣшное ихъ уваженіе подарочекъ сдѣлать.

Жмигулина.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Уходитъ).*

Красновъ *(ходитъ молча, потомъ разсуждаетъ самъ съ собою).*

Пятьдесятъ семь рублевъ, шесть съ костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчаніе).* Что же онѣ пропали? *(Ходитъ, молча).* Афоня, ты не знаешь куда вышла жена?

Афоня.

Не знаю. Охъ, не можется мнѣ.

Красновъ.

Да чтоже онѣ проклажаются? *(Подходитъ къ двери).* Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подаютъ. Что же это такое теперича значитъ? Афанасій! да гдѣ-же жена?

Афоня.

Аль соскучился безъ нея? придетъ, не бойся. Гдѣ ни гуляетъ, а домой придетъ.

Красновъ *(у двери).*

Татьяна Даниловна! *(Входитъ Курицына).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Курицына.

Красновъ.

Кто это? это ты, Ульяна?

Курицына.

Я, братецъ.

Красновъ.

Зачѣмъ?

Курицына.

Навѣстить васъ, братецъ, по-родственному.

Красновъ.

Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына.

У васъ, братецъ, сердце, у меня другое; я такъ вотъ не могу объ роднѣ не вспомнить. Гдѣ невѣстушка-то?

Красновъ.

Да гдѣ-то тутъ запропастилась. Кличу ихъ, да не докличусь.

Курицына.

Да можетъ далеко гдѣ, такъ вашего зова не слышатъ.

Красновъ.

Гдѣ же далеко? Говорятъ тебѣ, что дома.

Курицына.

Кто говоритъ-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Красновъ.

Хоша бы и она.

Курицына.

А ты и повѣрилъ. Эхъ ты простота, простота.

Красновъ.

Уйди сестра! Уйди отъ грѣха!

Курицына.

Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видѣла какъ она къ барину прошла.

Красновъ.

Эка роденька у меня! Счастье мое имъ поперегъ горла стало. Варварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за языкъ твой, за проклятый. (*Замахивается*).

Афоня (*встаетъ съ печи*).

Тише ты, тише! Что буянишь?

Красновъ.

Вмѣстѣ васъ обоихъ на одну осину.

Афоня (*заслоняя сестру*).

Не трожь ее, пальцемъ не трожь! Она правду говоритъ, истинную правду.

Красновъ.

Врете вы, ненавистники! Часу нѣтъ, говорю я вамъ, часу нѣтъ, мы съ ней тутъ сидѣли, цѣловалися, обнималися, въ глаза другъ другу глядѣли, наглядѣться не могли.

Курицына.

Батюшки, да онъ помѣшался! Ты ума рѣхнулся! Да поди самъ погляди, коли намъ не вѣришь.

Красновъ (*у двери*).

Лукерья Даниловна!

Курицына.

Кличь, кличь; и она туда-жъ побѣжала. (*Входитъ Курицынъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтобъ она изъ дому не бѣгала.

Красновъ.

Да гдѣ же она? Гдѣ же она? Пожалѣйте вы меня: вѣдь вы изъ меня жилы тянете.

Курицынъ.

Да авось придетъ: не ночуетъ же она тамъ.

Курицына.

Да вы, братецъ, успокойтесь, сядьте!

Курицынъ.

Да всѣ и подождемъ ее, сударушку.

Красновъ.

Ласкала, миловала, крѣпко къ сердцу прижимала. *(Краснова тихо входитъ и оглядываетъ всѣхъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Краснова.

Красновъ.

Гдѣ была-побывала? Весело-ль погуляла? Говори, не утаивай! Что-жъ молчишь? Говори! Видишь: всѣ на мой срамъ глядѣть сошлись.

Курицына.

Чтожъ ты молчишь, безстыжіе твои глаза! Отмолчаться что-ль думаешь? Видѣли мы, какъ ты и туда прошла и назадъ вышла.

Курицынъ.

Топни, братъ, на нее, топни хорошенько, заговоритъ.

Красновъ.

Да не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть-то, какими глазами? Врутъ что-ль они?—такъ

гнать ихъ вонъ, чѣмъ ни-по́падя! Аль можетъ правду говорятъ? Освободи ты мою душу отъ грѣха. Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ-то мой? Была ты тамъ?

Краснова.

Что-жъ мнѣ теперь лгать, когда ужь всѣ видѣли. Была.

Красновъ (*потерявшись*).

Ну, вотъ добрые люди, вотъ... вотъ оно дѣло-то! Что же теперь? Какъ же я?.. Ну, простите меня окаяннаго, что я васъ обидѣлъ? Какъ чужія жены—я не знаю, а у насъ вотъ какъ...

Курицына.

Вотъ и посмотримъ теперь на твою спѣсь. Какъ теперь въ люди носъ-то покажешь, безстыдница! Осрамила брата-то у насъ, осрамила!

Афоня.

Змѣя, змѣя!

Курицынъ.

Что на нее смотрѣть-то! Тутъ же ее сейчасъ и разказнить надо. (*Входитъ Архипъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Архипъ.

Архипъ.

Аль наказанье какое божеское? Что за шумъ? Не пожаръ ли? Не вижу вѣдь.

Курицына.

Да вотъ невѣстушка дѣлъ надѣлала! Кабы я на мѣстѣ брата, такъ бы взяла ее да и разразила.

Красновъ.

Прочь, прочь! Никто, никто пальцемъ не тронь! Я ей мужъ, я ей и судья. Ну, скажи мнѣ что-жъ это ты, какъ? Съ чего ты загуляла-то? Грѣхъ что ли тебя попуталъ; сама ты не гадала этого надъ собой, не чаяла? Или своей охотой что-ли на грѣхъ пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься объ дѣлахъ своихъ, аль нѣтъ? Аль можетъ ты думаешь, что такъ и надо? Говори, что молчишь! Совѣстно тебѣ людей-то теперь, аль весело? Стыдъ-то у тебя есть въ глазахъ, аль рада ты своимъ дѣламъ? Да что ты, каменная что ли! Валяйся у всѣхъ въ ногахъ, роспинайся! Или ужь прямо мнѣ въ глаза говори, что ты на зло мнѣ сдѣлала! Что бы мнѣ знать-то что́ дѣлать-то съ тобой—жалѣть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила-ль меня; есть ли за что мнѣ хоть пожалѣть-то тебя? Или все ужь обманывала что ли, во снѣ что ли мнѣ снились мои красные дни.

Краснова *(со слезами)*.

Я виновата, Лёвъ Радіонычъ, я васъ обманула. Не любила я васъ никогда и теперь не люблю. Ужь лучше вы меня оставьте, чѣмъ намъ обоимъ мучиться. Лучше разойдемтесь!

Красновъ.

Какъ разойтись? Куда разойтись! Нѣтъ, врешь! А на комъ же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня барышня любитъ распрекрасная. На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь взять? Пошла въ кухню! Не умѣла быть женой, будешь кухаркой! Не умѣла съ мужемъ ходить объ руку, ходи по воду. Ты меня въ одинъ день состарила, и я теперь надъ твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни

взойдетъ солнце красное, кромѣ тычка на отмашь да поприёка, не дождешься ты отъ меня весь свой вѣкъ; развѣ какъ-нибудь, подъ сердитую руку, убью тебя какъ собаку. Да подайте мнѣ ножикъ! (*Краснова убѣгаетъ*).

Афоня.

Братецъ! Братецъ! Она уйдетъ, уйдетъ сейчасъ.

Красновъ.

Не уйти ей отъ меня.

Афоня.

Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались уѣхать въ деревню.

Красновъ.

Да кто-жъ у меня ее возьметъ, коли я ее не отдамъ. Гдѣ это такая сила есть на свѣтѣ, которая у меня ее отыметъ? Только развѣ съ руками оторвутъ.

Афоня (*заглядывая въ дверь*).

Братецъ, собирается. Уйдетъ, братецъ!

Красновъ (*отталкивая его*).

Прочь! Отъ мужа только въ гробъ, больше никуда. (*Уходитъ. Слышенъ крикъ Красновой: «пустите меня»! Возвращается*). Вяжите меня! Я ее убилъ.

Афоня.

Ни́што ей!

Курицына.

Ахъ, голубчикъ! Что теперь съ твоей головушкой будетъ?

Архипъ.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ведите меня къ нему! (*Афоня подводитъ*). Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ

Нешто она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческой! Вяжите его!

Курицынъ.

Не ждалъ, не гадалъ, а въ бѣду попалъ! Бѣда не по̀лѣсу ходитъ, а по́-людямъ.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1611—1612).

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(25 Августа 1611 года).

Л И Ц А:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ, земскій староста Нижняго посада.
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БИРКИНЪ, стряпчій, присланный въ Нижній Ляпуновымъ для совѣту.
ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВЪ, дьякъ, старый человѣкъ.
АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОСПѢЛОВЪ, боярскій сынъ.
ПЕТРЪ АКСЕНОВЪ, старикъ, богатый торговый человѣкъ.
ЬАИМЪ КОЛЗАКОВЪ, стрѣлецкій сотникъ.
РОМАНЪ ПАХОМОВЪ, боярскій сынъ. } Гонцы изъ Москвы.
РОДІОНЪ МОСѢЕВЪ, посадскій. }
ВАСИЛІЙ ЛЫТКИНЪ (лѣтъ 50) }
ПАВЕЛЪ ТЕМКИНЪ (лѣтъ 35) } торговые люди.
СЕМЕНЪ ГУБАНИНЪ (лѣтъ 20) }
ГРИША, юродивый мальчикъ.
ПАВЛИКЪ (писчикъ), писарь Биркина.
МАРѲА БОРИСОВНА, богатая вдова.
ВСЯКІЕ ЛЮДИ НИЖЕГОРОДСКІЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Часть Нижняго посада, близъ Кремля: направо и налѣво деревянныя лавки, на заднемъ планѣ деревянный Гостиный дворъ, за нимъ видна гора и стѣны Кремля; налѣво въ заднемъ углу, на пригоркѣ, башня и ворота въ Кремль. Направо продолженіе Нижняго посада. Вдоль лавокъ деревянные мостки съ навѣсомъ для пѣшеходовъ; у растворовъ скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ гостиномъ дворѣ торговцы въ лавкахъ и у лавокъ; проходитъ народъ, нѣкоторыя останавливаются и покупаютъ разныя вещи. Слышны голоса: «здѣсь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди зипунъ! Изъ Решмы съ оторочкой». Петръ Аксёновъ сидитъ на скамьѣ у своей лавки *(крайней справа)*. Василій Лыткинъ входитъ, отпираетъ крайнюю лавку съ противуположной стороны: заставляетъ ее скамьей и подходитъ къ Аксёнову.

Аксеновъ.

Здорово-ль, кумъ?

Лыткинъ.

Здорово, Петръ Аксенычъ.
Тебя какъ милуетъ Господь?

Аксеновъ.

Спасибо!
Живемъ-таки. Что Господа гнѣвить!
Откуда, Вася?

Лыткинъ.

Съ низу, изъ Казани;
Да позамѣшкался въ дорогѣ малость.
Домашніе здоровы-ль?

Аксеновъ.

Всѣ здоровы.

Лыткинъ.

Не слышно ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

Аксеновъ.

Хорошаго немного.

Лыткинъ.

Да ужь гдѣ намъ!
Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!
Поменьше бы худаго, такъ и ладно.

Аксеновъ.

Толкуютъ много. Можетъ что и есть
Новѣе, только хуже ужь навряд ли.

Лыткинъ.

А что?

Аксеновъ.

Да яко бы, грѣхъ нашихъ ради,
Святаго патріарха Ермогена
Михайло Салтыковъ да воръ Антоновъ
Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ.

(Тихо).

Толкуютъ, что Михайло Салтыковъ
Ножемъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и до вѣка.
Собака!

Лыткинъ.

Ой! Ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

Аксеновъ.

Какъ терпитъ праведный Господь злодѣямъ!

Лыткинъ.

Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелося!
Я вотъ боюсь, у насъ-то все ли тихо?

Аксеновъ.

Здѣсь тишь да гладь, да Божья благодать
Какъ за стѣной живемъ за воеводой

Алябьевымъ. Дай Богъ ему здоровья!
Да и въ народѣ смуты не слыхать;
Мордва да Черемиса задурила,
Да присмирѣла.

Лыткинъ.

Что Кузьма Захарычъ?

Аксеновъ.

Душой болѣзнуетъ, скорбитъ. Самъ знаешь,
Не радуетъ ничто. О земскомъ дѣлѣ
Печалится одинъ за всѣхъ.

Лыткинъ.

Здоровъ ли?

Аксеновъ.

Богъ милуетъ. Кузьма Захарычъ дорогъ
Нижегородцамъ. За его здоровье
Всѣ молимся. Онъ твердо, неослабно
За вѣру православную стоитъ;
По площадямъ да по базарамъ ходитъ;
Разумными рѣчами утверждаетъ
Въ народѣ крѣпость!

Лыткинъ.

Что и говорить!
Радѣтель!

Аксеновъ.

Диво это, братъ Василій,
Какъ умудрилъ его Господь рѣчами!
Насъ стариковъ къ себѣ сбираетъ на домъ,
Да и бесѣдуемъ до поздней ночи:
Ты, какъ дуракъ, сидишь, разиня ротъ,
Вотъ такъ тебя слеза и прошибаетъ,
Все слушалъ бы, кажись, и не ушелъ бы.

Вотъ какова его бесѣда!

Лыткинъ.

Что же
Онъ говоритъ такое?

Аксеновъ.

Эхъ, братъ Вася,
Зачѣмъ тебѣ чужое дѣло знать!
Чай своего довольно!

Лыткинъ.

Не чужіе
Ни ты, ни онъ: свои, чуть не родные.

Аксеновъ.

Свои-то мы свои, да вотъ что, другъ:
Ужъ очень это дѣло-то велико,
А у тебя языкъ не кстати дологъ.
А, вѣришь ли, такъ душу и мутитъ,
Когда святое дѣло осрамляютъ
Рѣчами праздными. Зѣло противно!
Какъ если песъ какой нечистымъ рыломъ
Нанюхаетъ на трапезѣ хлѣбъ-соль:
Такъ все одно и это.

Лыткинъ.

Я, Аксенычъ,
Вотъ видитъ Богъ, ни слова!

Аксеновъ.

Не божись!
Ну, слушай; да языкъ-то за зубами
Подерживай! Затѣи-то велики,
А что дастъ Богъ, увидимъ. Самъ ты знаешь,
Что вѣра гибнетъ, что ругатель-врагъ

Насъ одолѣлъ, что православнымъ тѣсно,
Что стонъ и плачъ сиротъ и горькихъ вдовъ,
Какъ дымный столбъ, на небеса восходитъ.
Вотъ, глупый человѣкъ, мы и толкуемъ,
Что легче смерть отъ острія меча,
Чѣмъ видѣть, какъ ругаются святыней.
Вотъ и толкуемъ, какъ бы ополчиться,
Да либо помереть ужь, либо Русь
Отъ иноземцевъ и воровъ очистить,
Отъ всякой погани.

Лыткинъ.

Аксенычъ, страшно!
Въ раззоръ насъ раззорятъ и животишки
Пограбятъ всѣ: куда съ дѣтьми дѣваться!
Не трогаютъ, такъ и сидѣть бы смирно.
Куда ужь лѣзть!

Аксеновъ.

Да ты крещенъ, аль нѣтъ?
Аль животы тебѣ дороже вѣры?
А братія? А слезныя писанья
Изъ-подъ Москвы? И это ничего!
Пусть умираютъ, намъ тепло да сыто?

Лыткинъ.

Не обижай! Я отъ міру не прочь.
Ужь коли всѣ, и я.

Аксеновъ.

Смотри, Василій!
Рцы слово твердо и назадъ не пяться.
(Подходятъ Тёмкинъ и Губанинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Темкинъ и Губанинъ.

Темкинъ (*Лыткину*).

А, живая душа! Воротился? За барышами ѣздилъ, съ татарами торговалъ?

Губанинъ.

Какъ ему не торговать!

Темкинъ.

Хорошо ли съѣздилъ? Чай мошну-то туго наколотилъ?

Лыткинъ.

Да, наколотилъ, какъ же! Ты спроси, свои-то цѣлы ли. Нажилъ добра! На харчи не хватило.

Губанинъ.

И какъ это тебѣ только не стыдно людей морочить! Вѣстимо, даромъ не поѣдешь! Что мы тебя ограбимъ, что-ли?

Лыткинъ.

Не къ тому, другъ, что ограбишь. Гдѣ ограбить! А вотъ, право тебѣ, какъ Истиннымъ...

Темкинъ.

А я вотъ что скажу: доведись мнѣ, я бы тебя ограбилъ.

Лыткинъ.

Что ты, что ты! Въ своемъ ли ты разумѣ?

Темкинъ.

Да ужъ ограбилъ бы: вѣрно говорю. За то за самое, что денегъ у тебя больше всѣхъ, а ты все сиротой притворяешься.

Лыткинъ.

Нечего въ чужой мошнѣ считать, ты считай въ своей!

Губанинъ (*увидавъ Поспѣлова, который выходитъ изъ Кремля*).

Вонъ Алексѣй Михайловичъ идетъ.

Темкинъ.

Вотъ душа—человѣкъ! Нужды нѣтъ, что изъ боярскихъ дѣтей, а много проще нашего брата будетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

Аксеновъ.

Куда гулять изволишь, Алексѣй
Михайловичъ?

Поспѣловъ.

Пришелъ тебя провѣдать.

Аксеновъ.

Спасибо! Ты отколь?

Поспѣловъ.

Я изъ собора.
Вѣстей несу; да только не взыщите,
Немного радости. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ прибѣжали
Изъ-подъ Москвы; отписки привезли.

Аксеновъ.

Ты видѣлъ ихъ?

Поспѣловъ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма

Захарычъ сказывалъ. Къ нему и стали
Сряжаются на воеводской дворъ
Несть грамоту отъ патріарха.

Аксеновъ.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексѣй Михайлычъ,
Ужь худо ль, хорошо ли, — не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

Поспѣловъ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

Аксеновъ.

Да что же за напасти
Такія!

Губанинъ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

Аксеновъ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

Лыткинъ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ, —
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужь вѣрно правда.

Темкинъ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

Аксеновъ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

Поспѣловъ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь, за что стоять не знаютъ;
Цѣлуютъ крестъ невѣдомо кому!

Аксеновъ.

Еретикамъ, латинцамъ, да ворамъ, —
Кому попало.

Поспѣловъ.

Новгородъ великій
Изъ Швеціи царевича зоветъ;
А сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,
Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,
Такой, что и сказать-то не пригоже;
Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

Аксеновъ.

А что же рать, что подъ Москвою въ сборѣ?
Что воеводы?

Поспѣловъ.

Розно разошлись —
Которые домой, другіе грабить.
Что воры не успѣли, то они
У православныхъ христіанъ растащатъ.

Аксеновъ.

Ужли-жъ совсѣмъ оставили Москву?

Поспѣловъ.

Остались подъ Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой, да атаманъ Заруцкой.

Аксеновъ.

А что-жъ они?

Поспѣловъ.

Они-то? Цѣловали
Псковскому вѣдомому вору крестъ.
Всѣ пошатнулись.

Аксеновъ.

Наше мѣсто свято!

(*Вбѣгаетъ Юродивый*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Юродивый.

Аксеновъ.

Откуда, Гриша?

Юродивый.

Ась?

Аксеновъ.

Откуда молъ?

Юродивый.

Въ монастырѣ обѣденку стоялъ,
И панахиду пѣли, поминали...

Аксеновъ.

Кого?

Юродивый.

Раба Прокофья.

Аксеновъ.

Упокой,
Господь, въ святыхъ Твоихъ селеньяхъ душу
Раба Прокофья!

*

Всѣ.

Упокой, Господь!

Юродивый.

Онъ, говорятъ, былъ добрый. Я поплакалъ
И помянулъ. Подайте на дорогу!

Поспѣловъ.

Прими!

(Подаетъ и уходитъ въ лавку съ Аксеновымъ).

Лыткинъ.

Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ —
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Сыпучими, да темными лѣсами
Дремучими.

Лыткинъ.

Куда жъ дорога, Гриша?

Юродивый.

Къ честнымъ обителямъ.

Лыткинъ.

Одинъ пойдешь?

Юродивый.

Нѣтъ, много, много.

Лыткинъ.

Что онъ говоритъ?
Сулитъ дорогу, а куда? Извѣстно,
Одна дорога; значитъ, всѣ помремъ;
И, надо полагать, что это вскорѣ.

Губанинъ.

Нѣтъ, надо быть, что о другой дорогѣ
Онъ говоритъ.

Темкинъ.

Его не разберешь;
Убогой онъ у насъ и малоумный.

Юродивый (*со слезами*).

Нѣтъ, вотъ что: храмы тамъ безъ богомольцевъ,
Безъ пѣнія. Подайте на дорогу!

(Бьютъ по сцени. Всѣ расходятся по лавкамъ. Входятъ Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Семеновъ и Биркинъ.

Семеновъ.

Ну, вотъ, Иванъ Иванычъ, твоего
Отца и благодѣтеля не стало.
Всѣмъ горе, а тебѣ, чай, вдвое.

Биркинъ.

Что-жъ!
Всѣ подъ Богомъ. Слезами не поможешь!
Всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!

Семеновъ.

Это такъ;
А все-таки тебѣ онъ благодѣтель,
Попеже въ люди вывелъ, далъ дорогу.

Биркинъ.

Самъ виноватъ, гордыня обуяла,
Да и къ тому-жъ съ казаками не ладилъ.

Семеновъ.

И по писанію, блаженъ тотъ мужъ,
Кто къ нечестивымъ на совѣтъ не ходитъ;
Съ ворами какъ же ладить! Не бери
Грѣха на совѣсть! Лихомъ поминать
Не слѣдъ тебѣ такого воеводу.
Его жъ убили, онъ же виноватъ!
Не говори! Грѣшишь, Иванъ Иванычъ!

Биркинъ.

Кого-жъ винить? Бояръ?

Семеновъ *(со вздохомъ)*.

И не бояръ.
Намъ осуждать бояръ не подобаетъ, —
Мы молоды съ тобой и худородны.
А виноватъ во всемъ злохитрый врагъ,
Злокозненый діаволъ, ненавистникъ
Спасенья нашего. Онъ искони
Враждуетъ, искони злоумышляетъ
Расхитить божье стадо и украсть
И погубить въ конецъ. Его-то дѣйствомъ
Междоусобіе и рознь межъ нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И въ прелести смятеся вся земля.

Биркинъ *(оглядываясь)*.

А въ Нижнемъ шатости не замѣчаешь?

Семеновъ.

Нѣтъ, Богъ хранитъ пока.

Биркинъ.

А знаешь что?
Вѣдь Нижній ключъ всей Волги; за него бы

Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили,
Кабы привесть къ присягѣ. Воеводой
Быть можно. А тебя въ Москву, въ дьяки,
Въ любой приказъ.

Семеновъ.

Ты шутишь, аль смѣешься?

Биркинъ.

Какъ хочешь понимай!

Семеновъ.

Какъ понимать!
Измѣнникомъ я не былъ и не буду,
И съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу;
Зане отступникамъ страшна кончина!
Идутъ во адъ, и во святыхъ церквахъ
Поминовенья о такихъ не будетъ,
И приношенья непріятны Богу,
И будетъ имъ мученье безъ конца.

Биркинъ.

Я пошутилъ съ тобой.

Семеновъ.

Иванъ Иванычъ,
Шути съ кѣмъ по-моложе. Этихъ шутокъ
Я не люблю, онѣ подвохомъ пахнутъ.

Биркинъ.

Ну, не сердись! не любишь, такъ не стану
Шутить съ тобой; намъ ссориться не слѣдъ:
Не ладно въ Нижнемъ.

Семеновъ.

Полно, что пугаешь,
Иванъ Иванычъ; какъ тебѣ не грѣхъ!

Биркинъ.

И знаешь, кто у насъ заводитъ смуту?

Семеновъ.

Кому же заводить?

Биркинъ.

Кузьма Захарьевъ.

Семеновъ.

Не вѣрю, быть не можетъ.

Биркинъ.

Погоди,
Дай срокъ, увидишь самъ. Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что-то
И по почамъ сбираются къ нему.

Семеновъ.

Нѣтъ.

Биркинъ.

Ты не спорь со мной; развѣдай лучше!

Семеновъ.

Да нѣтъ же, говорю.

Биркинъ.

Не ошибись!

Семеновъ.

Не ошибусь я въ этомъ человѣкѣ.
Кузьму я знаю вдоль и поперекъ:
Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ;
А все-таки души онъ не продастъ;
Сгрубить—сгрубитъ, а смуты не затѣетъ.

Биркинъ.

Отъ грубости до мятежа далеко-ль!
Я не люблю, кто бойко говоритъ.

Семеновъ.

Да у меня горломъ не возмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

Биркинъ.

На то мы власти, чтобы насъ боялись,
Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

Семеновъ.

Я при царѣ Иванѣ началъ службу,
Въ дьякахъ состарѣлся и посѣдѣлъ.
Ужь мы съ Кузьмой не первый годъ воюемъ;
Ты слово, а онъ десять, да зубъ за зубъ.

Биркинъ.

Наскочитъ на меня, такъ будетъ помнить.

Семеновъ.

Ну, и тебя таки честитъ изрядно,
И за глаза все Тушинымъ коритъ,
А тушинцамъ у насъ почету мало;
На Волгѣ ихъ не любятъ.

Биркинъ.

Не бѣда!
Насильно милъ не будешь! Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Не кстати говорливы! Вотъ ты здѣшній,
Не тушинскій; а тоже говорятъ,
Что ты берешь посулы, что съ живого
И съ мертваго дерешь, не разбираешь.

Семеновъ.

Да кто же говоритъ?

Биркинъ.

А все Кузьма.

Семеновъ.

Не вѣрь, Иванъ Иванычъ! Все напрасно;
Посуловъ не беру. Онъ злымъ поклепомъ
Меня обноситъ. Да ты самъ ли слышалъ?

Биркинъ.

Самъ слышалъ.

Семеновъ.

Не снесу такой обиды,
Пойду челомъ ударю воеводѣ.

Биркинъ.

Я говорю тебѣ, что онъ мятежникъ;—
Съ народомъ шепчетъ, а властей ругаетъ;
Небось, безъ умыслу? Да кто жъ повѣритъ!

Семеновъ.

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вѣшайте.

Биркинъ.

А ты пока молчи,
Умѣй скрывать обиду; дожидайся
Поры, да времени. Онъ не уйдетъ.
Отъ нашихъ рукъ, запомни это слово.
Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца сослѣдитъ;
Волкъ травленый, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подъячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить онъ и задалъ тягу.
Теперь веревки, какъ огня боится.

Семеновъ.

Да можетъ быть, и не своей вины
Въ бѣду попался?

Биркинъ.

Мнѣ какое дѣло!
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.
Ну, и тисать гораздъ, мнѣ то́ и нужно.
Да мы еще стобою потолкуемъ.
Куда пойдешь отсюда?

Семеновъ.

На Оку,
Стерлядокъ искупить недорогихъ бы.

Биркинъ.

Такъ вмѣстѣ и пойдемъ! И я туда же.

(Уходятъ. Изъ Кремля выходитъ Мининъ за нимъ нѣсколько посадскихъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мининъ.

Голоса.

Кузьма Захарьичъ идетъ! Кузьма Захарьичъ идетъ!

(Аксеновъ, Поспѣловъ, Лыткинъ и нѣсколько торговцевъ выходятъ изъ лавокъ).

Мининъ *(Лыткину)*.

А, милый человѣкъ! Какъ поживаешь?

Лыткинъ.

Нешто! ѣаки—живемъ; а все тоска,
Кузьма Захарьичъ. Вѣришь ли ты, руки

Отъ дѣла отымаются, и хлѣбъ
На умъ нейдетъ.

Мининъ.

Да, годы испытанья
Наслалъ Господь.

Лыткинъ.

Все боязно, Кузьма
Захарьичъ. Не знаю, что и дѣлать,
Да какъ и быть!

Мининъ.

Надѣяться на Бога
Да денежку на черный день пасти!

Аксеновъ.

Скажи намъ что нибудь, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Дурныя вѣсти изъ Москвы.

Аксеновъ.

Мы знаемъ.

Мининъ.

Мнѣ Богъ гостей послалъ. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ, по старинной
Любви и дружбѣ, стали у меня.
Разсказами всю душу истерзали.
Въ Москвѣ не ладно; надо такъ сказать,
Что хуже не бываетъ. Владиславу
Одни послѣдствуютъ, другіе вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Такихъ отступниковъ, да страхомъ сильны.
И тѣ, которые за Патріарха,
Стоятъ не явственно, бѣды боятся.
А на него-то наша вся надежда.

Онъ наше утвержденіе и столпъ,
Онъ твердый адамандъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громитъ безстрашно
Предателей. Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И изъ темницы умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно.
Нахому не разъ онъ говорилъ:
«Спасенье русское придетъ отъ Волги.
«Хорошій, говоритъ, и чистый край!
«Снеси ты имъ мое благословенье»!
Не обезсудьте, что сказалъ вамъ мало!
У самого-то въ головѣ не ладно;
Прокопъ Петровичъ изъ ума нейдетъ.
Пойдемъ-ка потолкуемъ, Петръ Аксенычъ!

(Кланеется на всѣ стороны; всѣ расходятся по лавкамъ. Мининъ и Аксеновъ входятъ на мостки и садятся на скамью подлѣ лавки Аксенова. Поспѣловъ стоитъ у лавки. Съ Нижняго посада выходитъ Колзаковъ и трое стрѣльцовъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Колзаковъ и стрѣльцы.

Колзаковъ и стрѣльцы (*поютъ*).

Намъ на Волгѣ жить,
Все воромъ слыть.
На Яикъ идти,
Переходъ великъ;
Подъ Казань идти,
Грозенъ царь стоитъ.

Колзаковъ (*увидя Минина*).

А! Богъ тебя любитъ, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Ступай своей дорогой!

Колзаковъ.

Азъ есмь бражникъ!

Мининъ.

Я вижу.

Колзаковъ.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человѣкъ.

Мининъ.

Тебѣ же хуже!

Колзаковъ.

Нельзя не пить: такое время! Вотъ что!
Ты думаешь, я съ радости; я съ горя,
Растройство! Не возьмешь ничѣмъ! А помнишь,
Какъ помоложе былъ, такъ дѣло дѣлалъ;
Царю Ивану царства покорили.
А что теперь! Ходили съ воеводой,
И бились тоже, крови не жалѣли;
А съ чѣмъ пришли? Въ глаза-то людямъ стыдно
Глядѣть. Какой я воинъ, братецъ! Срамъ!
И что мы за люди! Прощенья просимъ!

(Отходитъ со стрѣльцами на другую сторону).

Стрѣльцы (*поютъ*).

Намъ идти ль, не идти ль
На Иртышъ на рѣку,
На Иртышъ на рѣку,
Подъ Тоболъ-городокъ.

(Скрываются. Выходитъ Марѳа Борисовна, за ней двѣ женщины одѣляютъ деньгами нищихъ. Мининъ идетъ къ ней навстрѣчу).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

Марѳа Борисовна.

А я тебя ищу, Кузьма Захарьичъ!
Ты у обѣдни былъ?

Мининъ.

Привелъ Господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марѳа Борисовна.

Панихиду слушалъ?

Мининъ.

Я панихиду самъ и заказалъ.

Марѳа Борисовна.

Ужь ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Ужь кто же, какъ не ты!
Вотъ горе-то на насъ, Кузьма Захарьичъ!
(Плачетъ).
Вѣдь я не знала.

Мининъ.

Ночью вѣсть пришла.

Марѳа Борисовна.

Какъ услыхала въ церквѣ, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой къ себѣ, сижу да разливаюсь;
Какъ будто только мнѣ и дѣла; точно
Я не хозяйка въ домѣ. Да ужь послѣ
Хватилась. Разогнала всѣхъ людей
По бѣднымъ, одѣлить хоть понемногу,

Да звать обѣдать. Приказала стряпкамъ
Для нищей братіи обѣдъ готовить.
Зайди, Кузьма Захарьичъ, да зови,
Кого увидишь; вмѣстѣ помянули бъ,
Чѣмъ Богъ послалъ.

Мининъ.

Благодарю за ласку.
А ужь не знаю, какъ тебѣ сказать!
Есть дѣло земское: отъ патріарха
Гонцы сегодня прибѣжали ночью;
Такъ надо бы на воеводской дворъ
Идти. Чай, позовутъ.

Марѳа Борисовна.

Такъ ты попозже!
Ужь очень скучно; хоть поговорить бы;
А то изныло сердце.

Мининъ.

Все отъ думы.
Дѣла не радуютъ. Я и пришелъ бы,
Да у меня у самого-то гости:
Изъ Решмы мужичокъ, изъ Балахны,
Да изъ Москвы. Гостей таки-довольно,

Марѳа Борисовна.

Покорно просимъ и съ гостями!

Мининъ.

Ладно!

Марѳа Борисовна.

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

Мининъ.

Прощенья просимъ, Марѳа
Борисовна! Благодарю за память!

(Марѳа Борисовна уходитъ. Аксеновъ и Поспѣловъ выходятъ къ Минину. Павликъ пробирается въ лавку къ Лыткину).

Поспѣловъ.

Объ чемъ это, Кузьма Захарьичъ, Марѳа
Борисова съ тобою говорила?

Мининъ.

Къ себѣ звала.

Поспѣловъ.

Пойдешь?

Мининъ.

Нельзя нейдти.
Ее грѣшно обидѣть! Приходите
И вы!

Аксеновъ.

Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копѣйка.

Поспѣловъ.

Кто жъ ее не знаетъ!

Аксеновъ.

На вольномъ свѣтѣ много лѣтъ я маюсь:
А, что грѣшить, не приводилось видѣть
Такого дива. Баба молодая,
Живетъ въ міру, безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смиреніемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣть не желаетъ.
Другой ханжа: такъ всѣмъ нарочно кажетъ
Свой тощій обликъ, я-де вотъ пощусь.
Вотъ иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дѣло, ужь извѣстно,
Не всѣ-то трезвы,—къ ней-то и пристанутъ:
«Да выпей съ нами!»—Рада бъ, говоритъ,
«Да я вчера, признаться, согрѣшила:
«Съ подругой все сидѣла, да тянула
«Я медъ, такой-то сладкій показался,
«Не утерпѣла. Нынче не просите!»
Она. чтобъ не обидѣть ихъ, а тѣ
Смѣются съ-дуру, весело имъ, видишь;
Ихъ полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тутъ медъ! И мяса-то не ѣстъ.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власяницѣ, въ теремѣ своемъ,
Съ безсчетными поклонами земными.
А утромъ весела, на пиръ идетъ.
Онѣ смѣются, а она голубка
И рада, что ее не очень хвалятъ.
Сама не пьетъ, а любитъ угостить:
Я бражничалъ у ней таки-довольно.
Ступайте, братцы! Что жъ, коли зоветъ,
Уважить надо.

Мининъ.

Мы пойдемъ. А ты?

Аксеновъ.

Недужится, ужь старъ. Былъ помоложе,
Такъ по гостямъ ходилъ; теперь и дома
Такъ только впору. Можетъ и приду,
Коль удосужусь, да не разнедужусь.

(Уходитъ въ лавку).

Поспѣловъ.

Кузьма Захарьичъ! я къ тебѣ съ поклономъ,—
Замѣсто батюшки роднаго будь!
Мнѣ жизнь не въ жизнь: съ утра до поздней ночи
И съ вечера до утренней зари
Все объ одномъ я думаю-гадаю,
Одно мнѣ сна-покою не даетъ.
Ты наведи меня на умъ-на разумъ,
Прямую путь-дорогу покажи!

Мининъ.

О чемъ тоскуешь?

Поспѣловъ.

Какъ бы это молвить?
Такое дѣло,—и сказать-то стыдно,
И утаить-то грѣхъ передъ тобой.
Иль бѣсъ мутитъ, иль ужь судьба такая,
Такой предѣлъ на долю вышелъ. Марфа
Борисовна все изъ ума нейдетъ.
Повѣришь ли, все я объ ней жалѣю.
Мнѣ жаль ее, что сиротой живетъ,
Одна, какъ перстъ, никто не приласкаетъ
Печаль-заботу не съ кѣмъ подѣлить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубитъ

И, по-родному, крѣпко обойметъ?
Она о бѣдныхъ плачетъ, слезы прячетъ,
А я объ ней. Гляжу, да все боюсь.
Чтобъ на нее и вѣтеръ не повѣялъ,
Осенній дождь не канулъ на лицо,
Чтобъ не озябла, ногъ не замочила.

Мининъ.

Такъ любятъ да жалѣютъ только женъ;
А то грѣшно. Ты ей самой сказалъ ли?

Поспѣловъ.

Не разъ—не два мы съ нею говорили,
Отказомъ не обидѣла меня.
Не обѣщаетъ, да и прочь не гонитъ.

Мининъ.

Такое ль время, Алексѣй Михайлычъ!

Поспѣловъ.

Да что мнѣ время! Жить и умирать
Ужъ лучше вмѣстѣ. Годы подошли,
Кузьма Захарычъ, мнѣ нужна хозяйка.
Ей двадцать лѣтъ, и мнѣ ужъ скоро тридцать;
Она богата, да и я не бѣденъ;
Мы ровни по годамъ и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навѣчно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честнѣй въ дому благочестивомъ.

Мининъ.

Придется къ слову, я поговорю.

(Уходитъ въ лавку Аксенова. Павликъ и Лыткинъ выходятъ изъ лавки; къ нимъ постепенно подходятъ изъ другихъ лавокъ и проходящіе).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Павликъ и Лыткинъ.

Павликъ.

Охъ дѣла, дѣла! Какъ сажа бѣла!

Лыткинъ.

Такъ ты вѣрно знаешь, что королевичъ скоро будетъ въ Москвѣ?

Павликъ.

Кабы не вѣрно, я бы, другъ любезный, и не говорилъ. Намъ ли съ Иванъ Иванычемъ не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

Лыткинъ.

Что-жъ потомъ съ нами будетъ, какъ королевичъ придетъ въ Москву?

Павликъ.

А то и будетъ, что спроситъ: «Кто мнѣ слуги вѣрные?» Ему скажутъ, а онъ будетъ ихъ жаловать. «А кто, спроситъ, намъ супротивники?» Скажутъ на насъ, ну, и пошлетъ королевичъ рать-силу великую, безъ числа, и не оставятъ камня на камнѣ.

Одинъ изъ толпы.

Вяземскій подходилъ, да много ли взялъ!

Павликъ.

Что ты знаешь! Съ огненнымъ боемъ придутъ, какъ тутъ устоять!

Лыткинъ.

Раззоръ, братцы.

Павликъ.

Все можетъ быть, все можетъ быть. Такъ не лучше
ли намъ заблаговременно...

(Увидавъ Минина, который съ Поспѣловымъ вышелъ изъ лавки, говоритъ что-то шопотомъ).

Мининъ.

Постой! что за народъ? О чемъ толкуетъ?
Того и жди, что смута заведется.
Изъ воровскихъ полковъ съ подсыломъ много
Народу набѣгаетъ; не усмотришь,
Проѣзжій городъ. А, да это нашъ.
Изъ Биркинскихъ людей, Павлушко, писчикъ.
Негодный человѣчишко, за нимъ
Глядѣть, да и глядѣть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаемъ-ко, что онъ тамъ толкуетъ.

(Подходятъ къ толпѣ).

Голосъ изъ толпы.

Ну, что-жъ ты замолчалъ? — Что языкъ-то прикусилъ?

Павликъ.

Я живу съ краю, ничего не знаю, мое дѣло сторона.

(Убѣгаетъ).

Мининъ.

Что онъ мололъ?

Голоса изъ толпы.

Да много говорилъ.—
Про королевича.—Да разореньемъ
Все намъ грозитъ.

Лыткинъ.

Такія страсти
Наговорилъ, не знаешь, что и дѣлать.

Мининъ.

Какъ только вамъ не грѣхъ воришекъ слушать,
Бездѣльныхъ, шлющихся! Развѣсьте уши,
Имъ на руку, они тому и рады.
Ихъ много изрыгнулъ на Русь святую
Огнедыхательный діаволъ, поядатель
Душъ человѣческихъ, злохитрый змѣй.

Голоса изъ толпы.

Да кто жъ ему повѣритъ!—Зря болтаетъ!—
Учи насъ, вразумляй, Кузьма Захарычъ!

Мининъ.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не цѣловать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ иноземцевъ,—ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ государь—великій патріархъ.
Другаго нѣтъ у насъ. Что скажетъ—свято.

Народъ.

Что намъ прикажетъ, то и будемъ дѣлать.

Мининъ.

Сегодня отъ него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтемъ и вамъ объявимъ
Его приказъ и земское рѣшенье.

(Вбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ).

Одинъ изъ нихъ.

Отписки изъ Москвы! Гонцы съ вѣстями!

Голоса изъ лавокъ.

Куда идутъ?

Одинъ изъ вновь пришедшихъ.

На воеводской дворъ.

Другой.

Письмо отъ патріарха Ермогена.

(Площадь наполняется. Входятъ Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосьевъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ.

Родіонъ Мосѣевъ.

Честнымъ Нижегородцамъ изъ Москвы,
Отъ разоренныхъ и плѣненныхъ братій
Поклонъ мы правимъ низкій, до земли.

(Кланяется, всѣ кланяются).

Романъ Пахомовъ.

Честному духовенству, воеводамъ
И всѣмъ, и старшимъ и молодшимъ людямъ,
Благословеніе отъ патріарха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1.

ЛИЦА:

БЕРКИНЪ.
СЕМЕНОВЪ.
МИНИНЪ.
АКСЕНОВЪ.
ТЕМКИНЪ.
ГУБАНИНЪ.
НАРОДЪ.

(Мѣсто въ Кремлѣ близъ воеводскаго дома).

ЯВЛЕНІЕ I.

Темкинъ и Губанинъ и нѣсколько народа стоятъ возлѣ дома. Аксеновъ выходитъ изъ дома.

Темкинъ.

Что, Петръ Аксенычъ, объ чемъ читали?

Аксеновъ.

Великій господинъ нашъ патріархъ пишетъ, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство намъ отнюдь не хотѣть, и чтобы были мы въ любви и въ соединеніи и промышляли бы, какъ души свои положить за вѣру. Да и на словахъ про тоже приказывалъ Роману Пахомовичу да Родіону Мосѣичу.

Темкинъ.

Что-жъ вы такъ долго?

Аксеновъ.

Много разговору было. Кузьма на одномъ стоялъ, что грѣхъ намъ, сложа руки, сидѣть; а надо, какъ ни-наесть, промышлять на супостата.

Темкинъ.

Что-жъ воеводы?

Аксеновъ.

Не давали ему путемъ слова вымолвить. А пуще Биркинъ да Семеновъ,—оборвали, обругали. А за что? Диви́ бы онъ о своемъ дѣлѣ радѣлъ! Вотъ какова злобато въ человѣцѣхъ!

Темкинъ.

Доведись мнѣ, я бы съ ними поговорилъ. Я бы ихъ отчиталъ; такъ бы и вцѣпился.

Губанинъ.

Какъ имъ не грѣхъ! Какъ это они Бога-то не боятся! Ахъ страмъ какой! Какъ это у людей стыда нѣтъ въ глазахъ!

(Выходятъ изъ дому: Биркинъ, Семеновъ и Мининъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Биркинъ, Семеновъ и Мининъ.

Семеновъ.

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сытъ ли ты, Иванъ Иванычъ?

Биркинъ.

По горло сытъ. Отъ вашихъ разговоровъ
Завяли уши.

Семеновъ.

Ну, Кузьма Захарьевъ,

Спасибо за науку! Угостилъ
Насъ дураковъ разумными рѣчами;
Такъ и сидѣли всѣ, развѣся уши,
Да слушали.

Биркинъ.

Ну, какъ его не слушать
Онъ всѣхъ умнѣй! Ишь, краснобай какой!

Мининъ.

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините;
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Семеновъ.

Обидѣть не обидѣлъ, грѣхъ сказать;
А насказалъ довольно, не уложишь
Въ большой мѣшокъ.

Биркинъ.

Да кто же виноватъ?
Мы сами дали волю, такъ и слушай!
А онъ и радъ.

Мининъ.

Да кто же запретитъ
Мнѣ говорить?

Семеновъ.

Да всякій, кто постарше.

Мининъ.

За вѣру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мнѣ.

Семеновъ.

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ, — такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи!—такъ замолчишь.

Мининъ.

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не своѣ вамъ рѣчи говорилъ:
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же проситъ. Пусть насъ Богъ разсудитъ.
Кто правъ, кто виноватъ. Вы не хотѣли
Повѣрить мнѣ; смотрите, не пришлось бы
Вамъ каяться.

Семеновъ.

Тебѣ повѣрить? Ишь ты,
Чего ты захотѣлъ! Ты будь доволенъ,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркинъ.

Да изъ избы не выгнали тебя.

(Уходятъ, и за ними всѣ, исключая Минина и Аксенова).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мининъ и Аксеновъ.

Мининъ.

Знать, имъ не жаль ни крови христіанской,
Ни душъ своихъ. Какая имъ корысть!
Самимъ тепло, а братію меньшую
Пусть врагъ сѣчетъ и рубитъ, да и души

Насильнымъ крестнымъ цѣлованьемъ губитъ.
Просилъ я ихъ со многими слезами,
Какую ни-на-есть, придумать помощь, —
И слышать не хотятъ. Не ихъ, вишь, дѣло.
Такъ чье же?

Аксеновъ.

Не надѣйтеся на князи!

(Уходитъ).

Мининъ.

И въ правду. Намъ теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.
Народъ страдаетъ, кровь отмщенья проситъ,
На небо вопіетъ. А кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое, разсѣянъ розно.
Вождя, печальника о насъ, убили
Измѣной адской. Гдѣ искать другаго?
Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
Молиться надо! Въ старину бывало,
Что въ годы тяжкіе народныхъ бѣдствій
Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
Не за свои грѣхи, а за чужіе
Онъ переноситъ тягостную кару.
Избитъ, ограбленъ! Нынче сытъ съ семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Послѣднюю, что берегли ребятамъ;
Сегодня дома, завтра въ лѣсъ бѣги,
Бросай добро, лишь о душѣ заботься,

Да изъ кустовъ подглядывай, что звѣрь,
Какъ жгутъ и грабятъ, потомъ нажитое.
Поймаютъ, — силой приведутъ къ присягѣ,
Кривить душой, крестъ вору цѣловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
Возможно ли, чтобъ попустилъ погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новогородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!

Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ,
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ, —
Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,
И съ вами запою по Волгѣ пѣсню,
Печальную и длинную затянемъ.
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ,
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкія измочитъ рукава;
Бурлаки запоютъ ее подъ лямкой
И Балахонцы, за своей работой
Надъ новою расшивой, съ топорами.
И понесется пѣсня, и прольется
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи! Грѣшу я; малъ я духомъ,
Смѣлъ усумниться въ благости твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ твой вижу ясно.
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
«Возстань за Русь, на то есть воля Божья!»

(Уходитъ).

Сцена 2.

ЛИЦА:

МАРѲА БОРИСОВНА.
ДОМНА, старуха.
МИНИНЪ.
АКСЕНОВЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
ИВАНЪ КУВШИННИКОВЪ, сотникъ изъ Балахны и
ГРИГОРІЙ ЛАПША, крестьянинъ изъ Решмы—предводители возстанія на Волгѣ.
ЮРОДИВЫЙ.
ДѢВУШКИ.

Просторная бревенчатая свѣтлица. Въ правой стѣнѣ два маленькихъ окна; на лѣвой сторонѣ перегородка съ рѣшетчатымъ росписнымъ верхомъ; въ концѣ перегородки узенькая дверь; за дверью рѣзной и росписной столбъ, въ которомъ утвержденъ верхній брусъ перегородки; прямо за столбомъ и до самаго угла изразцовая печь; въ задней стѣнѣ выходная дверь; по задней и по правой стѣнѣ лавки; съ правой стороны, большой дубовой столъ; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стѣны нѣсколько пяльцевъ. Лавки, полки, косяки съ рѣзьбой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ: Домна, Юродивый и Дѣвушки, и потомъ Марѳа Борисовна.

Домна.

Ну, дѣвушки, примайтесь за работу!

(Дѣвушки садятся за пяльцы).

А ты, убогонькій, у насъ почуешь,—

Что по дворамъ проситься, на ночь глядя!
Пойдешь къ заутрени, и насъ разбудишь.

(Юродивый садится къ печкѣ. Марѳа Борисовна выходитъ въ задумчивости изъ-за перегородки и садится на скамью съ лѣвой стороны. Домна садится у ногъ ея на низенькой скамейкѣ).

А ты бы намъ сказала что нибудь.
Ишь память-то какая золотая!
А у меня такъ словно рѣшето;
Что ни услышу, тутъ же и забуду.
Ты давеча не досказала утромъ
Намъ про царевича, какъ открывали;
Вотъ, благо время, доскажи теперь!

Марѳа Борисовна.

Да, дѣвушки, произволеньемъ Божьимъ,
И въ наше время чудо совершилось.
И говорятъ, все цѣло: ожерелье
Жемчужное, ширинка въ рукѣ
Тафтяная, вся золотомъ расшита
И серебромъ, кафтанчикъ на хребтахъ
На бѣличьихъ и сапожки; все цѣло...
Да горсть орѣшковъ; какъ его убили,
Въ рукахъ держалъ орѣхи; обагрились
Орѣшки кровью; такъ и положили
Съ нимъ вмѣстѣ. Вотъ какое чудо было!
Перенесли изъ Углича въ Москву,
Тамъ и стоитъ, и многихъ исцѣляетъ.

(Молчаніе).

Домна.

Замолкли. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

Марѳа Борисовна.

Чѣмъ молча-то сидѣть, такъ лучше спойте.

Намъ «О пустынѣ» стихъ душеполезный,
Любимый мой.

Домна.

Благое дѣло — славить
На всякой день и часъ Господне имя,
Да и работа, говорятъ, спорится
За пѣніемъ благочестивымъ. Пойте!

Дѣвушки (*поютъ*).

Пустыня прекрасная!
Меня многогрѣшную,
Какъ чадо свое, пріими,
Любимая мать моя,
Въ пристанище тихое,
Въ безмолвныя нѣдра свои!
Чертоги высокіе
И ризы богатыя
Меня отъ грѣховъ не спасутъ.
Богатства и почести
Всѣ тлѣнны и суетны,
Не станутъ со мною на судъ.
Луга твои тихіе,
Цвѣты испещренные,
И красенъ и дивенъ твой садъ!
Деревья кудрявыя,
И листье зеленое
Въ пустынѣ безъ вѣтра шумятъ.

(*Останавливаются. Всѣ прислушиваются*).

Домна.

Стучится нѣкто.

Мареа Борисовна.

Отопри, поди!

(*Дѣвушки собираютъ работу. Домна уходитъ, и скоро возвращается*).

Домна.

Гостей веду. Идетъ Кузьма Захарьичъ.

Марѳа Борисовна.

Одинъ, или ведетъ кого нибудь?

Домна.

Какіе-то незнаемые люди.

Марѳа Борисовна.

Подите, дѣвушки!

(Дѣвушки уходятъ. Входятъ: Мининъ, Кувшинниковъ и Лапша).

ЯВЛЕНІЕ II.

Марѳа Борисовна, Домна, Мининъ, Кувшинниковъ, Лапша и Юродивый.

Марѳа Борисовна.

Покорно просимъ.

(Домнѣ):

А ты поди да принеси медку!

(Домна уходитъ).

Мининъ.

Съ гостями; ужь не осуди!

Марѳа Борисовна.

И, что ты!

Мининъ.

Иванъ Кувшинниковъ, изъ Балахны,
Начальный человѣкъ; а это Гриша
Лапша, изъ Решмы, тоже воевода.
Взялъ мужичковъ, кой-чѣмъ вооружились,
Да съ Богомъ и пошли на супостата.
И Богъ помогъ, себя не осрамили.

Марѳа Борисовна.

Ну, вотъ спасибо за такихъ гостей!
Прошу садиться!

Кувшинниковъ.

Ты, Кузьма Захарычъ,
Садись впередъ.

Мининъ.

Вы гости, я здѣсь свой.

Кувшинниковъ.

Лапша, садись!

Лапша.

Нѣтъ, мнѣ не подобаетъ.
Садись, я за тобой.

(Садятся).

Мининъ.

Ну, вотъ и ладно.

(Садится).

А! Да и Гриша здѣсь!

Марѳа Борисовна.

Ступай-ко въ кухню.
Да и ложись на печку; тамъ теплѣе.

Юродивый.

Прощайте!

(Уходитъ).

Мининъ.

Божій человѣкъ. Лѣтъ съ восемь
Тому, къ намъ въ городъ онъ еще ребенкомъ
Пришелъ и сѣлъ на паперти церковной.
Откуда, кто такой, — никто не знаетъ.
Должно быть спрота бездомный. Мало

И говоритъ, и только церковь любитъ.
Ѣстъ, что дадутъ, спитъ, гдѣ укажутъ. Разумъ
Не хитрый у него, а богомоленъ:
Пристанетъ къ богомольцамъ да и бродитъ
По всѣмъ обителямъ. Въ Москву ходилъ,
И въ Кіевъ, и къ Ростовскимъ чудотворцамъ.
Прослышалъ онъ про разоренье наше,
И слабый умъ въ немъ больше помутился;
Еще онъ тише сталъ, еще святѣе,
И все сбирается куда-то, денегъ
Все на дорогу проситъ. И за мной
Онъ слѣдомъ ходитъ и въ глаза мнѣ смотритъ,
Какъ будто онъ прочесть въ нихъ хочетъ что-то,
Иль ждетъ чего. А спросишь, такъ молчитъ.
Не разговорчивъ онъ; вотъ развѣ вспомнитъ
Про красоту обителей святыхъ,
Тогда разговорится и представитъ,
Какъ въ очію, и красоту лѣсовъ,
И горъ и рѣкъ широкихъ. Все бы слушалъ!
И умный не разскажетъ такъ, какъ онъ.

(Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ. Марѳа Борисовна беретъ стопку. Домна наливаетъ).

Марѳа Борисовна *(поднося Кувшинникову).*

Медку пожалуйте, честные гости!

Кувшинниковъ.

У насъ такъ все съ хозяйки начинаютъ.

Марѳа Борисовна.

Нѣтъ, батюшко, уволь! Пила довольно.

Кувшинниковъ.

Неволить не могу, я не указчикъ
Въ чужомъ дому.

(Кланяется, пьетъ, и хочетъ поставить стопку).

Мареа Борисовна.

Ужь просимъ обо всей!

(Кувшинниковъ доливаетъ. Домна наливаетъ, Мареа Борисовна подноситъ Лапшѣ).

Григорій... Какъ по отечеству не знаю...

Лапша.

Петровичъ былъ.

Мареа Борисовна.

Покорнѣйше прошу!

Лапша.

Ужь мнѣ-то пить ли?

Мининъ.

Пей!

Лапша.

Оно, какъ будто,

Не складно мужику-то?

Мининъ.

Не осудимъ!

Лапша *(беретъ и кланяется).*

Желаю здраствовать на многи лѣта!

(Пьетъ. Домна наливаетъ).

Мареа Борисовна *(поднося Минину).*

Кузьма Захарьичъ!

Мининъ *(отпивъ немного, ставитъ стопу).*

Больше не просите!

Мареа Борисовна.

Ну, какъ угодно.

(Входятъ Аксеновъ и Поспѣловъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аксеновъ и Поспѣловъ.

Мининъ.

Вотъ и наши идутъ.

Аксеновъ.

Здорова ли ты здѣсь?

Марѳа Борисовна.

Кажись, здорова.

(Подноситъ имъ меду и, молча, приглашаетъ садиться).

Поспѣловъ *(Аксенову).*

Тебѣ впередъ.

Аксеновъ.

Не мѣстомъ, человѣкомъ.

(Садятся. Марѳа Борисовна подвигаетъ скамьйку и садится. Молчаніе).

Марѳа Борисовна.

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьичъ,
Твоихъ рѣчей. Сладка твоя бесѣда.

Мининъ.

Да рѣчь-то у меня одна все, Марѳа
Борисовна.

Марѳа Борисовна.

Ее-то намъ и нужно.

Мининъ.

Ну, такъ начнемъ! Москва разорена?

Аксеновъ.

Разорена.

Мининъ.

Такъ ей и оставаться?

Кувшинниковъ.

Какъ можно!

Лапша.

Что ты!

Мареа Борисовна.

Сохрани Господь!

Мининъ.

Москва намъ корень; прочимъ городамъ?

Аксеновъ.

Извѣстно, корень. Что и говорить!

Мининъ.

А если корнемъ основанье крѣпко,
Тогда стоитъ и древо неподвижно;
А коренн не будетъ, — прилѣпиться
Къ чему?

Лапша.

Ну, что ужь!

Мареа Борисовна.

Господи помилуй!

Мининъ.

Москва кормилица, Москва намъ мать!

Кувшинниковъ.

Кормилица и мать.

Лапша.

Родная мать.

Мининъ.

А развѣ дѣти могутъ мать покинуть
Въ бѣдѣ и горѣ?

Поспѣловъ.

Мы не покидали.
Ты самъ ходилъ съ Алябьевымъ по Волгѣ
И по Окѣ, и воры васъ боялись.
Мы съ Рѣпнинымъ ходили и къ Москвѣ,
Да воротились, отъ того что ладу
Богъ не далъ воеводамъ. Грѣхъ на нихъ!
Имъ отвѣчать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За вѣру православную сложить, —
Господь не принялъ.

Аксеновъ.

Не было стратиговъ.

Мининъ.

Тогда Пожарскій съ Ляпуновымъ были
Вожди искусные. Спроси, о комъ
Народъ молебны пѣлъ? О Ляпуновѣ
Да о Пожарскомъ князѣ. Знать, молитвамъ
Не внялъ Господь за прегрѣшенья наши.

Аксеновъ.

Пожарскій раненъ, Ляпуновъ убитъ.

Мининъ.

Оспротѣла Русь! Ни воеводы,
Печальника о насъ сиротахъ бѣдныхъ,
Ни патріарха, ни царя. Какъ стадо
Безъ пастыря, мы бродимъ, злому волку —
Губителю добыча.

Поспѣловъ.

Бить волковъ!

Кувшинниковъ.

Извѣстно, бить! Ужь будетъ, потерпѣли!

Лапша.

Мы топоры и косы отточили,
Которые объ нихъ же притупили.

Поспѣловъ.

Душа кипитъ, давно простору проситъ
И руки чешутся.

Марѳа Борисовна.

За чѣмъ же дѣло
Откладывать? Благословясь, да съ Богомъ,
Не мѣшкая!

Аксеновъ.

Отложишь по неволѣ.
Что скоро, то не споро говорятъ.

Мининъ.

Друзья, повѣрьте мнѣ, такія рѣчи
И слушать весело, и слезы льются
Отъ радости; а все-таки Аксенычъ
Намъ правду молвилъ. Не такое дѣло,
Чтобъ торопиться.

Аксеновъ.

Надо разсудить,
Да поразмыслить.

Поспѣловъ.

Думать ваше дѣло.

Мининъ.

Что есть у насъ? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберемъ казну, и люди соберутся,
Стрѣльцы, казаки. Всякаго народу

По свѣту бѣлому довольно бродитъ
Безъ дѣла и безъ хлѣба; рады будутъ
Трудомъ себѣ копѣйку заработать.
Не все же грабить! Хоть не всѣ, а помнятъ,
Что есть Богъ на небѣ, что Онъ судья
Всѣхъ дѣлъ и тайныхъ помышленій нашихъ.
А воеводу міромъ изберемъ.

Аксеновъ.

Кого излюбимъ, тотъ у насъ и будетъ.

Мининъ.

Казна всего нужнѣе.

Аксеновъ.

Вѣрно слово.

Мининъ.

Гдѣ взять казны?

Поспѣловъ.

Собрать, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ.

Да много ли сберешь! На разговоры
Всѣ тороваты, а коснись до дѣла,
Такъ и попрячутся. Не то что денегъ,
И тѣхъ, что посулили, не найдешь.

Поспѣловъ.

А ты не обижай, Кузьма Захарьичъ!

Аксеновъ.

Не обижаетъ, дѣло говоритъ.

Марѳа Борисовна.

Вотъ все, что есть, возьмите, коли нужно.

Мининъ

Душа святая! О тебѣ нѣтъ рѣчи!
Твои достатки и тебя мы знаемъ.
Ты все отдашь, и я отдамъ и онъ,—
Все будетъ мало. Съ чѣмъ тутъ приниматься!
И только что обидимъ мы безъ пользы
Самихъ себя, а дѣлу не поможемъ.

Марѳа Борисовна.

Хоть и не много соберемъ, все помощь

Мининъ.

Какая жъ помощь?

Марѳа Борисовна.

Мы къ Москвѣ пошлемъ.

Мининъ.

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмутъ, да и спасиба намъ не скажутъ.
Нѣтъ, надо погодить собирать казну.
Я говорилъ сегодня воеводамъ,
Просилъ ихъ порадѣть о земскомъ дѣлѣ,
Да не хотѣли слушать. Дьякъ Семеновъ
Да Биркинъ чуть не выгнали меня.
Какъ на врага какого ополчились,
Обидѣли меня и обругали.
Не вѣдаю за что напасть такая!
Когда ужь власти не хотѣли слушать,
Кто насъ послушаетъ! Въ бѣдахъ и горѣ
Сердца окаменѣли. О себѣ
Печется каждый, ближнихъ забывая.

Марѳа Борисовна.

Такъ что же дѣлать намъ, Кузьма Захарьичъ?

Мининъ.

Самимъ себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постомъ очистить,
Говѣньемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,
Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И божьимъ словомъ зажигать сердца.

(Встаетъ и всѣ за нимъ).

Аксеновъ.

На проповѣдь выходятъ, какъ на битву
Во всеоружіи. Не всѣмъ подъ силу
Высокая апостольская доля!

Мининъ.

Молись да жди, пока Господь сподобитъ
Тебя такую вѣру ощутить
Въ душѣ твоей, что ты не усомнишься
Съ горами рѣчь вести и приказать
Горамъ сползти съ широкихъ основаній
И двинуться къ тебѣ, и будешь вѣрить,
Что двинутся; тогда покинь свой домъ,
Себя забудь и дѣлъ своихъ не дѣлай!
На улицу, на площадь, на базары,
Гдѣ есть народъ, туда и ты иди!
Тогда пошлемъ по дальнымъ городамъ;
А по окольнымъ разойдемся сами,
И нашихъ устъ смиренные глаголы
Польются въ души, и сердца въ народѣ
Затеплятся, какъ свѣчи предъ иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дѣло?

Всѣ.

Мы всѣ идемъ!

Марѳа Борисовна.

Благослови васъ Богъ!

Мининъ.

Мы будемъ знаменья просить у Бога,
Когда начать. Онъ самъ покажетъ время.
Тогда сбирать казну на помощь ратнымъ!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носитъ крестъ на тѣлѣ,
Приноситъ въ сборъ всѣ животы свои,
Душа твоя нужна,—отдай и душу!

Аксеновъ.

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя нынѣ и до вѣка!
Прощай, хозяюшка.

Марѳа Борисовна.

Прощенья просимъ.

Кувшинниковъ.

За угощенье!

Марѳа Борисовна.

Ну, ужь не взыщите!
Чѣмъ Богъ послалъ.

Лапша.

За ласковое слово.

Марѳа Борисовна.

На-предки не забудьте!

Мининъ.

Ваши гости!

(Уходятъ, кромѣ Поспѣлова).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна, Поспѣловъ, Домна и потомъ дѣвушки.

Марѳа Борисовна.

Покличь-ко дѣвокъ, Домнушка, сюда.
Да и сама приди!

Домна.

Какъ разъ я духомъ.

(Уходитъ. Молчаніе).

Марѳа Борисовна.

Ты, Алексѣй Михайлычъ, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспѣловъ.

Пожалуй, выпью.
Да не объ медѣ рѣчь! Мнѣ слаще меда
Твой разговоръ.

Марѳа Борисовна.

Какой проказникъ! Право!

(Подноситъ медъ, Поспѣловъ пьетъ).

Поспѣловъ.

Повѣрь, не до проказъ. Меня ты знаешь;
Съ покойникомъ твопмъ мы дружно жили,
Росли мы вмѣстѣ, вмѣстѣ воевали,
Одна душа у насъ, одинъ обычай.

(Молчаніе).

Родныхъ, что было, примерли давно;
Я круглымъ сиротой остался, Марѳа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мнѣ роднѣе всѣхъ. Чѣмъ я не любъ,
Скажи?

Марѳа Борисовна.

И, что ты! что ты! Богъ съ тобой!
Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, ты не обижай!
Кто говоритъ тебѣ, что ты не любъ мнѣ!

(Входятъ: Домна и дѣвушки, молча, садятся за работу).

Поспѣловъ.

Ну, любъ, такъ ладно. Вотъ спасибо, Марѳа
Борисовна! Сказалъ бы я словечко
Еще тебѣ; боюсь—не прогнѣвить бы.

Марѳа Борисовна.

Какъ не грѣшно тебѣ! Да чѣмъ же можешь
Ты прогнѣвить меня!

Поспѣловъ.

Своей любовью.

Марѳа Борисовна.

Ахъ!... Нѣтъ.... я право.... Что тебѣ смотрѣть
На гнѣвъ мой! Что же, развѣ что дурное
Ты говоришь мнѣ! Ты не виноватъ.
Что съ добрымъ сердцемъ ты на свѣтъ родился.
Какая же въ любви обида! Мнѣ
Тебя благодарить за это надо.

Поспѣловъ.

Давно ужь я сбираюсь съ духомъ, Марѳа
Борисовна, хочу тебѣ сказать:
Будь мнѣ женою; съ честными вѣнцами
На головахъ и съ радостью на лицахъ,
По соболямъ, войдемъ въ мой домъ просторной
Жить-поживать и въ холеньѣ и въ нѣгѣ,
И за любовь до гробовой доски
Дѣлить и радость пополамъ и горе.

Другой бы я сказалъ, не побоялся,—
А предъ тобой, какъ точно передъ грознымъ
Царемъ стою, жду милости, иль казни;
Боюсь, что словомъ, ровно какъ злодѣю,
Ты снимешь голову съ могучихъ плечъ.

Мареа Борисовна.

Нѣтъ, ты меня не бойся... Пожалѣй
Ты слабость женскую! Медовой рѣчью
Вдовѣ мірскаго счастья не сули!
Ты не мути мой тихій сонъ мечтою,
И вдовьихъ слезъ моихъ не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правдѣ
Скажу тебѣ: ты любъ мнѣ, я другаго
Хозяина себѣ и не желаю.
Ты, Алексѣй Михайлычъ, мужъ такой,
Какого не найдешь.... Да только вотъ что:
То не здоровиться, то дѣла много
По дому, знаешь. Какъ-то все не время...
Повѣришь ли, съ ногъ сбилась отъ заботы.
Мы лучше ужь немного подождемъ.
Ты не печалься, Алексѣй Михайлычъ!
Еще вѣдь наше время не ушло.

(*Молчаніе*).

Я, можетъ, и не такъ что разсудила,
Ты не взыщи! Таковъ нашъ бабій разумъ.
Тебя мнѣ жаль, вотъ видитъ Богъ что жаль.
Да что же дѣлать, неудобно время.

Поспѣловъ.

Голубушка! Зачѣмъ себя ты губишь?
Въ твоей порѣ, тебѣ бы только ласку!
Отъ ласки женской полъ еще цвѣтнѣй!
Что сохнуть-то тебѣ одной, какъ въ кельѣ,

И день и ночь съ ворчливою старухой
Все объ одномъ и томъ же толковать!
Тебя бы цѣловать, да миловать,
Да крѣпко къ сердцу прижимать!

Марѳа Борисовна.

Ну, будетъ!
Мы послѣ какъ нибудь поговоримъ.
Не до того мнѣ, Алексѣй Михайлычъ!
Такъ голова съ чего-то разболѣлась,
Ужъ и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдемъ такое время
Свободное.

Поспѣловъ.

Изволь, моя родная!
Ждалъ долго, можно подождать еще.
Прощенья просимъ!

Марѳа Борисовна.

И меня прости.
Господь съ тобой!

Поспѣловъ.

Богъ дастъ, коль живы будемъ,
Увидимся.

Марѳа Борисовна.

Ну, какъ не увидаться!

(Поспѣловъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ Поспѣлова.

Марѳа Борисовна.

Какія рѣчи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
Въ міру живешь, съ людями; по-мірски

И надо жить,—все видѣть и все слышать.
Куда бѣжать отъ суеты мірской!
Какъ отъ соблазна чистой уберечься!
Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
Въ святую келью, въ тихой уголокъ;
И въ трепетномъ сіяніи лампады,
Въ благоуханной тишинѣ святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести въ святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
Напрасно я фатой широкой крою
И блескъ очей, и бѣлое лицо:
Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется.
И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣешь.
И видишь юношу, стоитъ онъ нѣмъ,
Другаго взгляду ловитъ, самъ готовитъ
Въ своемъ умѣ лукавые привѣты.
Вотъ по слѣдамъ идетъ и шепчетъ въ уши,
Завѣшенныя жемчугомъ, и жемчугъ
Не охраняетъ; весь соблазнъ, весь ядъ
Мнѣ прямо въ сердце, въ кровь мою проходитъ,
И слабый умъ все болѣе слабѣетъ,
И сладокъ грѣхъ является тебѣ;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Какъ точно двое за тобою идутъ:
Одинъ лицо привѣтливое кажетъ
И ненаглядную красу, и юность,
И, молча, улыбается. Другой же

Темнѣе ночи, и глаза, какъ угли,
Горятъ во лбу, и длинный хвостъ тащится.
Идетъ и шепчетъ льстивымъ языкомъ
Соблазнъ и грѣхъ. О, Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бѣжать мнѣ? Господи, помилуй!
(Закрываетъ лицо руками).

Домна.

Вы видите, сгрустнулась, поминаетъ
Объ юности. Вы спойте ей про юность!

Дѣвушки (*поютъ*).

Юность, моя юность—молодое время!
Юность возбудися,—въ себѣ ощутися!
Юность возбудилась, въ себѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищетъ, кто худа желаетъ!
Я была бы рада,—сила моя мала!
Сижу на конѣ я, и тотъ не обузданъ,
Смирить коня нечѣмъ,—крѣпкихъ возжей нѣту.
Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Октябрь 1611 года).

Сцена 1.

ЛИЦА:

БИРКИНЪ.
СЕМЕНОВЪ.
МИНИНЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
АКСЕНОВЪ.
ТЕМКИНЪ.
ГУБАНИНЪ.
ЛЫТКИНЪ.
НЕФЕДЪ, сынъ Минина.
ПАВЛИКЪ.
МАРФА БОРИСОВНА.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА, жена Минина.
ВСЯКІЕ ЛЮДИ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

Небольшая площадь въ Кремлѣ, недалеко отъ собора. Къ концу, въ седьмомъ явленіи, начинаетъ смеркаться.

ЯВЛЕНІЕ I.

Выходятъ: Лыткинъ и Павликъ.

Лыткинъ.

Да что ты ужъ очень печалишься?

Павликъ.

Будешь печалиться! развѣ ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянетъ только, и то морозъ по кожѣ

подираетъ. А вѣдь я въ какую бѣду-то влѣзъ. О, горе мнѣ грѣшнику! Языкъ мой — врагъ мой!

Лыткинъ.

Въ чемъ же ты провинился?

Павликъ.

Въ чемъ? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылалъ онъ меня къ одному благопріятелю своему съ письмомъ; куда посылалъ, ужь это не твоего ума дѣло; проѣздилъ я безо дня двѣ недѣли и вернулся вчера утромъ. Только хмѣленъ былъ очень, домой-то идти побоялся. Встрѣлся я съ пріятелемъ, со стрѣльцемъ; тутъ еще подошли человѣкъ съ пятокъ, тоже стрѣльцы; зашли мы во царевъ кабакъ, купили винца, пошелъ у насъ шумъ, разговоры. Вотъ я, съ пьяныхъ-то глазъ, и проболтнись. Придетъ, говорю, королевичъ на царство, Ивана Иваныча сдѣлаетъ воеводой въ Нижнемъ, а меня дьякомъ; потому, говорю, что мы ему слуги вѣрные. Откуда ни возьмись Мининъ, хватьмен я за воротъ, я — въ ноги; валялся—валялся я въ ногахъ-то, отпустилъ, только не велѣлъ навстрѣчу попадаться. Вотъ какое дѣло-то! Ну, какъ онъ скажетъ Ивану Иванычу, либо ужь сказалъ! что тогда? Повѣсить не повѣситъ, а кнута отвѣдаешь. Ужь это лучше и къ бабушкѣ не ходи! Никакъ онъ идетъ! Ой, схоронимся.

(Уходятъ. Выходитъ Биркинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Биркинъ *(одинъ)*.

Здѣсь въ Нижнемъ что-то зрѣетъ. По всему
Замѣтно, что народъ затѣялъ нѣчто.
Все замолчало, какъ постомъ великимъ;

На всемъ какое-то говѣнье видно;
Блѣднѣютъ лица, а глаза сіяютъ.
Но что же можетъ сдѣлать этотъ людъ?
Пойдти къ Москвѣ нестройною аравой
И умирать, иль разбѣгаться розно,
Отъ польскихъ латниковъ. Пускай идутъ,
Попробуютъ; а намъ просторнѣй будетъ.
Не знаю, что мнѣ дѣлать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочетъ слушать.
Съ Семеновымъ пріятели большіе, —
А какъ до дѣла — затыкаетъ уши.
Онъ старъ да глупъ, упрямъ да безтолковъ,
Съ нимъ пива не сваришь. Нѣтъ, здѣсь не тяга!
Махнуть въ Казань: тамъ есть благопріятель,
Тому не въ первый, — онъ вертѣлъ хвостомъ
Еще при Шуйскомъ. Человѣкъ онъ сильный,
Живетъ себѣ не тужитъ, только брюхо
Роститъ да гладитъ бороду свою.
Да что-жъ онъ держитъ моего холопа,
Павлушку! *(Павликъ входитъ)*. Вотъ онъ! Какъ же ты посмѣлъ,
Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анаѳема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда пріѣхалъ?

Павликъ.

Сегодня утромъ.

Биркинъ.

Что-жъ ты не явился?
Объ двухъ ты, что ли, головахъ, бездѣльникъ!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видѣлъ и что слышалъ.

Павликъ.

Есть письмо.
(Достаетъ письмо).

Биркинъ.

Давай сюда! Проворнѣй! *(Беретъ и читаетъ)* А словами
Приказывалъ, аль нѣтъ? Въ письмѣ не пишетъ
Всего, — и дѣльно: писано перомъ,
Не вырубишь и топоромъ. Онъ пишетъ:
«А про мое здоровье Павелъ скажетъ».
Ну, сказывай!

Павликъ.

Богъ милуетъ, здоровъ,
И кланяться велѣлъ тебѣ, и молвилъ,
Что онъ своимъ умомъ живетъ, что въ мутной
Водѣ онъ ловитъ рыбу въ-тихомолку,
И что своя рубашка къ тѣлу ближе,
Что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Вотъ и все.
Какой приказъ твой, государь, мнѣ будетъ?

Биркинъ.

Ступай, теперь въ народѣ потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!

(Павликъ уходитъ. Выходитъ Семеновъ. Народъ проходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Биркинъ и Семеновъ.

Биркинъ.

Что тяжко воздыхаешь?

Семеновъ.

О грѣхахъ.
Къ землѣ гнетутъ и тянутъ, словно но́ша.
Что-жъ у вечерни-то, Иванъ Иванычъ,
Ты не былъ? Аль проспалъ?

Биркинъ.

И то проспалъ.
Легъ послѣ хлѣба-соли малымъ дѣломъ
Соснуть, да и проспалъ. Хожу, гуляю,
Пусть вѣтромъ пообдуетъ послѣ сна.

Семеновъ.

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые, —
Еще замолите; а намъ такъ жутко
Приходитъ, старикамъ. Не нынче — завтра
Богъ по душу пошлетъ; тогда ужъ поздно
Грѣхи замаливать; ступай къ отвѣту!
Судья предстанетъ, свитокъ развернутъ,
Что злые мурины (*) всю жизнь строчили
На всякомъ мѣстѣ и во всякой часъ.
Что сдѣлалъ худо, черный муринъ пишетъ;
Помыслилъ, — не пропуститъ и того.
Чего, чего въ томъ свиткѣ не найдется!
А добрыхъ дѣлъ вотъ списочекъ, такой
Коротенькій, представитъ со слезами
Хранитель-ангелъ и отыдетъ прочь.

Биркинъ.

Ты что-то рано умирать задумалъ!
А выдетъ, что и насъ переживешь.

Семеновъ.

«Не вѣстѣ, сказано, ни дня, ни часа.»

Биркинъ.

Да что ты пріунылъ, какъ посмотрю я?
И всѣ вы, точно мухи въ сентябрѣ,
Чуть бродите.

(*) То же, что «нечистой».

Семеновъ.

Да что-жъ тебѣ за диво!
Не радуетъ ничто—и пріуныли.
Тебѣ что̀ весело?

Биркинъ

Унынье—грѣхъ!

Семеновъ.

Да и плясать, когда другіе плачутъ.
Не спа̀сенье!

Биркинъ.

Вѣдь это человѣкомъ:
Одинъ слезливъ, другому обухомъ
Слезы не вышибешь. Пойдемъ! Есть дѣло
Мнѣ до тебя. Попьемъ да потолкуемъ.

Семеновъ.

Что-жъ, праздничное дѣло, я не прочь.

Биркинъ.

У насъ такъ праздникъ каждый день, Василій
Семеновичъ. Гдѣ бражникъ, тамъ и праздникъ.
(Уходятъ. Выходятъ Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.

Марѳа Борисовна.

Давненько не видались.

Поспѣловъ.

Шесть недѣль.

Марѳа Борисовна.

Какъ время-то идетъ!

Поспѣловъ.

А что?

Марѳа Борисовна.

Да скоро.

Поспѣловъ.

Не больно-то! Мнѣ эти шесть недѣль
Не за годъ, не солгу, а за полгода
Никакъ не меньше показались.

Марѳа Борисовна.

Что такъ?

Поспѣловъ.

Да развѣ ты не знаешь?

Марѳа Борисовна.

Ахъ, голубчикъ!
Я думала, что ты ужь и забылъ!

Поспѣловъ.

А ты бъ и рада?

Марѳа Борисовна.

Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.

Поспѣловъ.

Объ чемъ тутъ думать, голову ломать!

Марѳа Борисовна.

Кто жъ за меня подумаетъ?

Поспѣловъ.

Все я же,
И за себя, и за тебя.

Марѳа Борисовна.

Какой ты

Догадливый! Спасибо, что избавилъ
Меня отъ тяжкой думы, отъ заботы!
Позволь спросить, по твоему-то какъ же
Выходитъ?

Поспѣловъ.

Помолясь, да по рукамъ.
Сиротскимъ дѣломъ сходимъ на могилку
Родителямъ почившимъ поклониться,
А тамъ, какъ водится, честнымъ пиркомъ
Да и за свадебку.

Марѳа Борисовна.

Не долго думалъ,
А хорошо сказалъ.

Поспѣловъ.

А не что худо?

Марѳа Борисовна.

Ты лучше знаешь.

Поспѣловъ.

Значитъ, такъ и быть,
По моему?

Марѳа Борисовна.

Да ну, ужь ладно, ладно.

Поспѣловъ.

Утѣшила меня ты. Точно камень
Лежалъ на сердцѣ, отлегло теперь.
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Такъ и колотится безъ перемолку.

Марѳа Борисовна.

Ты помолчи пока, мой другъ сердечный!

Поспѣловъ.

Зачѣмъ молчать? Кого же мы боимся!

Марѳа Борисовна.

Что̀ прежде времени молву пускать!
Не къ спѣху дѣло; погодимъ немного.

Поспѣловъ.

Чего еще? Ты развяжи меня!

Марѳа Борисовна.

Ну, что на улицѣ за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуемъ
И послѣ, безъ помѣхи, на досугѣ.
Ступай себѣ! Вонъ, видишь, изъ собора
Татьяна Юрьевна выходитъ. Плачетъ
Объ мужѣ, бѣдная. Прощай, голубчикъ!
Пойду я къ ней, разговорю немного.

(Поспѣловъ уходитъ. Выходитъ Татьяна Юрьевна и двѣ женщины).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марѳа Борисовна, Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.

1-я женщина.

Повѣрь, что съ глазу, больше ни съ чего.

2-я женщина.

А то испортилъ кто нибудь. По вѣтру
Болѣзнь пущаютъ злые люди часто.

(Обѣ проходятъ).

Марѳа Борисовна.

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напраснымъ страхомъ сердца не томи!
Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ,
И миромъ оградитъ святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьичъ перестанетъ

Печалиться, здоровъ и веселъ будетъ.
Не плачь, грѣха на душу не бери!

Татьяна Юрьевна.

Какъ мнѣ не плакать! Ты бы поглядѣла,
Что сталось съ нимъ. Какъ ярый воскъ, онъ таетъ,
Отъ сна, отъ пищи, отъ всего отсталъ,
И буйную головушку повѣсилъ.
И все молчитъ. Вотъ иногда и спросишь:
«О чемъ ты, милъ-сердечный другъ, тоскуешь?»
Не скажетъ; нѣтъ, не скажетъ, промолчитъ,
Махнетъ рукой: а иногда заплачетъ,
Такъ и уйдетъ. Посмотришь вслѣдъ ему,
Да и зальешься горючьми слезами

Марѳа Борисовна.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможетъ.

Татьяна Юрьевна.

Да что же онъ молчитъ-то! Я жена,
А не чужая.

Марѳа Борисовна.

Что же будетъ проку.
Тебѣ сказать-то! Посуди сама:
Коротокъ женскій умъ, отъ насъ совѣту
Не ждать имъ; ну, а праздно толковать
О дѣлѣ важномъ — тоже не годится!

Татьяна Юрьевна.

Головушка кручинная моя!
(*Качаетъ головой и задумывается*).
Ты видѣла, стоялъ онъ у вечерни.
На что похожъ! Вѣдь краше въ гробъ кладутъ.
Глаза горятъ, лицо, какъ саванъ бѣлый,

Засохшія не шевелятся губы;
Какъ вкопаный, онъ не сводилъ съ иконы
Очей; крестомъ сложенные персты
До яснаго чела не подымались:
И только слезы, какъ ручьи весною,
Бѣжали по щекамъ, по бородѣ,
И капали. Убогонькой Гришутка
Сталъ рядомъ съ нимъ, какъ листъ дрожитъ и плачетъ,
То на него, то на икону взглянетъ.
Къ добру ли это? Говорятъ, за кѣмъ
Убогій ходитъ, тотъ на бѣломъ свѣтѣ
Ужь не жилецъ. А Гриша, какъ нарочно,
Не отстаетъ ни шагу отъ него.

Мареа Борисовна.

И, полно ты! Кого убогій любитъ,
Тотъ человѣкъ угоденъ, значитъ, Богу.

Татьяна Юрьевна.

Кто Господу угоденъ, тѣхъ Господь
Къ себѣ беретъ.

Мареа Борисовна.

Отчаянье—грѣхъ смертный!

Татьяна Юрьевна.

О! загляни ты въ грудь, что тамъ творится?
Тогда и осуждай!

(*Молчаніе*).

Сегодня ночью
На малый часъ онъ не уснулъ и только
Въ соборный ранній благовѣстъ забылся;
Какъ звоны отошли, онъ вдругъ проснулся,
Вскочилъ съ постели, разбудилъ весь домъ,
Велѣлъ зажечь всѣ свѣчи, всѣ лампады,
И до свѣту молился со слезами.

И мы молились. «Чудо! чудо Божье!»
Онъ все твердилъ, а не сказалъ какое.

Мареа Борисовна.

На васъ нисходитъ благодать Господня,
Вашъ домъ онъ избралъ для чудесъ своихъ.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Изъ всѣхъ церквей иконы поднимите!
И крестнымъ ходомъ городъ весь пойдетъ
Съ хвалебнымъ пѣніемъ и со свѣчами
На мѣсто свято.

Татьяна Юрьевна.

Проводи меня!

Мареа Борисовна.

А гдѣ же мужъ?

Татьяна Юрьевна.

Въ соборѣ съ протопопомъ
Остановился, говорятъ о чемъ-то.

Мареа Борисовна.

Пойдемъ, Татьяна Юрьевна, пойдемъ!

(Уходятъ. Выходятъ: Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и разные торговые и посадскіе люди).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ, народъ.

Аксеновъ.

Ну, такъ какъ же ребятушки, а? Ну вотъ теперь насъ много сошлось, давайте, поговоримъ толкомъ!

Лыткинъ.

И то надо толкомъ. А то что это! Господи, Боже мой!

Тотъ говоритъ: «давай денегъ!» Другой говоритъ: «давай денегъ!» А для чего, никто толкомъ не скажетъ.

Темкинъ.

Тебѣ только все разговаривать, лясы точить, а дѣлато дѣлать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорокъ дней со днемъ сходимся да толкуемъ.

Губанинъ.

Ужь и не говори! Срамъ! То есть, кажется, не глядѣлъ бы людямъ въ глаза отъ стыда, особливо Кузьмѣ Захарычу. Онъ о земскомъ дѣлѣ печалится, а мы... Ахъ, стыдобушка!

Аксеновъ.

Значитъ, ребята, какъ въ послѣдній разъ говорили, такъ и быть: третью деньгу.

Голоса.

Третью деньгу.—Что жъ, мы не прочь!—Такъ тому и быть!—Что сказано, то свято!

Губанинъ.

Всѣ, дѣдушка, согласны, всѣ. *(Къ народу)*: Не стыдите, братцы! *(Аксенову)*: Дѣдушка! Спорщиковъ нѣтъ.

Аксеновъ.

Постой ты, погоди! Отъ трехъ денегъ—деньгу; отъ рубля — десять алтынъ, отъ трехъ рублей — рубль.

Голоса.

Ладно! Ладно! *(Разговоръ въ толпѣ)*: Съ десяти рублевъ выходитъ—три рубля, да десять алтынъ.—А отъ сорока? Долго ль счесть! — Съ пятидесяти рублевъ, — пятнадцать рублевъ.—Не пятнадцать, а шестнадцать рублевъ, двадцать два алтына.—Ишь ты, счетчикъ! Да ужь ладно, ладно!

Лыткинъ.

Стойте! Какъ же это? Значитъ, все одно, что семейный, что одинокій?

Губанинъ.

Какъ тебѣ не грѣхъ ротъ-то разѣвать! Ужли одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

Аксеновъ.

Тебѣ что за дѣло до одинокихъ! Одинокій-то, можетъ, все отдастъ, да и самъ своей головой пойдетъ!

Темкинъ.

Ахъ ты, жила! Прости Господи!

Лыткинъ.

Да что жила! Кому жъ своего не жаль!

Губанинъ.

На земское-то дѣло? Экой срамъ! Ну ужь...

Аксеновъ.

Стало быть и дѣлу конецъ. Отслужить молебенъ, да и собирать.

Губанинъ.

У насъ въ рукавичномъ ряду ужь и деньги готовы.

Голоса.

Въ желѣзномъ хотятъ собирать. — Толкуютъ и въ хлѣбномъ.—И въ горшечномъ.—И въ мясномъ:—И рыбаки.

Лыткинъ.

А какъ же теперь товаръ?

Темкинъ.

Прикинемъ.

Голоса.

Извѣстно, прикинемъ, что чего стоитъ. — Долго ль прикинуть.—Въ цѣну поставимъ.

Лыткинъ.

А кто прицѣнивать будетъ?

Темкинъ.

Все мы же.

Голоса.

Промежъ себя выберемъ.—Всякій въ своемъ ряду.—Свой судъ короче.

Лыткинъ.

Да какъ же я повѣрю чужому человѣку свое добро цѣнить?

Аксеновъ.

Мы не безъ креста ходимъ.

Темкинъ.

Самому тебѣ не счесть, какъ мы сочтемъ.

Голосъ изъ толпы.

Мы торговые люди, другъ у дружки каждую деньгу насквозь видимъ.

Лыткинъ.

Что жъ такое! Лучше ложись, да умирай!

Темкинъ.

Ну, и умирай! Ну, умирай!

Аксеновъ.

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Такъ ступай въ лѣсъ да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судитъ, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ.

Темкинъ.

Да и отнимемъ, силой отнимемъ.

Лыткинъ.

Да вѣдь это разоръ!

Темкинъ.

Ну, да что на него смотрѣть, Петръ Аксенычъ! Какъ сказано, такъ и будетъ. На томъ всѣ и станемъ.

Голоса.

Всѣ. — Всѣ.

Темкинъ.

Есть тутъ кто нибудь изъ нѣмцевъ?

Нѣмецъ.

Я.

Темкинъ.

Ты согласенъ?

Нѣмецъ.

Да!

Темкинъ.

Вотъ видишь ты, Василій! Ну, скажи ты мнѣ теперь, есть въ тебѣ душа, али нѣтъ?

Губанинъ.

Брось ты его!

Темкинъ.

Зрѣть не могу такихъ людей; вся душа во мнѣ поворачивается.

Голоса.

Кузьма Захарычъ идетъ! — Кузьма Захарычъ!

(Входитъ Мининъ. Всѣ кланяются).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Мининъ.

Аксеновъ.

Что ты не веселъ, голову повѣсилъ?
Аль что не ладно? Али прихворнулъ?
Какія вѣсти есть.

Мининъ.

Вѣстей довольно.

Аксеновъ.

Что пишутъ?

Мининъ.

Все одно и тоже, точно
Какъ сговорились. Всѣ хотятъ быть съ нами
Въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,
На разорителей хрестьянской вѣры
Единомышленно идти готовы.
Теперь летѣть бы къ матушкѣ Москвѣ!
Подняться нечѣмъ, спутала нужда,
Узломъ орлиныя связала крылья.
Видна добыча, а тяжелыхъ крыльевъ
Не отдерешь, и бейся о-земь грудью
И алую точи по каплѣ кровь!

Аксеновъ.

Мы положили третью деньгу брать
Отъ денегъ, отъ товару тоже.

Мининъ.

Мало.

Аксеновъ.

И тѣ съ трудомъ, а больше не сберешь.

Мининъ.

Я знаю.

Аксеновъ.

Тяжело однимъ. Помогутъ
Другіе города.

Мининъ.

Плохая помощь!
Всѣ обнищали. Рады бы помочь,
Да нечѣмъ.

Аксеновъ.

Такъ и быть. На нѣтъ — суда нѣтъ.
Что есть, съ тѣмъ и пойдемъ. Наймемъ подмогу,
Стрѣльцовъ бродячихъ да казаковъ конныхъ.

Мининъ.

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
Челомъ ударимъ, чтобы велъ къ Москвѣ;
А не пойдетъ, такъ выберемъ другаго.
Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ
Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ неволенъ я.
Послушайте! *(Всѣ оступаютъ его)*. Сегодня поздней ночью,
Ужъ къ утру близко, сномъ я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спалъ я
Или не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: «Кузьма! Иди спасать Москву!

«Буди уснувшихъ!» Я вскочилъ отъ ложа,
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется.
Ночная темь колышется отъ звона.
Окошницы чуть слышно дребезжатъ,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханье.

Аксеновъ.

Слава въ вышнихъ Богу!
Но кто же старецъ? Разсмотрѣлъ ли ты?
Угодниковъ ты подлинники знаешь.

(*Входитъ Нефедъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Нефедъ.

Нефедъ.

Гдѣ батюшко?

Мининъ.

Что надо? Что случилось?

Нефедъ.

Гонцы отъ Троицы живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

Мининъ.

Отъ Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.

Голоса.

Перстъ Божій! — Божья воля! — Чудеса!
Еще отъ насъ Господь не отступился.

Нефедъ.

У нихъ письмо отца архимандрита
И келаря.

Мининъ.

На воеводской дворъ
Ступай, Аксенычъ, прямо къ воеводѣ!
Оповѣсти его! А вы сбирайте
Дворянъ, дѣтей боярскихъ, и головъ,
И сотниковъ стрѣлецкихъ и казацкихъ,
И земскихъ старостъ, и гостей, и всякихъ
Людей служилыхъ къ воеводѣ въ домъ.
Не соберутся, такъ въ набатъ ударимъ.
А ты, Нефедъ, домой! Веди гонцовъ!
Какъ есть съ дороги, такъ пускай и йдутъ.
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

Голоса.

Господь поможетъ. — Онъ тебѣ поможетъ. —
Молиться будемъ! Господа умолимъ.

(Всѣ уходятъ).

Сцена 2.

ЛИЦА:

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ АЛЯБЬЕВЪ.
БИРКИНЪ.
СЕМЕНОВЪ.
МЯНИНЪ.
АКСЕНОВЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
КОЛЗАКОВЪ.
РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.
ДВОРЯНЕ, ДѢТИ БОЯРСКІЕ, ГОЛОСЫ, СТАРОСТЫ, БОГАТЫЕ ПОСАДСКІЕ ЛЮДИ.

Большая, богатая изба въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ избу входятъ постепенно разныя лица, все болѣе пожилыя и зажиточныя, потомъ Аксеновъ. Вновь пришедшіе кланяются молча съ тѣми, которые пришли прежде. Говорятъ вполголоса.

Голоса.

Зачѣмъ насъ собираютъ? Аль бѣда какая? — Нѣтъ, грамоту изъ Сергіева монастыря привезли. — Вѣрно не легко, коли грамоты пишутъ? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а къ врагу на подмогу сила подходитъ. — Что же въ грамотѣ пишутъ? — Подожди малость, все узнаемъ. (*Входитъ Аксеновъ*). Кто привезъ грамоту?

Аксеновъ.

Романъ Пахомычъ. Кому же больше!

Одинъ голосъ.

Эка, голова!

Аксеновъ.

Самъ великій господинъ патріархъ называетъ ихъ, его да Родіона Мосѣича, безстрашными людьми. Такъ и пишетъ: «а пришлите мнѣ тѣхъ безстрашныхъ людей!»

Одинъ изъ толпы.

Говорятъ, Цахомовъ отъ всякой напасти заговоренъ.

Аксеновъ.

Толкуй тутъ! Извѣстно, Божьимъ произволеніемъ. Къ патріарху ходитъ, благословеніе принимаетъ, а ты: «заговоренъ!» Нѣшто такіе заговореные-то бываютъ?

Другой изъ толпы.

Заговореный-то который — и креста не поситъ; а не то, что къ благословенію идти.

Аксеновъ.

Да еще къ кому? Къ самому патріарху!

(Входятъ: Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.

Голоса.

Романъ Пахомычъ, здраствуй!—Здраствуй! — Какъ тебя Богъ милуетъ? — Здорово ли доѣхалъ? — Чай усталъ?

Романъ Пахомовъ.

Немножко есть. Послѣднія двѣ ночи не ночевалъ, все ѣхалъ.

Аксеновъ.

Гдѣ ѣхалъ?

Романъ Пахомовъ.

Отъ Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксеновъ.

Чиста дорога?

Романъ Пахомовъ.

Ничего, Богъ миловалъ.

Голоса.

Что въ Москвѣ? — Что въ Москвѣ, Романъ Пахомычъ?

Романъ Пахомовъ.

Плохо.

Голоса.

А что? — Что такое?

Романъ Пахомовъ.

Пожжено, разорено, хлѣба мало.

Голосъ.

Ужли и хлѣба мало?

Романъ Пахомовъ.

Мало. Я стоялъ у одного посадскаго, у Яузскихъ воротъ, — бѣдствуетъ.

Голоса.

Ахъ, сердечные! — Эка бѣда! — Эка причина!

Аксеновъ.

Скажи ты мнѣ на милость, пуще мнѣ всего: къ патріарху ходу нѣтъ?

Романъ Пахомовъ.

Теперь нѣтъ, крѣпко держутъ.

Аксеновъ.

И все воръ Андроновъ?

Романъ Пахомовъ.

Всѣ хороши.

*

Голоса.

А что Трубецкой? — Что Заруцкой съ войскомъ?

Романъ Пахомовъ.

Какое это войско? Воръ на ворѣ! Содомъ! (*Входятъ: Воевода, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и нѣсколько народу*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Алябьевъ, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и другіе. Воевода садится за столъ; нѣкоторые садятся; нѣкоторые стоятъ. Романъ Пахомовъ подаетъ грамоту воеводѣ.

Воевода.

Здорово ли доѣхалъ?

Романъ Пахомовъ.

Ничего.

Воевода.

Ну, молодецъ же ты, Романъ Пахомовъ!
Хвала и честь тебѣ! Чай отдохнуть
Съ дороги-то захочешь?

Романъ Пахомовъ.

Да когда ужъ!
Велѣли къ вамъ заѣхать, да въ Казань.
Ужъ отдохну, вернувшись изъ Казани.

(*Отходитъ*).

Воевода.

Всѣ собрались?

Голоса.

Всѣ.

Воевода (*отдаетъ грамоту Семенову*).

Читай, Василій!

Семеновъ.

Сначала тутъ, какъ водится, всѣ власти
Казанскія и весь народъ помянутъ:
Татары, черемиса, вотяки
И прочіе. *(Читаетъ)* «Не разъ мы вамъ писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молимъ васъ: не позабудьте,
Что вы родились въ православной вѣрѣ,
Святымъ крещеніемъ знаменовались.
Сего-то ради положите подвигъ
Страданья вашего за вашихъ братій!
Молите, всѣмъ народомъ христіанскимъ,
Людей служилыхъ быть въ соединеньи,
И за одно стоять противъ враговъ
И всѣхъ предателей хрестьянской вѣры.
Вы сами видите, что всѣмъ близка
Отъ тѣхъ враговъ конечная погибель.
Въ которыхъ городѣхъ они владѣли,
Какое разоренье учинили!
Гдѣ Божьи образы и гдѣ святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглымъ поруганьемъ!
Гдѣ множество безчисленное въ градѣхъ?
Не всѣ ли люто горькими смертями
Скончалися! Гдѣ въ селахъ наши чада,
Работные? Не всѣ ли пострадали
И въ плѣнъ разведены! Не пощадили
И престарѣвшихъ возрастомъ. Сѣдинъ
Не усрамились старцевъ многолѣтнихъ
И душъ незлобивыхъ младенцевъ. Всѣ
Испили чашу праведнаго гнѣва.
Попомните и смилуйтесь надъ нами,
Надъ общей гибелью, чтобъ васъ самихъ

Та лютая погибель не постигла!
Не мѣшкая, идите въ сходъ къ Москвѣ!
Вы сами знаете, всему есть время,
Безъ времени бездѣльно начинанье
И суетно. А если есть межъ васъ
Какое недовольство,—отложите!
Соединитесь всѣ, забывъ обиды,
И положите подвигъ пострадать
Для избавленья православной вѣры!
Незакосненно сотворите дѣло,
Казною и людями помогите!
Чтобъ скудостью и гладнымъ утѣсненьемъ
Боярамъ, воеводамъ и всѣмъ людямъ
Порухи никакой не учинилось.
О томъ васъ молимъ много со слезами,
И отъ всего народа бьемъ челомъ!»

Воевода.

Вели списать ты списокъ слово въ слово,
А грамоту отдай свезти въ Казань.

Мининъ.

А что отвѣтимъ?

Семеновъ.

Знаютъ воеводы
Про то, а наше дѣло будетъ — слушать.

Мининъ.

Послушаемъ.

Воевода.

Мы рады бы идти,
Да насъ походы разорили вовсе.
Давно ль ходилъ князь Александръ Андреичъ,
И я ходилъ; безъ дѣла не сидѣли!
Казны да войска просятъ. Гдѣ жъ намъ взять?

Аксеновъ.

Поищемъ, такъ найдемъ.

Семеновъ.

А гдѣ найдешь ты?

Аксеновъ.

Промежъ себя найдемъ; сберемъ, что можемъ.

Семеновъ.

Да много ль денегъ?

Мининъ.

Сколько ни на есть!
Ужь это наше дѣло.

Воевода.

Доброй воли
Я не снимаю съ васъ. Сбирайте съ Богомъ!

Семеновъ.

Ну, можетъ быть, кой-что и соберете;
Что-жъ дѣлать будете?

Аксеновъ.

Тебя не спросимъ.

Мининъ.

Наймемъ людей служилыхъ да стрѣльцовъ,
Да и пошлемъ къ Москвѣ.

Семеновъ.

Безъ воеводы?

Мининъ.

Какъ прежъ-того водилъ Андрей Семенычъ,
Такъ и теперь ему челомъ ударимъ.

Воевода.

Я не пойду, усталъ.

Мининъ.

Андрей Семенычъ!
Ты вздумай, если нашимъ нерадѣньемъ
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Изсякнетъ корень христіанской вѣры,
И благолѣпіе церквей Господнихъ
Въ Московскомъ государствѣ упразднится,—
Какой отвѣтъ дадимъ мы въ оный день,
Въ день страшнаго суда?

Воевода.

А кто порукой,
Что наше войско врагъ не одолѣетъ,
Что врозь оно не разбѣжится прежде,
Чѣмъ мы Москву передъ собой увидимъ.
Не хуже насъ ходили воеводы!
Со всѣхъ концовъ безчисленное войско
Шло подъ Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли съ Прокопомъ Ляпуновымъ,
Изъ Мурома съ окольничьимъ Масальскимъ,
Изъ Суздаля съ Андреемъ Просовецкимъ,
Изъ городовъ поморскихъ шелъ Нащокинъ,
Съ Романова, съ татарами-мурзами
И съ русскими, шли Пронскій да Козловскій,
Съ Коломны и съ Зарайска князь Пожарскій,
Петръ Мансуровъ велъ Галицкихъ людей,
Изъ Костромы пошли съ Волконскимъ княземъ,
Изъ Нижняго князь Александръ Андренчъ.
Да не далъ Богъ; всѣ розно разошлись.
Такъ какъ же хочешь ты, чтобъ съ горьстью войска
Я шелъ къ Москвѣ? Мнѣ съ Господомъ не спорить!

Мининъ.

Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говоримъ: «Богъ не далъ». Да за что
Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
Когда-то соберутся да пойдутъ,
Какъ точно черезъ пень колоду валятъ.
А соберутся,—споры да раздоры:
Да не о томъ, кто первый помереть
За Русь святую хочетъ:—разбираютъ,
Кто старшій, нàбольшій, кто чиномъ больше,
Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
Другой бояринъ-то въ Калугѣ
Боярство-то отъ вора получилъ.
Поспорятъ, покричатъ, дойдетъ до драки;
До смертнаго убивства доходило!
Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семенычъ!

Воевода.

За что сердиться! Правду говоришь.

Мининъ.

А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!
Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино,—тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.
Да и цалуютъ крестъ, кому попало,

Не разбирая; на году разъ пять
Господне имя всуе призываютъ.
И всѣ они, прости меня Господь,
Для временныя сладости забыли
О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
Такими ли руками Русь очистить,
И въ ней Господне царство обновить!

Голоса.

Что правда,—правда; что грѣха таить!

Воевода.

Кому-жъ стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьевъ?

Мининъ.

Тѣмъ, кто больше терпитъ,
Кто передъ Богомъ не кривилъ душой.
Когда народъ за Русь святую встанетъ, —
И дастъ Господь побѣду надъ врагомъ.
Намъ дороги родныя пепелища.
Мы ихъ не промѣняемъ ни на что.
Намъ вѣра православная да церковь
Дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ.
Мы волею креста не цѣловали
Губителямъ. А гдѣ и огрѣшились,
Съ веревкою на шеѣ присягали,
Да и не знаютъ, какъ и замолить.
Вотъ Кинешма, и Лухъ, и Балохна,
И Юрьевецъ омылися въ крови,
Свою вину сторицей искупили.
Самъ разсуди: по деревнямъ, по селамъ,
Что терпятъ! Врагъ внѣзапу набѣгаетъ,
Дома разграбитъ, да сожжетъ и церковь,
Что обыдёнкой сложена всѣмъ міромъ

За избавленье Божіе отъ мора,
Иль отъ другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
Въ честномъ бою, всѣмъ разомъ, съ глазу на глазъ
Съ врагомъ,—чѣмъ гибнуть всѣмъ по одиночкѣ,
Въ плетняхъ да въ рощахъ звѣремъ укрываясь.

Воевода.

За умноженіе грѣховъ Господь
Насъ наказалъ. Мы знаемъ всѣ и терпимъ.
Такъ не грѣшно ли противъ Божьей воли
Намъ возставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться съ Богомъ!

Мининъ.

Господь не вѣкъ враждуетъ противъ насъ
И грѣшнику погибели не хочетъ.
Придетъ пора, молитвой и слезами
Святителей и праведныхъ людей,
Разящій гнѣвъ Господень утолится
И намъ смиреннымъ снидетъ благодать.
Господь смиряетъ и Господь возноситъ,
Введетъ въ бѣду и изведетъ изъ бѣдъ.
Врагъ одолѣлъ, творя его велѣнье,
Смирились мы, и намъ Господь пошлетъ
Побѣду на врага и одолѣнье!

Воевода.

Мнѣ слѣду нѣтъ идти, пускай другіе.

Мининъ.

Ты не пойдешь, мы безъ тебя пойдемъ.
Позволь мнѣ завтра кликнуть кличъ къ народу;
Что соберемъ, съ тѣмъ и пойдемъ къ Москвѣ.
По деньгамъ глядя, пріймемъ казаковъ.

Биркинъ.

Не знаю, что Андрей Семенычъ скажетъ,
А я бъ тебѣ и думать не позволилъ
Сбивать казаковъ своевольныхъ въ городъ.
Въ Казани ихъ пущаютъ понемногу,
Такъ человѣкъ десятка два не больше,
Бояся смуты. Да и хорошо.
Въ тебя не влѣзешь. Говорятъ, чужая
Душа потемки. Можетъ, ты затѣялъ
Какую смуту, аль измѣну взчать!
Твой замыселъ лукавъ, Кузьма! Ты хочешь
Опутать краснымъ словомъ черный людъ
И властвовать.

Мининъ.

Постой, Иванъ Иванычъ!
Чего не знаешь, ты бъ не говорилъ.
Я вотъ и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрѣлъ бы на себя, а не корилъ
Поклепомъ злымъ людей себя честнѣе.
Тебя съ собой я не зову къ Москвѣ;
Тебѣ и въ Тушинѣ тепло бывало.
Живи себѣ, да бражничай здѣсь въ Нижнемъ!
Я не мѣшаю, не мѣшай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты языкъ прикусишь.

Семеновъ.

При тебѣ,
Андрей Семеновичъ, такія рѣчи
Онъ говоритъ. Возможно ли терпѣть!

Мининъ (*показывая на Биркина*).

Ты видишь, терпитъ.

Воевода.

Замолчи, Кузьма!

Мининъ.

Я замолчу, да ужь и онъ не скажетъ
Ни слова больше, головой отвѣчу.

Семеновъ.

Такъ я скажу. Я замыселъ твой вижу.
Не смуту,—нѣтъ!—ты смуты не затѣешь,
Ты отъ казны попользоваться хочешь,
Чужой копѣйкой поживиться, вотъ что!
Вы всѣ барышники!

Мининъ.

Очнись, Василій
Семеновичъ! Ты старый человѣкъ!
По дурости ты это говоришь,
Или по злобѣ на меня,—не знаю.
Нѣтъ, я души своей не продавалъ
И не продамъ. Душа дороже денегъ,
Мы знаемъ твердо, ты не позабылъ ли?
Мы тѣмъ живемъ, что Богъ въ торгу пошлетъ;
Къ поборамъ, да къ посуламъ не привыкли;
Добро чужое честно бережемъ,
А истеряемъ, такъ своимъ заплатимъ.
Ты будь покоенъ, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну:
Мы старикамъ дадимъ на сбереженье,
Ужь только не тебѣ, ты не взыщи!
Вотъ, Петръ Аксенычъ, человѣкъ бывалый!
Найдутся и другіе послужить
Для дѣла земскаго.

Аксеновъ.

Богъ дастъ, послужимъ.

Не въ тягость служба, коли дѣло Божье,
Да земское.

Воевода.

А много ли собрать,
Мекаете? Вамъ это дѣло ближе,
Виднѣе.

Мининъ.

Прикажи намъ кликнуть кличъ,
Тогда увидимъ.

Семеновъ.

Много не сберете.

Аксеновъ.

Что Богъ пошлетъ, и тѣмъ довольны будемъ.
Такъ прикажи, Андрей Семенычъ, кликнуть!

Воевода.

Всѣ просите?

Голоса.

Всѣ, всѣ, Андрей Семенычъ!

Воевода.

Ну, кличьте, съ Богомъ!

Семеновъ (*Минину*).

Соберешь алтынъ
За гордость за свою.

Мининъ.

Не ошибись!

Аксеновъ.

Благодаримъ тебя, Андрей Семенычъ,
Что ты позволилъ намъ къ народу кликнуть
И собирать казну на Божье дѣло!
За что бы, кажется, благодарить!

Свои мы деньги соберемъ, положимъ
Свои труды; да вѣдь другой, пожалуй,
И помѣшалъ бы намъ, а ты велишь.
Такъ ужь тебѣ спасибо и за это!

Мининъ.

Князья и воеводы и бояре
И всѣ честные люди, посудите
Своимъ умомъ и разумомъ великимъ
Мою простую рѣчь! Не обезсудьте.
Что я, помимо старшихъ, затѣваю
Такое дѣло! Не своя гордыня
Ведетъ меня. Гордыня—вражье дѣло;
А я слуга, я рабъ велѣній Божьихъ.
Сегодня ночью преподобный Сергій
Мнѣ грѣшному явился и велѣлъ онъ
Будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ.
Когда я близкимъ сталъ про это чудо
Разсказывать, въ тотъ самый часъ гонцы
Явились съ грамотой архимандрита.
И мнится мнѣ, что самъ угодникъ Сергій
Ее прислалъ. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смѣлъ
И вамъ повѣдалъ все, какъ передъ Богомъ.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мнѣ одно: служить я буду Богу.
Я рабъ, пославшаго творю велѣнья,
Пока исполнится завѣтъ Господень,
Пока кремлевскія увижу стѣны.

Голоса

Иди, иди къ Москвѣ, Кузьма Захарьичъ!
Тебя Господь поддержитъ, укрѣпитъ....

Воевода.

И мы по силѣ-по́-мочи поможемъ.

Голоса.

Поможемъ всѣ тебѣ!—Поможемъ всѣ!

Воевода.

А грамоту снесите къ протопопу,
Чтобъ завтра за обѣдней прочиталъ.
Велите въ колоколъ большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семеновъ.

А гдѣ свинцу да пороху возьмете?
Безъ огненнаго бою какъ соваться!

Мининъ.

Займемъ въ Казани, тамъ въ остачѣ много.

Семеновъ.

А не сберешь ты войска, что тогда?

Мининъ.

Одинъ пойду.

Семеновъ.

Одинъ—не ратникъ въ полѣ.

Поспѣловъ.

Ты не одинъ пойдешь, и мы пойдемъ.
Посадскіе, торговые помогутъ
Вамъ деньгами, а мы всѣ головами.

Дѣти боярскіе.

Мы всѣ идемъ съ тобой, Кузьма Захарьичъ!

Поспѣловъ.

Никто меня здѣсь въ Нижнемъ не удержитъ!
Служилые, воинскіе мы люди,

Мы по приказу шли и умирали,
Велятъ—иди и голову клади,
Теперь безъ зова я иду, охотой!
Ужь умирать, такъ за святое дѣло!

Колзаковъ.

Тебя Господь своимъ сподобилъ чудомъ;
Иди же смѣло въ бой, избранникъ Божій!
И насъ возьми! Авось вернется время,
Когда царямъ мы царства покоряли,
Въ незнаемыя страны заходили,
Край видѣли земли, передъ глазами
Земля морскимъ отокомъ завершалась
И вылъ сердито море—окіянъ.
Довольно бражничать! Теперь есть дѣло:
Точить оружіе, въ походъ сбираться!

Воевода.

И съ Богомъ! Только жаль, что васъ не много.

Мининъ.

Да развѣ врагъ насъ одолѣлъ числомъ?—
Онъ одолѣлъ насъ Божьимъ попущеньемъ.
Не силой силенъ врагъ, а Божьимъ гнѣвомъ,
Да нашей слабостью, да нашими грѣхами.

Аксеновъ.

Не войска нужно намъ, а благодати.

Мининъ.

Великъ Господь, Владыко херувимскій!
Прибѣжище и сила наша въ немъ!
Его рука дала врагамъ побѣду,
Его рука притупитъ ихъ мечи.

Аксеновъ.

Давидъ и малъ, да сильнаго свергаетъ.

Поспѣловъ.

Не много храбрыхъ вывелъ Гедеонъ.

Мининъ.

Самсонъ все войско костью побиваетъ.

Аксеновъ.

Отъ гласа трубъ валится Ерихонъ.

Колзаковъ.

Съ большой ордой побить врага не диво.

Мининъ.

Во мнозѣ Богъ! И въ малѣ Богъ!

Аксеновъ.

Аминь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕВЪ.
БИРКИНЪ.
СЕМЕНОВЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
КОЛЗАКОВЪ.
МИНИНЪ.
АКСЕНОВЪ.
ТЕМКИНЪ.
ГУБАНИНЪ.
ЛЫТКИНЪ.
НЕФЕДЪ МИНИНЪ.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
МАРѲА БОРИСОВНА.
ВСЯКІЕ ЛЮДИ НИЖНЯГО НОВГОРОДА, ОБОЕГО ПОЛА.
СЛѢПЫЕ.

Площадь въ Кремлѣ недалеко отъ собора. Начинаетъ разсвѣтать.

ЯВЛЕНІЕ I.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанинъ. Вбѣгаетъ Лыткинъ.

Лыткинъ.

Ахъ, отцы мои, вотъ страсти-то! (*Увидавъ Губанина*). Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

Губанинъ.

Какая напасть?

Лыткинъ.

Да какъ же, Сёма! Зачѣмъ въ большой колоколъ-то били? Слышу я, зачали въ колоколъ бить, народъ бросился въ городъ, такъ и обмеръ. Ну, думаю, всполохъ отъ воровскихъ людей.

Губанинъ.

Какой всполохъ? Что ты!

Лыткинъ.

Такъ зачѣмъ же въ большой-то? Нонѣ праздника нѣту.

Губанинъ.

Затѣмъ и въ большой, чтобъ больше народу набралось. Грамоту изъ Сергіева монастыря читать будутъ.

Лыткинъ.

Ишь ты! А вѣдь мнѣ сдуру-то втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ. Тутъ у воротъ подъ горой и складываютъ.

Губанинъ.

Кто о душѣ, а ты все о рухляди. Какъ тебѣ не стыдно?

Лыткинъ.

Молодъ еще ты учить-то! Я ужь страстп-то видывалъ. Какъ тогда князь Вяземскій подходилъ, натерпѣлись тоже не мало. Оно точно, Богъ сохранилъ, а добра-то что̀ распропало.

Губанинъ.

На Москвѣ больше нашего распропало.

Лыткинъ.

Такое опредѣленіе. Значитъ, терпи! Ну, а намъ,

пока Богъ милуетъ, свое добро беречь надо. Отошла обѣдня-то?

Въ народѣ.

Грамоту читаютъ. — Грамоту читаютъ.

Губанинъ.

Ужь какъ хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалѣлъ.

Лыткинъ.

Ужь и я бы послушалъ. Протѣснимся какъ-нибудь. Посторонитесь, почтенные! *(Проходятъ. Народъ мало по малу протысняется въ соборъ. У паперти открывается кучка слѣпыхъ, которые были скрыты народомъ).*

Слѣпые *(запѣваютъ).*

Живалъ себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, поспалъ хорошо,
Золотыя одёжи богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божью богатъ не давалъ,
Про нищую братью богатъ забывалъ,
А былъ у богатаго убогій братецъ:
Восползетъ убогій къ богату на дворъ,
Закричитъ убогій громкимъ голосомъ.

(Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы. Слышны голоса: «Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводятъ слѣпыхъ на паперть).

ЯВЛЕНІЕ II.

Проходятъ двое.

1-й.

Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й.

Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли! (*Проходятъ*).

Старикъ и женщина.

Старикъ.

Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Каково это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина.

Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. (*Проходятъ*).

Проходятъ четверо.

1-й.

Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й.

А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й.

Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й.

Безпремѣнно. (*Проходятъ*).

Двѣ женщины.

1-я.

Ни въ жизнь столько слезъ не видала! Ни на однихъ похоронахъ того не бываетъ.

2-я.

Ужь и не говори! Такъ рѣкой и разлились. Ангелы-то съ небеси, чай, смотрятъ да радуются. (*Проходятъ. Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Биркинъ и Семеновъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Биркинъ, Семеновъ.

Воевода *(утирая слезы)*.

Вы видѣли, какъ плакалъ весь народъ,
Вы слышали тяжелыя рыданья!
Какія слезы! Боже! Правъ Кузьма:
Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать
Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,
Онъ плачетъ. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старухъ и стариковъ;
Въ нихъ сила страшная; омывшись ими,
Онъ чистъ и твердъ, какъ камень самоцвѣтный;
Онъ сбросилъ тяжесть помысловъ житейскихъ,
И суеты, и будничныхъ заботъ,
И вышелъ непороченъ: хоть на битву
Веди его, хоть въ монастырь честной,
Хоть на небо.

Семеновъ *(со слезами)*.

Великую ты правду,
Андрей Семенычъ, говоришь. Я старъ,
Заматерѣлъ въ грѣхахъ; а Божье слово,
Въ часъ утренней молитвы, возвышаетъ
Мнѣ душу грѣшную, и рвутся цѣпи,
Къ землѣ гнетущія; хочу подняться,

Какъ утопающій, ищу спасенья;
Цвѣтущій берегъ райскій вижу ясно;
И плыть готовъ и силу обрѣтаю.

Воевода.

Страдалъ народъ; теперь конецъ страданью,
Замѣтно по всему. И страшно будетъ
Отмщеніе за пролитую кровь.

Биркинъ.

Потерпитъ и еще.

Воевода.

Вотъ ты увидишь,
Что этотъ день начало избавленья
Отъ всѣхъ напастей, обстоящихъ насъ.
Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
Повѣрь ты мнѣ: заря освобожденья
Здѣсь въ Нижнемъ занялась на всю Россію.
Взойдетъ и солнце.

Семеновъ.

Кабы намъ твоими
Устами медъ пить.

Воевода.

Дастъ ли Богъ дожить?
А доживемъ, увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика.

(Уходятъ. Входятъ: Аксеновъ, Посьяловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и нѣсколько народа).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Биркинъ, Семеновъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

Поспѣловъ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и до сыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ.

Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарычъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ Ангелу Хранителю Косьмѣ —
Безсребренику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(*Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу: одинъ въ одну сторону, другой въ другую*).

Темкинъ.

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ.

Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, и Мининъ.

Мининъ (*съ лобнаго мѣста*).

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье!
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что-жъ! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

Голоса.

Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній!
Не пощадимъ казны и животовъ!
Мы продадимъ дворы свои и домы!
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса.

Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ.

Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

Голоса.

Князь Димитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
Другаго намъ не надо!

Мининъ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на-спѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я,—Господи благослови начало!—
Свои, копленыя и трудовыя,
Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
Отдать свою копѣйку трудовую!

Другіе голоса.

Что деньги! Деньги дѣло наживное;
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

*

Мининъ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны подвизи и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса.

Все отдадимъ!—Теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія).

Мининъ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушко, не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ).

Биркинъ.

Нѣтъ, въ Нижнемъ принялись за дѣло крѣпко.
Здѣсь дѣлать нечего; а по добру
Да по здорову лучше убираться.

Семеновъ (*подходитъ къ Мининy*).

Обидѣлъ я тебя, Кузьма Захарьичъ,
Прости меня!

Мининъ.

Господь тебя проститъ.

Семеновъ.

Я мнилъ, смущаемъ дьявольскимъ прельщеньемъ,

Что грубый ты и гордый человѣкъ,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества надъ равными тебѣ
И временной корысти. Просвѣщаетъ
Господь мнѣ очи нынѣ. Зрю въ тебѣ
Поборника по вѣрѣ православной,
Ясносіятельной и непорочной,
И кланяюсь тебѣ, прости меня!
Я старъ, душѣ моей приспѣло время
Сводить разсчетъ дѣлъ правыхъ и неправыхъ.
И такъ грѣховъ довольно на душѣ;
Ты отпусти мнѣ этотъ грѣхъ послѣдній,
Все легче будетъ хоть однимъ грѣхомъ.

Мининъ.

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обидъ твоихъ не помню.

Семеновъ.

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вкладъ принять
Отъ многогрѣшнаго раба Василья.

(Отходитъ съ Мининымъ. Народъ болье и болье тьснится у лобнаго мьста. Начинаютъ приносить даже вещи, что и продолжается до конца дьйствія).

Губанинъ (*Темкину*).

Пойдти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлѣба на день:
Съ меня и будетъ.

Темкинъ.

Погоди, успѣешь!
Мы первые пошли на это дѣло,
Не спятимся. Что, Лыткинъ замолчалъ?

Губанинъ.

Ты знаешь, Лыткина имѣнье близко:
Онъ въ городъ перенесъ, боясь всполоху;
Какъ давеча къ обѣднѣ зазвонили
Въ большое било, онъ и испугался.

Темкинъ.

Ну, ладно жъ! Погоди, Василій Лыткинъ!
(Лыткину):
Ай Вася! Вотъ хвалю! Такъ, братъ, и надо!

Лыткинъ.

А что?

Темкинъ.

Да какъ же! Ты свои пожитки
Всѣ приволокъ. Чего нибудь да стоитъ.

Лыткинъ

Да нѣшто я про васъ?

Темкинъ.

А про кого же?

Лыткинъ.

Я для сохранности принесъ.

Темкинъ.

Ну, полно
Шутить-то съ нами?

Лыткинъ.

Да какія шутки!
А вотъ возьму, да и пошлю домой.

Темкинъ.

Покойниковъ съ погосту въ домъ не носятъ.

Лыткинъ.

Такъ что же вы хотите?

Темкинъ.

Вотъ покличемъ
Мы молодцовъ, перетаскаютъ мигомъ.
А изъ мірской казны не отдадутъ.

Губанинъ.

Да и просить-то стыдно.

Лыткинъ.

Что жъ вы, грабить
Меня хотите?

Темкинъ.

Какъ же быть съ тобой?
Неволя заставляетъ, самъ доводишь!

Губанинъ.

Ты скупостью своей и насъ позоришь!
Паршивая овца все стадо портитъ.

Лыткинъ.

Ужь вы меня пустите!

Темкинъ.

Нѣтъ, уйдешь!

Лыткинъ.

Не погубите!

Темкинъ.

Вотъ что братъ, Василій!
Дай деньгами! Пожитковъ мы не тронемъ.

Губанинъ.

Вѣдь деньги всѣ съ тобой. Боясь всполоху.
Всѣ до копѣйки изъ дому унесъ.

Лыткинъ.

А много ль?

Темкинъ.

Всѣ отдай!

Губанинъ.

Ну, половину!

Лыткинъ.

Ой, много!

Темкинъ.

А заспоришь, хуже будетъ.

Губанинъ.

Ну, третью деньгу дай!

Темкинъ.

Съ лихой собаки

Хоть шерсти клокъ.

Губанинъ.

Какъ на міру рѣшили?

Темкинъ.

Развязывай кошель-то, сосчитаемъ!

(Всѣ трое садятся на землю и считаютъ деньги).

Три доли ровно, видишь. Двѣ тебѣ,

Сбирай въ мошну, завязывай потуже!

А третью часть сыпь въ шапку, да и съ Богомъ!

Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, отдадимъ съ поклономъ.

(Подходятъ къ Аксенову).

Примай-ко, Петръ Аксенычъ!

(Лыткинъ подаетъ шапку).

Аксеновъ *(высыпаетъ деньги и возвращаетъ шапку).*

Вотъ спасибо!

Не ожидалъ я отъ тебя, Василій.

Лыткинъ.

Я на мірскую нужду не жалѣю.

(Отходитъ).

Ужь только знаетъ грудь да подоплёка,
Какъ мнѣ легко. Убраться поскорѣе!

(Уходитъ. Входитъ Колзаковъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Колзаковъ.

Колзаковъ *(Минину)*.

А я что дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черной день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человѣкъ,
Что хорошо живутъ, да чисто ходятъ;
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что Господу отдать.

(Снимаетъ).

Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копѣйка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна и Нефедъ. Затѣми несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Татьяна Юрьевна и Нефедъ.

Нефедъ.

Какъ, батюшко, изволилъ приказать,

Такъ точно мы, по твоему приказу,
И сдѣлали — все принесли сюда.

Мининъ.

Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ!
Кладите въ кучу, послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна.

Вотъ, государь ты мой Кузьма Захарьичъ,
Ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья.
И съ камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю
На что тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ,
Ты слово твердое, такъ что̀ намъ думать.

Мининъ.

Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна.

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдаетъ. Входитъ Марѳа Борисовна; за ней несутъ сундуки и ларцы).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

Марѳа Борисовна.

Богатое наслѣдство мнѣ осталось
Отъ мужа моего и господина.
Отцы и дѣды прежде накопили,
А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
Къ отцовскому наслѣдію прибавилъ,

И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
Покрасоваться нажитымъ добромъ.
Благословенья не было отъ Бога
Мнѣ на дѣтей,—однимъ-одна осталась
Хозяйкою несчетнаго добра,
Добра чужаго,—я съ собою мало
Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я—догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мнѣ стало, что заботу
Такую дорогую Богъ послалъ.
И вотъ, благословясь, я раздавала
По храмамъ Божьимъ на поминъ души,
И нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу,
Убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ,
Сиротамъ и въ убогіе дома,
Колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ,
Въ обители: и въ Кіевъ и въ Ростовъ,
Въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ,
На Бѣло-озеро, и въ Галичъ, и въ Поморье,
И въ Грецію, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось, —
То долгъ несутъ, то кòртому съ угодій.
И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла,
Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.
Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте!
На добрыя дѣла, на обиходъ
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.
А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно —
Однихъ угодій хватитъ на прожитокъ.

(Отходитъ къ сторонѣ).

Поспѣловъ.

Ты мнѣ теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

Марѳа Борисовна.

Ахъ, что ты?
Я не жена еще!

Поспѣловъ.

Не все ль равно!
Не рано — поздно, будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро постъ начнется:
Сама ты знаешь, свадьбы не вѣнчаютъ

Марѳа Борисовна.

Какой ты скорый! Развѣ мало дѣла?
Все не управлюся.

Поспѣловъ.

Вотъ вы какія!
Вамъ только мучить человѣка! Знаю
Я вашъ обычай. Что же за порядокъ!
Тутъ постъ, а тамъ къ Москвѣ пора идти;
Намъ и пожить-то вмѣстѣ не удастся.

Марѳа Борисовна.

Ахъ, милый мой, такъ ты къ Москвѣ пойдешь?

Поспѣловъ.

Еще бы не пойти! Само собою.

Марѳа Борисовна.

Ахъ мой сердечный! Экой ты хорошій!
Богъ дастъ, вернешься!

Поспѣловъ.

Какъ же, дожидайся!
Скорѣе голову свою положишь.

Марѳа Борисовна.

А голову положишь, нѣшто худо!
Что̀ мученикъ, что̀ на войнѣ убитый,
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

Поспѣловъ.

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здѣсь въ Нижнемъ,
Жениться бы.

Марѳа Борисовна.

Объ дѣлѣ меньше будешь
Женатый думать. Вотъ что, другъ любезный!
Ты знаешь ли: женатый о женѣ,
А холостой о Богѣ.

Поспѣловъ.

Наше дѣло,
А не твое. Про то мы сами знаемъ.
Ты обѣщала, такъ назадъ не пяться!

Марѳа Борисовна.

Зачѣмъ мнѣ пятиться! Какая стать!
Ну, чѣмъ ты не женихъ? Собой красавецъ,
И развеселый, и такой удалый!
Другихъ такихъ не сыщешь. Изъ-подъ ручки
На жениховъ такихъ невѣсты смотрятъ.

Поспѣловъ.

Да, только смотрятъ.

Марѳа Борисовна.

А тебѣ все мало.

Поспѣловъ.

Все шутки у тебя. Мнѣ не до шутокъ!

Тебѣ забава, — мнѣ кручина злая.
Я, точно подкошеная трава,
Безъ вѣтра-вихоря, безъ солнца вяну.
Ложись да умирай!

Марѳа Борисовна.

Дай Богъ пожить!
Повеселиться, да дѣтей понянчить!
Ты не кручинься! Богъ дастъ, будемъ живы,
Еще успѣемъ и намиловаться
И надоѣсть другъ другу.

Поспѣловъ.

Богъ съ тобой!
Хотѣлъ браниться, что не держишь слова, —
Языкъ не слушаетъ. Махнуть рукой
Приходится, да ждать себѣ рѣшенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нѣтъ — такъ Богъ накажетъ.
(Отходитъ).

Татьяна Юрьевна.

Ты не зайдешь ли къ намъ отсюда, Марѳа
Борисовна, на пирожокъ?

Марѳа Борисовна.

Не знаю,
Какъ и сказать тебѣ! Не обмануть бы!
Вотъ видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да въ монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, ужь домой
Не заходить; да послѣ разсудила,
Что надо будетъ Богу послужить

Еще въ міру пока. Сберется войско,
Постои да кормы имъ нужны будутъ;
Домъ у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядѣть
Да присмотрѣть самой. Свой глазъ все лучше;
Заглазно — безпокойно.

Татьяна Юрьевна.

Ну, еще бы!

Марѳа Борисовна.

Вотъ, разсудивши такъ-то, я отсюда
И думала пробраться въ Воскресенской,
Себѣ хотѣлось келью присмотрѣть.

Татьяна Юрьевна.

Вотъ ужь не думала. Да что ты, Марѳа
Борисовна! Ушамъ своимъ не вѣрю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смѣешься съ нами, парней молодыхъ
Не обѣгаешь...

Марѳа Борисовна.

Что же ихъ бояться?
Подумаютъ, горда. Грѣха-то больше!
А пусть болтаютъ да смѣются вдоволь,
Отъ ихнихъ словъ меня вѣдь не убудетъ:
Побалагуримъ да и разойдемся.

Татьяна Юрьевна.

Да какъ же это? Алексѣй Михайлычъ
Мнѣ сказывалъ, что онъ тебя засваталъ,
И ты не прочь, и, будто, по рукамъ
Ударили. Онъ ждетъ и не дождется.

Марѳа Борисовна.

Не говори ему, пускай онъ ждетъ.

Татьяна Юрьевна.

Обманывать грѣшно!

Мареа Борисовна.

Да что же дѣлать!
Ты разсуди сама: идти мнѣ замужъ
Ужь не приходится: я обѣщала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А Алексѣй Михайлычъ ласковъ очень,
Меня онъ любитъ; откажи ему —
Разсердишь. Кротокъ онъ теперь и смиренъ;
Пожалуй, въ гнѣвъ его введешь и въ злобу,
И будетъ только грѣхъ одинъ. Ужь лучше
Хоть обману, да въ мирѣ поживемъ.
Пусть думаетъ, что я его невѣста.
Теперь къ Москвѣ сбираться скоро будетъ,
Дорога дальная — меня забудетъ.
Не до любви, — тамъ горе ждетъ его,
А я молиться буду за него.

(*Уходятъ. Народу все больше прибываетъ на площадь*).

Одинъ изъ толпы.

Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой.

Зипунишко!

(*Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами*).

Голоса.

Вотъ наши деньги изъ кваснаго ряду! —
Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —
Костромичи собрали — принимайте!
Стрѣльцы Колзакова Банма сотни.

Поспѣловъ.

Вотъ праздникъ, такъ ужь праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ.

И я смотрю; душа во мнѣ ростетъ.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у насъ и войско, и казна,
И полководецъ. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатѣвъ,
Какъ непоборные орлы, помчимся
И грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ,
Какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ воружаемъ;
Не страшенъ намъ злохитрый ковъ его!
За насъ молитвы цѣлаго народа,
Дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ,
И пѣнье иноковъ и клиръ церковный,
Елей лампадъ, куреніе кадилъ!
За насъ угодники и чудотворцы,
И легіоны грозныхъ силъ небесныхъ,
Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Вбѣгаетъ Юродивый).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Юродивый.

Голоса.

Бѣжитъ убогій! — Гриша! — Пропустите!

Юродивый *(на лобномъ мѣстѣ).*

Вотъ денежки! Копѣечки! Возьмите!
Ихъ много, много!

(Высыпаетъ деньги).

Голоса.

Вотъ онъ собиралъ

Все на дорогу-то! — Выходитъ, правда. -
Ужъ эти деньги, братцы, всѣхъ дороже.

Юродивый.

Темно! темно! Не вижу ничего!
Гдѣ люди? Гдѣ земля? Все внизъ уходитъ.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!
(*Его поднимаютъ*).
Я вижу, вижу!..

Голоса.

Что ты видишь, Гриша?
Всѣмъ сказывай! — Всѣмъ говори, что видишь!

Юродивый.

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты,
Кругомъ стѣны посады протянулись,
Далеко въ поле слободы легли.
Все по горамъ сады, на церквахъ главы
Все золотыя. Вотъ одна всѣхъ выше
На солнышкѣ играетъ голова,
Рѣка, какъ лента, вьется... Кремль! .. Москва! ..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

МИНИНЪ.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
НЕФЕДЪ.
АКСЕНОВЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
СЕМЕНОВЪ.
ЛЮЩАДНОЙ ПОДЪЯЧІЙ.
ВЫБОРНЫЕ.
НАРОДЪ.

(Горница въ домѣ Минина. Налѣво дверь въ другой покой, прямо въ сѣни).

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна Юрьевна сидитъ у стола, пригорюнясь; Нефедъ стоитъ у притолки. Входитъ Аксеновъ.

Аксеновъ.

Миръ дому и живущимъ въ немъ! Здорово-ль
Вы здѣсь живете?

Татьяна Юрьевна.

Чьи-нибудь молитвы
Доходятъ къ Богу: живы и здоровы!

Аксеновъ (*садясь*).

Такъ что жъ вы пріуныли, осовѣли?

Нефедъ.

Да батюшко...

Аксеновъ.

Ну, что жъ?

Нефедъ.

Тоскуетъ очень.

Татьяна Юрьевна.

И не глядитъ на свѣтъ, сидитъ горюетъ.

Аксеновъ.

Что за бѣда такая! Отчего бы?

Нефедъ.

Кто жъ знаетъ!

Татьяна Юрьевна.

Нѣшто скажетъ!

Аксеновъ.

Вы бъ спросили!

Нефедъ.

Не смѣемъ.

Аксеновъ.

Ну, такъ я поговорю.

Татьяна Юрьевна.

Поговори-ко, Петръ Аксенычъ, толкомъ!
Авось уймется.

Нефедъ.

Батюшко идетъ.

(Татьяна Юрьевна и Нефедъ уходятъ въ среднюю дверь: Мининъ выходитъ изъ боковой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Аксеновъ и Мининъ.

Аксеновъ.

Здорово, другъ Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Здраствуй!

(Садится на лавку и, молча, смотритъ въ окно).

Аксеновъ.

Опомнись! Что ты! Какъ тебѣ не грѣхъ!

Мининъ.

Тоска меня загрызла; изсосала
Мнѣ сердце, какъ змѣя.

Аксеновъ.

О чемъ скорбишь?
Ты мнѣ скажи, на сердцѣ легче будетъ.

Мининъ.

Ты не поможешь. Горько мнѣ до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жиламъ холодѣетъ!

Аксеновъ.

Ты въ умѣ ли?
Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!
Какое время, вспомни, грѣховодникъ!
Какое дѣло на плечахъ твоихъ!
Будь твердъ, какъ камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грѣхомъ унынія грѣшишь предъ Богомъ!
Противна Богу суетная скорбь.

Мининъ.

Нѣтъ сусты во мнѣ. Корить напрасно.
Земныя страсти надо мной невластны.
Разсыпься домъ и погреби семью,
Возьмись пожаръ и разнеси по вѣтру
Все нажитое, до послѣдней нитки, —
Я буду твердъ; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грѣхомъ. Я нагъ на свѣтъ родился
И нагъ въ могилу лягу. Страшно молвить,
Аксенычъ, страшно молвить! Наше дѣло,
Великое, святое начинанье,
Какъ сельный цвѣтъ въ сухое лѣто, вянетъ.
Выводимъ стѣны, крышу крыть хотимъ,
А храмина не крытая валится.
Вотъ отчего лицо мое мертвѣетъ,
И зимнимъ холодомъ ведетъ по тѣлу,
И дыбомъ подбираетъ волоса.
Народъ волна — прихлынетъ и отхлынетъ.
Давно ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копѣйки
Послѣднія и мѣдные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что женъ, дѣтей хотѣли заложить.
Всѣ пріуныли. Только бѣдняки
И веселы; а тѣ, что побогаче,
Какъ туча черная, всѣ почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ. Они не видятъ,
Что дьяволъ ихъ тенетами опуталъ,
И въ бездну тащитъ золотымъ арканомъ.
А много ль мы собрали, Петръ Аксенычъ?
Съ чѣмъ начинать? Подумай, посуди!

А развѣ ты не видишь тайной злобы
Ко мнѣ? Не всѣ, я не хочу грѣшить,
А есть такіе, — разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себѣ
Радѣю я, а не о земскомъ дѣлѣ.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Димитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: «кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?» —
Меня не назовутъ, гляди, другого
Кого нибудь. Все прахомъ и пойдетъ!

Аксеновъ.

Не гордость ли, Кузьма?

Мининъ.

Нѣтъ, Петръ Аксенычъ!
Да развѣ гордость не жалѣя силы,
И день, и ночь, не покладая рукъ,
Безъ устали, безъ отдыха работать!
Одинъ для всѣхъ слуга я поминутный;
Да и впередъ вамъ послужить хочу.
Вѣдь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдетъ,
Тутъ только поспѣвай, вѣдь съ ногъ собьешься;
И, не доѣвши, вскочишь изъ обѣда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себѣ перекрестить порядкомъ.
Вотъ я чего хочу. Пускай другіе
За дѣло примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань, да перекоры,
Бездѣльные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не съумѣютъ;

А что собрали, растрясутъ, развѣютъ.
А дѣлу-то поруха! Намъ безчестье!
И передъ Богомъ грѣхъ незамолимый!

Аксеновъ.

Не дай Богъ слышать, а не то что видѣть
Грѣха такого!

Мининъ.

Чай тебѣ случалось
Видать не разъ, какъ тонетъ человѣкъ;
А, можетъ, самъ тонулъ?

Аксеновъ.

Всего бывало.

Мининъ.

Перекрестясь, да съ берега крутаго
Ты бросишься, на силу-то надѣясь;
Плывешь такъ весело; на полдорогѣ
Вдругъ страшно станетъ, ищешь ты глазами,
Гдѣ ближе берегъ. Смотришь ты впередъ,
Тамъ столько же, какъ съ берега казалась
И вся рѣка; назадъ, — тамъ вдвое шире.
Кричать нѣтъ пользы, берега пустые,
Отвѣта не дадутъ; а кто услышитъ,
Такъ скоро ль добѣжитъ, да сыщетъ лодку!
Вдругъ смертная тоска одолѣваетъ;
Глазами водишь: мать сыра-земля
Цвѣтетъ попрежнему, проходитъ стадо
Вдали, чуть видно; пролетѣли чайки
Съ зловѣщимъ крикомъ; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось
И потемнѣлъ тальникъ по берегамъ;
И сотворивъ молитву, тонешь, бѣдный,

Безъ помощи. Вотъ такъ и я тону.
Да не одинъ я, всѣ мы, всѣ мы тонемъ.

(Задумывается).

Аксеновъ.

Ты былъ у князя?

Мининъ.

Одному тебѣ
Покаюсь, былъ.

Аксеновъ.

На чемъ же порѣшили?

Мининъ.

Князь добрый человѣкъ. Меня онъ слушалъ
Привѣтливо и долго; обласкалъ
И самъ распрашивалъ про все по ряду:
«Да что? Да какъ? Да правду ль говоришь?»
Самъ понимаешь, княжеское дѣло.
«Скажи-ка, говорю, ты мнѣ, князь Дмитрій
«Михайловичъ, кто больше сработаетъ —
«Голодный, али сытый? Подневольный,
«Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
«Не оттого ли нашимъ воеводамъ
«И дѣло ратное не удалось,
«Что только силу ратную считали,
«А про кормы, да про казну забыли?
«Безъ корму, да безъ денегъ, что за ратникъ!
«Ни силы нѣтъ, ни духу! Ты возьми
«Отъ человѣка до скота, — все тоже!
«Вѣдь сытый конь побольше и свезетъ,
«И въ гору вытянетъ; на чахломъ много ль
«Наѣздишь? Самаго тянуть придется».
Да такъ вотъ все ему, какъ на ладони,
И выложилъ. Подумалъ князь, подумалъ,

И говоритъ: «ты правъ, Кузьма Захарьевъ!
«Съ такой аравой въ дальнюю дорогу
«Мнѣ безъ тебя сражаться, что безъ рукъ.
«Давай ужь вмѣстѣ Господу послужимъ!»
Поцаловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

Аксеновъ.

Такъ ты чего жь боишься, маловѣрный?

Мининъ.

Да развѣ князь не можетъ передумать!
Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ:
Ты знаешь самъ, какъ я богатымъ солонъ!
А ихъ-то и послали съ челобитьемъ.
Душа изъ тѣла рвется, полетѣлъ бы
Однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ творится.

Аксеновъ.

А вотъ пріѣдетъ Алексѣй Михайлычъ —
Разскажетъ все. Сегодня надо ждать.

(Поспѣловъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

Аксеновъ.

А онъ и тутъ. Легокъ же на поминѣ.
Здорово ль съѣздили?

Поспѣловъ.

Благополучно.
Дорога гладкая, морозецъ легкій!
По первопутью, ровно какъ по маслу,
Шутя доѣхали. Да и назадъ
Вернулись по добру да по здорову.

Мининъ.

Садись! Въ ногахъ нѣтъ правды! Говори!
Душа не терпитъ, сердце не на мѣстѣ.

Аксеновъ.

Все сказывай, какъ было, по порядку!

Поспѣловъ.

Вотъ, перво-на-перво, мы духовенство
Пустили въ горницу, а тамъ, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Всѣ помолились, низко поклонились.
Князь подошелъ къ благословенью, отдалъ
Намъ всѣмъ поклонъ и началъ говорить,
Что радъ гостямъ, и что желаетъ слышать,
Какую нужду до него имѣютъ.
Тутъ всѣ заговорили. Дьякъ Василій
Большую рѣчь держалъ хитро и складно
И приводилъ слова святыхъ писаній.
Князь слезно плакалъ. Видно, что по сердцу
Ему пришелъ нашъ земскій приговоръ.
«Ступайте въ Нижній, говоритъ, скажите,
«Что я за вѣру пострадать готовъ
«До самой смерти. Только подобаетъ
«Между собою изъ людей посадскихъ
«Вамъ выбрать мужа, чтобы вмѣстѣ быть
«Намъ у великаго такого дѣла,
«Казну сбирать и ратныхъ одѣлять
«И всѣ дѣла намъ дѣлать заедино».
И стали наши князю говорить:
«Не знаемъ мы такого человѣка!»

Мининъ.

Они не знаютъ! Слышишь, Петръ Аксенычъ?

*

Меня отъ службы земской оттираютъ,
Иду въ холопы къ нимъ — не принимаютъ.

Аксеновъ.

Постой! Возьми терпѣнье! Дай дослушать!

Поспѣловъ.

А князь имъ говоритъ: «у васъ Кузьма
«Захарьевъ, Сухорукъ, то дѣло знаетъ;
«Онъ человѣкъ бывалый и служилый,
«Ему такое дѣло за обычай!
«Его просите! Буде согласится,
«И я, не мѣшкая, сбираться буду».
Насъ накормили, брагой напоили,
И съ миромъ отпустили. Вотъ и все.

Аксеновъ.

Гдѣ жъ выборные?

Поспѣловъ.

Всѣхъ оповѣщаютъ
На площади. И копится народъ,
И сходится со всѣхъ сторонъ толпами;
Хотятъ всѣмъ міромъ двинуться къ тебѣ
Просить и кланяться, Кузьма Захарычъ.

Мининъ.

Они придутъ. О Господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мнѣ сердце!
О! загради мой слухъ! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
Въ чужую волю скорыми рѣчами!
Они придутъ! *(Рѣшительно)* Ну, что жъ! Пускай!
Мы примемъ.

Аксеновъ.

Крѣпись, Кузьма!

Мининъ.

Да будетъ воля Божья!

(Входитъ Нефедъ).

Нефедъ.

Къ намъ гости, батюшко!

Мининъ.

Встрѣчай съ поклономъ!
Широко распахните ворота!
Всѣ двери отворите и зовите!

Поспѣловъ.

Теперь я лишнее бревно въ избѣ.

(Уходитъ въ боковую дверь. Входятъ: Семеновъ, выборные и народъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мининъ, Аксеновъ, Семеновъ и выборные.

Семеновъ.

Кузьма Захарьичъ! вѣдомо тебѣ,
Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
Димитрію Михайловичу въ Пурехъ
Нижегородцевъ, выборныхъ людей
Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
Да будетъ вѣдомо тебѣ, что стольникъ
Князь Дмитрій наше челобитье принялъ,
И приказалъ сказать всему народу
Нижегородскому свое рѣшенье:
Что ради вѣры пострадать готовъ
И собирается къ намъ въ Нижній на̀ — спѣхъ:
У сбора же казны и у раздачи

На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
Князь приказалъ приставить человѣка
Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ.
Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарьичъ,
Что мы, поговоривъ между собою,
Съ посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебѣ
И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

Одинъ изъ выборныхъ.

Ужь не въ первой тебѣ, Кузьма Захарьичъ,
За дѣло земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь.

(Всѣ кланяются).

Другой выборный.

Кузьма Захарьичъ! мы къ тебѣ съ поклономъ,
Съ великимъ челобитьемъ прибѣгамъ.
Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ
Тебя мы просимъ: послужи ты намъ!

(Всѣ кланяются).

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у насъ! —
Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!

(Кланяются. — Татьяна Юрьевна, Нефедъ и Поспѣловъ смотрятъ изъ боковой двери).

Мининъ.

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется).

Есть поумнѣй меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тѣхъ просите!

Голоса.

Намъ никого не надо. — Не хотимъ
Другаго! — Ты намъ любъ. — Тебя мы просимъ!

Мининъ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,
Для дѣла земскаго бросалъ заботы
Свои домашнія, семью, торговлю.
Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть
Молодшихъ братій...

Голоса.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарычъ, ты объ насъ радѣлъ.

Мининъ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,
И малое начало положили
Великому. Жалѣлъ ли я себя?
И деньги и добро принесъ я первый.
По моему-то, всѣмъ такъ подобаетъ;
А, можетъ, кто жалѣетъ. Какъ тутъ быть!
Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу
Радъ заложить; другому жаль копѣйку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грѣхъ, да брань, да уреканье!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людямъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить-то: людямъ или правдѣ?

Голоса.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарычъ!

Мининъ.

Служилъ бы правдѣ, силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.

Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пару.
Что жъ, мнѣ стоять съ ножемъ у горла, что ли?
Что было силы, послужилъ народу —
Ужь не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется).

Задніе *(переднимъ)*.

Просите! Кланяйтесь! Что такъ стоите!

Передніе (*кланяются*).

Кузьма Захарьичъ! Пожалѣй ты насъ
Мы безъ тебя — безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому,
Напортитъ только.—Гдѣ другому сдѣлать!

Мининъ.

И не просите лучше, не могу.

Выборный.

Кузьма Захарьичъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

Мининъ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).

Голоса.

Татьяна Юрьевна! ты, Петръ Аксенычъ,
Покланяйтесь да попросите съ нами!

Татьяна Юрьевна *(съ поклономъ)*.

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

Аксеновъ.

Не все жъ ему плясать по вашей дудкѣ!
Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться
Да съизнова придти, да поклониться.

(Всѣ кланяются).

Татьяна Юрьевна.

Прощенья просимъ!

Голоса.

Съ Богомъ оставаться!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мининъ, Аксеновъ, Поспѣловъ и Нефедъ *(смотрятъ въ окно)*, Татьяна Юрьевна *(у боковой двери)*.

Мининъ.

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало!
Душа моя открыта передъ Богомъ,
Я радъ служить, радъ душу положить!
Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади, между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовутъ меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижній

Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

Нефедъ.

Вернулись, батюшко.

Мининъ.

Заприте двери!

Заткните окна!

Аксеновъ.

Что ты! Богъ съ тобой!
Пусти меня, я разскажу имъ толкомъ,
Чтобъ написали земскій приговоръ.
(*Идетъ къ двери, дверь растворяется. Видна толпа*).

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, мы опять къ тебѣ.

Мининъ.

Сказалъ, что не пойду,—чего-жъ хотите!
Я и въ другой разъ то же говорю,
Придете въ третій, въ третій то же будетъ.
(*Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Аксенова.

Поспѣловъ (*у окна*).

Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ,
Какъ словно что забыли. Межь собою
Все шепчутъ что-то, плачутъ. Погляди!
Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захорьичъ!

Мининъ.

Что жъ, плачутъ! Я и самъ заплачу съ ними;

Да дѣлу-то какая польза будетъ!
Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!
Чѣмъ плакать, написали бъ приговоръ.
А и напишутъ, я сейчасъ же къ князю
Пошлю его. Нефедъ, сѣдлай коней!
И самъ сбирайся наскоро въ дорогу!
Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо къ князю въ руки передейте!
А дома-то держать боюсь, отымутъ,
Назадъ возмутъ, коль въ чемъ не угодишь.

Нефедъ.

Я мигомъ, батюшко!

(*Уходитъ*).

Поспѣловъ.

Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарычъ?

Мининъ.

Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько
Хитрить съ народомъ, кабалить его?
Кабы не Божье дѣло, приговра
Я не спросилъ бы. Я въ огонь и въ воду
По волѣ земской брошусь безъ оглядки.
И головой начальнымъ, и слугою
Готовъ служить по первому ихъ слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся и помиримся,
Другъ на другѣ обиды не считаемъ.
Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
То наше дѣло, дѣло поправное.
А это дѣло Божье, за оплошку
За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.

Привелъ Господь начать благое дѣло
И надо честно совершить его.
Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.
Мнѣ больше далъ Господь и больше спроситъ.

Поспѣловъ.

Идутъ опять и Петръ Аксенычъ съ ними,
Подъячаго ведутъ со всѣмъ припасомъ.

(*Входятъ: Аксеновъ, подъячій, выборные, народъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Аксеновъ, Подъячій, и выборные.

Одинъ изъ выборныхъ.

Вели писать, а мы впередъ согласны
На всякой твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ (*подъячему*).

Садись, пиши! (*Подъячій садится*). Всѣхъ помяни въ началѣ!
Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь.

(*Помолчавъ*).

Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти.

(*Помолчавъ*).

Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;

А животовъ не станетъ, женъ съ дѣтями
Имать у насъ и отдавать въ закладъ.

(Помолчавъ).

Готово?

Подъячій.

Написалъ.

Мининъ (*народу*).

Ну, ладно ль будетъ?

Голоса.

Пусть будетъ такъ! Прикладывайте руки!

(Прикладываютъ руки).

Мининъ.

Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ.

(Кланяется).

Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость
Змѣиную и кротость голубину.

(Нефедъ входитъ).

Одинъ изъ выборныхъ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьичъ!

(Подаетъ приговоръ).

Мининъ (*передаетъ Нефеду и Поспѣлову; они уходятъ*).

О Господи, благодарю тебя!

(Падаетъ на колѣни).

Аксеновъ.

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такого на Святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.

Прими жъ такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слыхали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей Русскою Землею!

Голоса.

Ты выборный отъ всей земли великой!

ЭПИЛОГЪ.

(ВЫХОДЪ ОПОЛЧЕНІЯ ИЗЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА).

(1612 г., мартъ).

Л И Ц А:

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ, воевода.
МИНИНЪ, выборный отъ всей земли русской.
АКСЕНОВЪ.
ПОСПѢЛОВЪ.
МАРѲА БОРИСОВНА.
ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
ЛАПША.
ЮРОДИВОЙ.
ВЕСЬ НАРОДЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ ГОРОДОВЪ.—ВОЙСКО.

(Часть Нижняго посада та же, что въ первомъ дѣйствіи).

ЯВЛЕНІЕ I.

Посадскіе; впереди Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль. Подлѣ нихъ Лапша. Толпы народа. Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.

Голоса.

Напутственный молебенъ поютъ.—Отпѣли, ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ.—Ишь ты наши нижнепосадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить.—Ужь это какъ и водится. На нижнемъ посадѣ все и дѣло-то началось, съ Гостиннаго двора пошло. Здѣсь кашу-то, заварили, а гляди, что вышло.

Аксеновъ (*Лапшѣ*).

Честь чѐстью, мы проводимъ съ хлѣбомъ съ солью
И добраго пути имъ пожелаемъ.

Лапша.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,
На Балохну, на Юрьевецъ, на Решму.

Аксеновъ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть!
Какъ есть,—рѣка польется. Ваши села
И города, что мелкіе ручьи,
Воды прикопятъ,—взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной,
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли.

Лапша.

Я съ Решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ куда чай—много было
Собрать такую силу?

Аксеновъ.

Ну, нельзя же!
Вотъ перво-на́-перво пришли Смоляне,
Потомъ изъ Дорогобужа да изъ Вязьмы.
Бродили бѣдные; вездѣ ихъ гнали;
Какъ домы-то у нихъ поразорили,
И въ Ярополчъ и въ Арзамасъ садились;
Вотъ къ намъ пришли и съ нами заедино
Хотятъ идти отмстить за кровь свою.
Потомъ Коломенцы пришли, Рязанцы,

За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли. И своихъ довольно.
Охотой шли, никакъ не остановишь!
И чудо, братъ, откуда что бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство;
Со всѣхъ сторонъ казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе нищіе пришли, босые,
Безъ одежонки; посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ,—заглядѣнье!
Повѣришь ли, коня сегодня купитъ,
Дня черезъ три его и не узнаешь;
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись;
Такъ раздобрѣетъ. Смотримъ да дивимся.
Ужь истинно, что Богъ избралъ Кузьму!
Уменъ и счастливъ, да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

Другой голосъ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

(Изъ воротъ выходятъ Марѳа Борисовна, за ней бѣжитъ Поспѣловъ. Останавливаются поодаль отъ народа, у лавки Лыткина).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Марѳа Борисовна, Поспѣловъ.

Марѳа Борисовна.

Москву увидишь, Алексѣй Михайлычъ,

И отъ меня ей земно поклонись!
Дай Богъ счастливо! Отправляйся съ Богомъ!
Объ насъ не забывай!

Поспѣловъ.

О чемъ же помнить!
Мнѣ больше не о комъ какъ о тебѣ!
Припомню все, какъ я тебя увидѣлъ,
Какъ полюбилъ,—спозналъ тоску-злодѣйку!
Какъ за тобой по улицамъ широкимъ,
По мелкимъ переулочкамъ ходилъ,
Чтобъ только въ очи заглянуть украдкой!
Припомню, какъ сидѣли, говорили!
Какъ въ липовомъ покойчикѣ твоемъ
Свѣтло и чисто, какъ въ раю небесномъ.
Припомню, какъ сулила, обѣщала
Любить меня и быть моей женой,
Какъ только время даромъ протянула,
Какъ провела меня—и обманула!
Припомню все! Суди тебя Господь!

Марѳа Борисовна.

Вернешься ты, и вся твоя невзгода
Пройдетъ, какъ сонъ. И не о чемъ жалѣть!
Настанетъ время тишины и мира
И мы съ тобой любовно заживемъ.

Поспѣловъ.

Какъ знать, что будетъ! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этомъ свѣтѣ?
А не придется, свидимся на томъ.

(*Цалуются*).

Марѳа Борисовна.

Прощай, мой милый! Зла на мнѣ не помни!
Я, не женою, матерью родной

Хатѣла бъ проводить тебя въ дорогу
Святымъ напутствіемъ, благословеньемъ.
Поди ко мнѣ, тебя я поцѣдую
Въ послѣдній разъ. Храни тебя Господь!

(*Цалуются. Постелов убьяетъ. Подходитъ Татьяна Юрьевна*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна.

Кузьма Захарьичъ только до Оки,
До переправы, воеводъ проводитъ,
Потомъ домой зайдетъ, проститься съ нами.
У насъ и столъ накрытъ. Зайди и ты!

Марѳа Борисовна.

Ужь я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
Вотъ постою съ народомъ и глазами
Своими посмотрю, какъ избавленье
Пойдетъ на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

Татьяна Юрьевна.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа
Вѣдь скучно будетъ, стану навѣщать.

(*Уходитъ*).

Голоса.

Идутъ.—Водводы идутъ!

(*Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и за ними войско*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Пожарскій и Мининъ.

Аксеновъ.

Нижегородцы Нижняго Посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ съ солью
Желаемъ проводить.

(*Подаетъ хлѣбъ-соль*).

Пожарскій.

Спасибо вамъ!

Аксеновъ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте, примите!

(*Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передастъ войску*).

Пожарскій.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

Мининъ.

Друзья Нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ! Его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,—

Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ;
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится.
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Пожарскій.

Пойдемъ-те съ Богомъ! (*Войско трогается*).

Народъ.

Прощайте, Божьи воины!—Помоги вамъ Господь!—
Вы за насъ страдальцы; а мы за васъ богомольцы!
(*Выбѣгаетъ юродивый вооруженный*).

Юродивый (*кланяясь во всѣ стороны*).

Прощайте! Прощайте.

(*Трубы, колокольный звонъ; войско, отрядъ за отрядомъ, изъ Кремля проходитъ черезъ сцену*)

ШУТНИКИ.

ШУТНИКЪ.

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ ПРОХОРОВИЧЪ ОБРОШЕНОВЪ, отставной чиновникъ.
АННА ПАВЛОВНА, 25 лѣтъ
ВѢРОЧКА, 17 лѣтъ
} дочери его.
АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ГОЛЬЦОВЪ, очень молодой человѣкъ, чиновникъ.
ФИЛИМОНЪ ПРОТАСЬИЧЪ ХРЮКОВЪ, богатой купецъ, 60 лѣтъ.
НЕДОНОСКОВЪ
НЕДОРОСТКОВЪ
} молодые люди, одѣтые по послѣдней модѣ.

Небольшой садикъ, направо крылечко и окно дома; прямо заборъ, въ немъ рядомъ съ домомъ калитка; налѣво заборъ. Подъ деревомъ круглый столъ и нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Павловна сидитъ у стола съ работой и Павелъ Прохоровичъ Оброшеновъ сходитъ съ крыльца. Въ рукахъ у него листъ бумаги и чернильница съ перомъ.

Оброшеновъ.

Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна.

Что прикажете?

Оброшеновъ.

Пиши: « въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ, о цѣнѣ узнать отъ хозяина онаго дома». Пиши крупнѣе! Что ты будешь дѣлать! Пятую записку срываютъ. Ужь теперь повыше прибью, не достанутъ. Вотъ такъ! Вотъ хорошо, разборчиво. Теперь всякій прочтетъ. Ну, а прочитаютъ, можетъ и наймутъ. Сама ты посуди, четвертый мѣсяцъ квартира пустая стоитъ; а вѣдь она шесть рублей въ мѣсяцъ ходитъ; а шесть рублей для насъ деньги. (*Подымаетъ руку съ запиской*). Если ее вотъ такъ прибить, можно будетъ прочесть?

Анна Павловна.

Можно, папенька.

Оброшеновъ.

А ты читай, читай!

Анна Павловна.

Да вѣдь я сама же и писала.

Оброшеновъ.

Нужды нѣтъ, а ты все-таки читай!

Анна Павловна (*читаетъ*).

«Въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ, о цѣнѣ узнать отъ хозяина онаго дома».

Оброшеновъ.

Ну да, отъ хозяина; хозяинъ сейчасъ покажетъ комнаты, уговоритъ, умаслитъ. Хе, хе, хе! Вотъ у насъ и наймутъ, вотъ мы и богаты. Другой, можетъ быть, давно ищетъ квартиры, ну, бѣдный человѣкъ какой нибудь ходитъ по улицамъ, ему и нужно три комнаты; а

записки на воротахъ нѣтъ, сорвана, онъ и не знаетъ, что здѣсь отдается, и идетъ мимо. Нѣтъ ужъ теперь кончено! Какъ поймаю, сейчасъ къ квартальному сведу.

Анна Павловна.

Кто же это, папенька, срываетъ?

Оброшеновъ.

Сосѣди, сосѣдскіе ребята, богатыхъ отцовъ дѣти озорничаютъ. То ли еще они дѣлаютъ! Отъ нихъ проходу нѣтъ по улицамъ: понадѣлаютъ трубокъ, черезъ заборъ на прохожихъ водой брызгаютъ; краской шляпы мажутъ; женщинамъ къ платкамъ записочки прикалываютъ. А отцы только утѣшаются на своихъ чадовъ.

Анна Павловна.

Или утѣшаются, или бьютъ, чѣмъ ни попало.

Оброшеновъ.

А поди жаловаться, надъ тобой же насмѣются. «У тебя, видно, говорятъ, такой же умъ-то, какъ у ребенка. Молъ—глупъ, ну и балуетъ; выростетъ, умнѣе будетъ, перестанетъ баловать». Только не правда это, Аннушка, не правда! Умнѣй они не бываютъ. Я сорокъ лѣтъ здѣсь живу, всѣхъ знаю; вырость — выростутъ, и рукой его не достанешь, а умъ все тотъ же. А то вотъ одному недавно сталъ жаловаться на сына; а онъ мнѣ что сказалъ! «Я, говоритъ до семи бѣдъ коплю, у меня положёное, это еще третья. Какъ семь бѣдъ сдѣлаетъ, такъ отстегаю». А другой говоритъ: «ты служилъ?» Служилъ, говорю. «Отчего жъ на тебѣ кавалеріи нѣтъ? Кабы была кавалерія, никто бъ тебя не посмѣлъ тронуть; значитъ, ты самъ виноватъ». Вотъ съ ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. «Ты говоришь, все съ претензіями, ты неспокойный сосѣдъ,

ты претендентъ!» Аннушка, какой же я претендентъ! Какой я претендентъ! Ну, и терпишь, потому что ссориться съ ними нельзя, кушать будетъ нечего. Мы отъ нихъ же крохами побираемся. Поссорься съ однимъ—съ другимъ такъ и придется зубы на полку положить. А вотъ я со всѣми въ ладу, я все больше шуточкой, шуточкой а гдѣ такъ и поклонами. Оно точно, что на тебя, какъ на шута смотрятъ, да за то кормимся.

Анна Павловна.

Папенька!

Оброшеновъ.

Что, дочка?

Анна Павловна

Неужли нельзя обойтись безъ этого?

Оброшеновъ.

Безъ чего? Безъ шутовства-то?

Анна Павловна.

Да, папенька, безъ униженія. Намъ жалко васъ.

Оброшеновъ.

Не жалко вамъ, а стыдно за меня, стыдно, вотъ что. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

Анна Павловна.

Вы, папенька, въ такихъ лѣтахъ! Мы васъ такъ любимъ. Намъ съ сестрой хотѣлось бы, чтобы васъ всѣ уважали.

Оброшеновъ.

Мало ль чего нѣтъ! Гдѣ ужь намъ! Какое уваженіе! Были бы сыты, и то слава Богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

Анна Павловна.

А каково смотрѣть-то на васъ!

Оброшеновъ.

Ну, что-жъ дѣлать-то! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты, можетъ, думаешь, что я всегда такой былъ? Ну, нѣтъ, братъ. Съ молоду я самъ былъ гордъ. Какъ еще гордъ-то, Аннушка! Ужасъ, какъ гордъ. Какъ женился я на вашей матери, да взялъ вотъ этотъ домишко въ приданое, такъ думалъ, что богаче да лучше меня и людей нѣтъ. Фертомъ ходилъ! Ну, а тамъ пошли дѣти, ты вотъ родилась, доходовъ стало не доставать, надобно было постороннюю работишку искать; тутъ мнѣ форсъ-то и сбили. Съ разу, Аннушка, сбили. Первое дѣло я сдѣлалъ нашему сосѣду, и дѣло-то небольшое: опеку ему неподходящую дали, надо было ее съ рукъ сбыть. Обдѣлалъ я ему это дѣло, позвалъ онъ меня да еще секретаря съ чиновниками изъ суда въ трактиръ обѣдомъ угощать. И какой чудакъ, право, вѣдь чудакъ! Сидитъ, ничего не говоритъ, весь обѣдъ молчалъ; только посидитъ—посидитъ, да всей пятерней меня по волосамъ и по лицу и проведетъ. Ахъ ты, батюшки мои! Что ты будешь съ нимъ дѣлать? Я было въ амбицію. Только тутъ одинъ чиновникъ, постарше, мнѣ и говоритъ: ты обидѣться не вздумай! Ни копѣйки не получишь: онъ не любитъ, когда обижаются. Нечего дѣлать, стерпѣлъ:—ну и принесъ женѣ три золотыхъ; а не стерпи я, такъ больше пяти рублей ассигнаціями бы не далъ. Много я послѣ съ него денегъ перебралъ. Вотъ такъ-то меня съ разу и озадачили. Ну, а потомъ, какъ пошелъ я по дѣламъ ходить, спознался съ богатыми купцами, тамъ ужъ всякая амбиція пропала. Тому такъ потрафляй, другому этакъ. Тотъ тебѣ рыло сажей мажетъ, другой плясать заставляетъ, третій въ

пуху всего вываляетъ. Сначала самому не сладко было, а тамъ и привыкъ и самъ сталъ паясничать и людей стыдиться пересталъ. Изломался, исковеркался, исказилъ себя всего; и рожа-то какая-то обезьянья сдѣлалась.

Анна Павловна.

Ахъ, папенька!

Оброшеновъ.

Что «папенька»! А ты, дочка, не суди! Вотъ кабы я паясничалъ да пропивалъ деньги-то, вотъ тогда бы я былъ виноватъ. А то я деньги-то домой носилъ, всѣ до копѣечки. Дѣловаго народу, ученаго тогда меньше было, нашъ братъ, горемыка-подъячій, былъ въ ходу, деньги такъ и огребали. Много ли я тогда получалъ, знаешь ли? Тысячъ шесть ассигнаціями. Ого-го-го! Вотъ оно что! И теперь еще всѣ говорятъ, что у меня много денегъ, что я ихъ спряталъ. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай былъ. На сторонѣ, въ людяхъ я шутъ, я паяцъ; а ты меня дома посмотри! Тутъ я отецъ семейства, жену мою всѣ уважали, дѣти—ангелы. Эка важность, что меня шутомъ зовутъ! Ты и не жалѣй меня, Аннушка! Я таковской! Что я такое? Дряхлой старичишко, никуда негодящій! Пускай смѣются, коли имъ нравится, мнѣ все равно. Они смѣются, а я какъ птица въ гнѣздо таскаю, прибираю свое гнѣздышко да дѣтей кормлю. Для меня только ты да Вѣрочка на свѣтѣ и людей-то, больше я и знать никого не хочу.

Анна Павловна.

Мы оба съ вами, папенька, для одной Вѣрочки живемъ.

Оброшеновъ.

Избаловали мы ее съ тобой. Хе-хе-хе! Вотъ теперь и няньчись съ ней!

Анна Павловна.

Да какъ же не баловать-то ее! Она такая милочка. Кого же намъ съ вами и любить-то, какъ не ее? больше некого. А вѣдь кого нибудь надо любить, безъ этого жить нельзя.

Оброшеновъ.

Ну да, само собой. *(Дѣлаетъ серьезную мину).* А что ты скажешь на счетъ жениха? То есть на счетъ Саши?

Анна Павловна.

Кажется, хорошъ.

Оброшеновъ.

Хорошъ, хорошъ. Это я самъ нашелъ. Ну ужь, и хлопотъ было. Трудно нынѣче хорошаго-то найти. А ей нравится?

Анна Павловна.

Вѣдь она еще ребенокъ. Кто же ее знаетъ; кажется, нравится.

Оброшеновъ (*таинственно*).

Хожу я это по судамъ-то, приглядываю; ходилъ долго; вдругъ вижу, мальчикъ такой смирный сидитъ. Я стороной узнавать. Говорятъ, сирота; поведенія, сказываютъ, хорошаго, воспитывался у матери въ строгости; съ приказными не водится, по трактирамъ не ходитъ. Его-то, молъ, намъ и нужно. Познакомился, да вотъ дѣло и вышло. Вѣдь хорошъ?

Анна Павловна.

Хорошъ, папенька.

Оброшеновъ (*таинственно*).

Рукй просилъ третьяго дня. Я было отнѣкиваться

сталъ—нарочно;—такъ въ слезы: умираю, говоритъ, отъ любви.

Анна Павловна.

Что же вы?

Оброшеновъ.

Ну, я и радъ; велѣлъ съ Вѣрочкой поговорить. О приданомъ не заикается. Денегъ бы, говоритъ, нужно мнѣ рублей триста. Ну, денегъ, говорю, не припасено для тебя. Домъ, говорю, вамъ купилъ въ двѣ тысячи, вотъ и будетъ съ тебя, а денегъ ни копѣйки. А я и домъ-то, Аннушка, нарочно купить поторопился; не хватало денегъ, такъ призанялъ; потому деньги они могутъ истратить, люди еще молодые; а домъ-то имъ на всю жизнь. Очень приставалъ объ деньгахъ: я, говоритъ, вамъ послѣ отдамъ; ну, да нѣтъ, такъ гдѣ же взять? Самому до крайности нужны, да нѣтъ, и занять не у кого. Я понимаю, на что ему нужно деньги. Ему на свадьбу, передъ товарищами хочетъ себя показать. Такъ нѣтъ, братъ, шалишь! На мотовство денегъ, хоть бы и были, такъ не дамъ. Намъ пышности не нужно: чѣмъ скромнѣе, тѣмъ лучше. Коли понадобится что къ свадьбѣ, такъ, говорю, у казначея впередъ возьми, — не откажетъ. Говорилъ онъ съ Вѣрочкой, или нѣтъ?

Анна Павловна.

Нѣтъ еще.

Оброшеновъ.

Такъ сегодня скажетъ. Да неужто она спитъ до сихъ поръ?

Анна Павловна.

Нѣтъ, должно быть, встала.

Оброшеновъ (*у окна*).

Вѣрочка! (*Голосъ Вѣрочки за сценой:* «*Сейчасъ, па-*

паша! Я одѣваюсь»). Ну какъ же, есть мнѣ время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце! (*Вѣрочка выглядываетъ изъ окна, онъ ее цѣлуетъ*). Не спи долго, жениха проспишь! (*Идетъ къ калиткѣ и читаетъ*): «Въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ». (*Входитъ Гольцовъ*). А, Саша, здраствуй! Вѣрочка! Саша пришелъ! (*Уходитъ. Вѣрочка за сценой: «Подождетъ, я еще не причесана*»).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Павловна и Гольцовъ.

Анна Павловна.

Садитесь! (*Гольцовъ садится*). Что вы скучной такой?

Гольцовъ.

Дѣла плохи-съ.

Анна Павловна.

Стыдитесь! Развѣ женихи скучаютъ?

Гольцовъ.

А вы ужь знаете?

Анна Павловна.

Сейчасъ папенька сказывалъ.

Гольцовъ.

Онъ-то меня обнадежилъ; не знаю, какъ Вѣра Павловна!

Анна Павловна.

Это вы ее-то боитесь?

Гольцовъ.

Не то, что боюсь, а какъ-то робко. Ну, какъ Вѣра Павловна мнѣ откажетъ!

Анна Павловна.

Быть не можетъ.

Гольцовъ.

Дай-то Богъ! Смѣлости у меня нѣтъ, боюсь съ барышнями разговаривать, очень я неловокъ.

Анна Павловна.

Вѣдь разговариваете же вы?

Гольцовъ.

О пустякахъ разговариваю; а какъ сказать, что влюбленъ?

Анна Павловна.

Ничего, не робѣйте! Это не такъ страшно, какъ кажется. Только и горя у васъ?

Гольцовъ.

Нѣтъ-съ. Никакъ не могу денегъ достать, а мнѣ очень нужно.

Анна Павловна.

На что вамъ?

Гольцовъ.

Этого я не могу вамъ сказать-съ; а только до зарѣзу нужны, хоть живой въ гробъ ложись.

Анна Павловна.

Живете вы аккуратно...

Гольцовъ.

Очень аккуратно-съ, и въ трактиръ никогда не хожу.

Анна Павловна.

Много ли вы въ годъ жалованья получаете?

Гольцовъ.

Ужь теперь полные триста рублей получаю.

Анна Павловна.

Чего жъ вамъ еще?

Гольцовъ.

Не сталъ бы я напрасно говорить-съ. Ей Богу нужно-съ, а достать негдѣ.

Анна Павловна.

У насъ теперь то же нѣтъ; мы сами нуждаемся.

Гольцовъ.

Да вѣрно ли это-съ?

Анна Павловна.

Что вѣрно ли?

Гольцовъ.

Что у Павла Прохорыча денегъ нѣтъ? Мнѣ всѣ говорятъ, что у него денегъ много, только онъ скупится, дать не хочетъ. А кабы онъ зналъ, какая мнѣ надобность!

Анна Павловна.

Какъ же вы можете сомнѣваться? Неужели мы васъ станемъ обманывать!

Гольцовъ.

Вы меня извините-съ! Есть у меня одинъ случай, да не знаю, удастся ли. Тутъ, по сосѣдству у васъ, живутъ два молодые человѣка, очень богатые, они родственники. Недоносковъ и Недоростковъ.

Анна Павловна.

Знаю.

Гольцовъ.

Обѣщали дать денегъ-съ. Велѣли сегодня къ нимъ завтракать приходить.

Анна Павловна.

Вотъ и подите!

Гольцовъ.

Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вѣрнѣе, что отъ нихъ ничего не получишь. Что тогда дѣлать! Куда мнѣ дѣваться! Анна Павловна, скажите мнѣ по совѣсти, какъ передъ Богомъ, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнѣніе беретъ.

Анна Павловна.

Какъ вамъ не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Гольцовъ (*закрывая лицо руками*).

Ахъ, Боже мой!

Анна Павловна.

Что вы? Ужь не плачете ли?

Гольцовъ.

Кабы вы знали, что у меня на душѣ! (*Входитъ Вѣрочка и закрываетъ ему глаза*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Павловна, Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Ахъ, Вѣра Павловна, это вы-съ! (*Вѣрочка опускаетъ руки*). Я и не слыхалъ, какъ вы вошли? (*Цѣлуетъ руку*).

Вѣрочка (*цѣлуя сестру*).

Что вы оба такіе сердитые? Поссорились что ли?

Анна Павловна.

Какія ты глупости, душенька, говоришь! Изъ чего намъ ссориться?

Вѣрочка (*Гольцову*).

Зачѣмъ вы такъ рано приходите? Не смѣйте такъ рано приходить!

Гольцовъ.

А вы зачѣмъ такъ долго спите?

Вѣрочка.

Отъ того долго, что я очень люблю спать. Когда спишь, все лучше, а проснешься, все хуже.

Анна Павловна.

Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

Вѣрочка.

Отчего же нельзя? Такъ бы всѣ спали, всякій бы видѣлъ во снѣ, что ему хочется, всѣ бы были счастливы.

Анна Павловна.

Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что нибудь.

Вѣрочка.

Ничего бы этого не нужно?

Анна Павловна.

А чтожъ тебѣ нужно.

Вѣрочка.

А вотъ что: чтобы всѣ, кто кого любитъ, всегда были вмѣстѣ. Вотъ бы я, папаша, ты, Александръ Петровичъ, всегда бы и сидѣли вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

Анна Павловна.

Не много же тебѣ нужно.

Гольцовъ.

А развѣ вы меня любите?

Вѣрочка.

Васъ? Да. Будто вы не знаете?

Анна Павловна.

Почемъ же ему знать?

Вѣрочка.

Развѣ я вамъ не говорила? Такъ я вамъ скажу: я васъ очень, очень люблю.

Анна Павловна.

Какія ты глупости говоришь!

Вѣрочка.

Совсѣмъ не глупости. Какъ васъ ваша маменька называла?

Гольцовъ.

Саша.

Вѣрочка (*шопотомъ*).

Саша, Саша! (*Громко*) Саша!

Гольцовъ.

Что вамъ угодно?

Вѣрочка (*смѣется*).

Нѣтъ, это я не васъ. Я васъ не могу такъ называть. Это я про себя. А вы меня любите?

Анна Павловна.

Скажите, что нѣтъ.

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я буду лгать? ужь я лучше имъ правду скажу.

Анна Павловна.

Да развѣ съ ней можно серьезно разговаривать? А впрочемъ, говорите, пожалуй.

Вѣрочка.

Отчего же со мной серьезно нельзя разговаривать? Нѣтъ, вы говорите со мной серьезно! Я умѣю и серьезно разговаривать.

Гольцовъ.

Я васъ тоже очень люблю-съ, и ужь говорилъ объ томъ вашему папенькѣ и сестрицѣ, теперь остается только вамъ сказать.

Вѣрочка.

Папашѣ говорили и сестрѣ говорили, теперь мнѣ говорите!

Гольцовъ.

Да-съ, я и желаю съ вами говорить! Я просилъ у папаши руки вашей, онъ мнѣ велѣлъ къ вамъ обратиться.

Вѣрочка.

Какъ? Что такое?

Гольцовъ.

Руки вашей прошу-съ.

Вѣрочка (*задумчиво*).

Нѣтъ, не надо.

Анна Павловна.

Ну, вотъ видите!

Гольцовъ.

Зачѣмъ же вы, Вѣра Павловна, хотите меня сдѣлать несчастнымъ?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ вы были несчастны.

Гольцовъ.

Такъ отчего же вы не хотите идти за меня?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не пойду. Вотъ еще! Зачѣмъ

замужъ идти? Я не хочу. Вы лучше такъ просто къ намъ приходите каждый день.

Анна Павловна.

Вотъ и толкуйте съ ней. *(Уходя)* Не слушайте ее, она вздоръ говоритъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Можетъ быть, вы не вѣрите любви моей?

Вѣрочка.

Нѣтъ, вѣрю.

Гольцовъ.

Или я самъ вамъ не нравлюсь?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нравитесь.

Гольцовъ.

Такъ отчего же вы не хотите меня осчастливить?

Вѣрочка.

Оттого, что не хочу.

Гольцовъ.

Ну, Богъ съ вами! *(Отходитъ къ сторонѣ).*

Вѣрочка *(про себя).*

Саша! Саша!

Гольцовъ.

Вы смѣетесь?

Вѣрочка.

И не думала смѣяться. Подите сюда! Что я вамъ скажу!

Гольцовъ.

Что вамъ угодно?

Вѣрочка.

Садитесь подлѣ меня.

Гольцовъ.

Извольте. *(Садится)*.

Вѣрочка

Если я соглашусь за васъ идти замужъ, тогда вы будете моимъ женихомъ?

Гольцовъ.

Да-съ, сначала женихомъ, а потомъ мужемъ.

Вѣрочка.

Когда вы будете женихомъ, вы будете къ намъ каждый день ходить?

Гольцовъ.

Каждый день-съ.

Вѣрочка.

Что же вы будете дѣлать?

Гольцовъ.

То же, что и теперь-съ.

Вѣрочка.

То же, что и теперь?

Гольцовъ.

Только тогда мы будемъ короче знакомы, я буду называть васъ Вѣрочкой.

Вѣрочка.

А еще что?

Гольцовъ *(смѣясь)*.

Цѣловать васъ буду-съ.

Вѣрочка.

Какъ цѣловать?

Гольцовъ.

Какъ? Извѣстно, какъ-съ. Приду и скажу: здравствуй, Вѣрочка! И поцѣлую.

Вѣрочка.

Какъ?

Гольцовъ.

Да какъ же, право-съ! (*Конфузясь*). Вотъ такъ-съ! (*Цѣлуетъ ее*).

Вѣрочка (*помолчавъ*).

А говорить что будете?

Гольцовъ.

Буду называть васъ ангеломъ, милочкой. Будемъ сидѣть, обнявшись.

Вѣрочка.

Какъ?

Гольцовъ

Какія вы-съ! (*Обнимаетъ ее*). Душенька моя, Вѣрочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалѣю.

Вѣрочка.

И мы всегда будемъ такъ?

Гольцовъ.

Всегда-съ.

Вѣрочка.

Всю жизнь?

Гольцовъ.

Всю жизнь-съ.

Вѣрочка (*съ легкимъ присутствіемъ слезъ въ голосѣ*).

Правду вы говорите?

Гольцовъ.

Какъ передъ Богомъ-съ! Повѣрьте душѣ моей!

Вѣрочка (*нѣсколько времени молчитъ, потомъ обнимаетъ и цѣлуетъ Гольцова*).

Саша, я хочу быть твоей женой!

Гольцовъ (*цѣлуя руку*).

Благодарю васъ, Вѣра Павловна!

Вѣрочка.

Нѣтъ, не Вѣра Павловна, а Вѣрочка.

Гольцовъ.

Ну, хорошо, Вѣрочка! Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ! А потомъ ты не скажешь, что не хочу замужъ идти?

Вѣрочка.

Нѣтъ, никогда теперь не скажу, никогда.

Гольцовъ.

Ну, Вѣрочка, надо папенькѣ сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставлю на минуту. У меня еще дѣло есть. Я скоро приду. Прощай, Вѣрочка! (*Цѣлуетъ ее*).

Вѣрочка.

Прощай, Саша! (*Входитъ Анна Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гольцовъ, Вѣрочка и Анна Павловна.

Анна Павловна.

Что она, все еще упрямится?

Гольцовъ.

Нѣтъ-съ, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцѣловать! (*Цѣлуетъ руку*). Теперь мы скоро родные будемъ-съ. Я, Анна Павловна, пойду, куда го-

ворилъ-съ! Если бы еще это удалось, я бы сегодня былъ совершенно счастливъ-съ.

Анна Павловна.

Ну, дай Богъ вамъ успѣха. Прощайте!

Вѣрочка.

Прощай, Саша! *(Цѣлуетъ Гольцова; онъ уходитъ).*

Анна Павловна.

Вѣрочка! Вѣрочка! Это что еще за новости! Что-то скоро, моя милая!

Вѣрочка.

Я всегда его буду Сашей звать и цѣловать.

Анна Павловна.

Понравилось?

Вѣрочка.

Да, понравилось.

Анна Павловна.

Вѣрочка, слушай, душа моя! Согласись сама, вѣдь это неловко.

Вѣрочка.

Нѣтъ, очень ловко. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ очень ловко. (*Уходитъ*).

Анна Павловна (*вслѣдъ ей*).

При мнѣ-то нужды нѣтъ; только ты при чужихъ людяхъ не вздумай! *(Входитъ Хрюковъ. Анна Павловна кланяется ему).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Павловна и Хрюковъ.

Хрюковъ.

А крыса приказная дома, аль нѣтъ?

Анна Павловна.

Папенька, должно быть, въ комнатѣ. Я позову его.

Хрюковъ (*садясь*).

Мнѣ вѣдь не родить: я и подождать могу. А, можетъ, тебѣ моя компанія не нравится? Ну, ужь позови отца, коль тебѣ противно со мной сидѣть!

Анна Павловна.

Нисколько не противно.

Хрюковъ.

Развѣ я не вижу, что ты носъ-то отворачиваешь? Не красавецъ я, это что говорить!

Анна Павловна.

Мнѣ рѣшительно все равно.

Хрюковъ.

Я вотъ прожилъ вѣкъ и безъ красоты, стало быть, безъ нея обойтись можно. Какъ ты объ этомъ думаешь? А на счетъ того, что ежели полюбить меня, такъ это только стоитъ мнѣ захотѣть. За тѣмъ только и дѣло стало, чтобъ мнѣ захотѣть. Вотъ и все!

Анна Павловна.

Не понимаю я васъ.

Хрюковъ.

Я не маленькой, вашу братью хорошо раскусилъ; знаю, что вамъ нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человѣкъ дорогой, когда захочу мошной тряхнуть. Меня въ тѣ-поры ничто не удержитъ, ни на кого не посмотрю. Про меня говорятъ, что я скупъ; такъ это врутъ. Я для себя, для своего удовольствія, денегъ не жалѣлъ. Да ежели и теперь какая блажь въ

голову придетъ, тоже не пожалѣю *(молчаніе)*. Я молодца тутъ встрѣтилъ, у воротъ; у васъ что ль былъ?

Анна Павловна.

У насъ.

Хрюковъ *(строго)*.

А зачѣмъ онъ у васъ былъ?

Анна Павловна.

Онъ Вѣрочкинъ женихъ.

Хрюковъ.

Писарекъ должно быть изъ суда, какой нибудь плохенькой? По обличью-то показываетъ. Такъ что ли?

Анна Павловна.

Да, онъ служитъ.

Хрюковъ.

Ну ужь, я сейчасъ вижу, что за птица. Парнишко изъ себя не видный, гляди не каждый день до сыта и ѣстъ-то.

Анна Павловна.

Молодъ еще очень.

Хрюковъ.

Голь, надо полагать, непокрытая. Грабить еще не знаетъ какъ. Гдѣ ему знать, какъ грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знаетъ.

Анна Павловна.

Зачѣмъ ему грабить? Онъ жалованье получаетъ.

Хрюковъ.

А много ли?

Анна Павловна.

Триста рублей. Да мы за Вѣрочкой домъ даемъ. Жить можно будетъ. Вотъ только бы ему теперь къ свадьбѣ очень нужно деньжонокъ.

Хрюковъ.

А сколько?

Анна Павловна.

Только триста рублей.

Хрюковъ.

Только! Шутила ты что ли! Триста рублей! Вѣдь это по старому счету тысяча съ лишкомъ.

Анна Павловна.

Конечно, у кого нѣтъ, тому и рубль дорогъ; а все таки, по нынѣшнему времени, триста рублей не большія деньги.

Хрюковъ.

А ты попробуй-ка ихъ достать; такъ вотъ тогда и узнаешь, велики ли деньги. Вотъ пусть онъ, женихъто вашъ, сунется къ кому нибудь просить: тогда и увидишь, что ему скажутъ.

Анна Павловна.

Вѣдь ему нужда крайняя. Еслибъ у меня были деньги, я, кажется, сейчасъ бы всѣ отдала.

Хрюковъ.

Какъ нѣтъ-то денегъ, такъ всѣ такъ разсуждаютъ.

Анна Павловна.

А еслибъ мы у васъ попросили? Что для васъ значатъ триста рублей.

Хрюковъ.

Можетъ, для меня и триста тысячъ ничего не значатъ; а все-таки я не дамъ. Взаймы я не даю; на это есть процентщики. Тому принеси вѣрный залогъ, такъ, сколько хочешь, денегъ дастъ. А ежели дать такъ, на бѣдность, такъ по триста рублей я тоже не подаю.

Рубля три дамъ къ празднику, къ большому. Вѣдь, ишь ты, каторжный народъ какой! Жалованья грошъ, деньжонокъ своихъ нѣтъ, а онъ жениться, да на бѣдность побираться! Точно для него такъ у всякаго деньги и приготовлены. Пожалуйте, молъ, берите! Не нужно ли вамъ еще чего нибудь? Оглашенные, право, оглашенные!

Анна Павловна.

Ему обѣщали дать.

Хрюковъ.

Какъ же, дадутъ! Держи карманъ-то! Обыкновенно посмѣяться хотятъ, насмѣшку сдѣлать.

Анна Павловна.

Что же тутъ смѣшнаго?

Хрюковъ.

Да какъ же не смѣшно! Человѣкъ бѣгаетъ по улицамъ, ищетъ триста рублей! Самому-то цѣна грошъ, а онъ воображаетъ, что ему кто нибудь триста рублей повѣритъ. Какъ тутъ не смѣяться! Это ужасно смѣшно! «Дайте триста рублей!» А самъ-то ты много ли стоишь? Ничего! Вотъ увидишь, что надъ нимъ шутку какую нибудь сдѣлаютъ. Ужь очень способно, самъ лѣзетъ.

Анна Павловна.

Какую же шутку?

Хрюковъ.

Дуракомъ поставятъ! Да и за дѣло! Не будь глупъ, не смѣши людей.

Анна Павловна.

Онъ, коли займетъ, такъ отдастъ непремѣнно.

Хрюковъ.

Да, можетъ, и отдастъ; да кто-жъ повѣритъ, что онъ отдастъ. А вѣдь я было подумалъ, что онъ къ тебѣ ходитъ.

Анна Павловна.

Зачѣмъ ко мнѣ?

Хрюковъ.

Зачѣмъ? Кто тебя знаетъ! Я думалъ, ужь не ты ль хочешь замужъ идти, аль, можетъ, такъ по душѣ пришелся.

Анна Павловна.

Я замужъ не пойду.

Хрюковъ *(подходитъ къ ней)*.

Не пойдешь? Что ты?

Анна Павловна.

Нѣтъ, не пойду. Во первыхъ, ужь я въ лѣтахъ; во вторыхъ, папеньку не захочу одного оставить. Вѣрочка выйдетъ замужъ, переѣдетъ отъ насъ, съ кѣмъ же папенька останется?

Хрюковъ.

Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошаго! Грѣхъ будетъ, грѣхъ! И живите тутъ скромненько, солидно.

Анна Павловна.

Я и всегда такъ живу.

Хрюковъ.

Ну, и умница, умница! *(Гладитъ ее по головѣ)*. И чтобъ не ходилъ къ вамъ никто, особенно молодые люди; чтобъ разговору не было!

Анна Павловна.

Какой можетъ быть про меня разговоръ!

Хрюковъ.

Ну да, ты скромная, умная дѣвушка! Нѣшто я не вижу! А все-таки лучше. Нѣтъ, ты не ходи замужъ, не ходи! Такъ лучше проживешь, я тебѣ говорю. А денегъ, что ты говорила, я дамъ. Отцу не дамъ и жениху не дамъ, тебѣ дамъ. Никому не дамъ, а тебѣ дамъ, въ твои руки. Что хочешь, то и дѣлай съ ними. Я завтра зайду поговорить съ тобой. Ну, вотъ и понимай, какъ хочешь! *(Входитъ Оброшеновъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Павловна, Хрюковъ и Оброшеновъ.

Хрюковъ.

Эй, ты, приказная строка! Мнѣ тебя нужно, братъ.

Оброшеновъ.

Что нужно, батюшка Филимонъ Протасьичъ? Батюшка, что нужно? приказывайте!

Хрюковъ.

Да ты полно по сорочьи-то разговаривать! Дѣло есть.

Оброшеновъ.

Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Хрюковъ.

Ты гдѣ пропадалъ? А вотъ теперь, видишь ты, мнѣ некогда съ тобой разговаривать. Ты забѣги какъ нибудь!

Оброшеновъ.

Вы только вздумайте дома: «вотъ кабы Павелъ Прохоровъ пришелъ!» И посылать не надо. Вы только вздумасте, а я тутъ, тутъ, тутъ.

Хрюковъ.

Ахъ ты, тетеревъ лохматый! Посмотри-ка въ калитку, нѣтъ ли кого на улицѣ?

Оброшеновъ.

Зачѣмъ, батюшка, родной ты мой?

Хрюковъ.

Зачѣмъ? Ахъ ты голова съ мозгомъ! А затѣмъ вотъ, чтобъ не видали, что я у тебя былъ.

Оброшеновъ.

Отецъ и благодѣтель! Да чтожъ я, прокаженный что-ли какой?

Хрюковъ.

Эхъ! До старости ты, братъ, дожилъ, а ума не нажилъ. Неужели кто подумаетъ, что я къ тебѣ хожу! Зачѣмъ я къ тебѣ пойду, какія такія у насъ дѣла съ тобой! Нужно мнѣ тебя, такъ только свиснуть стоитъ, ты и прибѣжишь, какъ угорѣлый. Всякій это понимаетъ. Вонъ что подумаютъ!—видишь? *(Показываетъ на дочь)*. Скажутъ: «старый шутъ любовницу завелъ». А у насъ народъ какой? Сейчасъ на смѣхъ подымутъ. А для меня это мораль.

Оброшеновъ.

Шутникъ, шутникъ, шутникъ! Я не сержусь. *(Дочери)*: И ты не сердись! Шутникъ, шутникъ! *(Отворяетъ калитку)*. Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ? Ни души не видно.

Хрюковъ.

Ну, прощайте! *(Идетъ къ калиткѣ)*.

Анна Павловна.

Прощайте!

*

Оброшеновъ (*на ухо Хрюкову*).

Кукареку!

Хрюковъ.

Ахъ, ты! Провалиться тебѣ! Испугалъ какъ! Отецъ-то у тебя шутъ съ гороху! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Павловна и Оброшеновъ.

Анна Павловна.

Лучше бъ онъ къ намъ не ходилъ.

Оброшеновъ.

Что ты, что ты, Богъ съ тобой! Онъ благодѣтель, кормилецъ нашъ. Случится, деньги всѣ подойдутъ, взять негдѣ, а это съ нами часто бываетъ, я сейчасъ къ нему, какъ въ свой карманъ. Конечно, я ему послѣ заработаю; да гдѣ-жъ ты теперь такихъ людей найдешь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочамъ-то забралъ? То-то оно и есть!

Анна Павловна.

Отчего же онъ со мной такъ дурно обращается?

Оброшеновъ.

Отчего? Отъ того, что благодѣтель всему семейству. Какъ ты не понимаешь! А ты смѣйся! Вотъ какъ я. Онъ тебѣ скажетъ что-нибудь, а ты: хи-хи-хи да ха-ха-ха! Оно все легче, не такъ обидно.

Анна Павловна.

Папенька, мнѣ что-то странно: онъ мнѣ денегъ предлагалъ.

Оброшеновъ.

Какихъ денегъ?

Анна Павловна.

Давеча Александръ Петровичъ говорилъ, что ему необходимо нужно денегъ. Я проговорилась при Хрюковѣ; онъ обѣщалъ дать мнѣ: отцу, говоритъ, не дамъ, а тебѣ дамъ.

Оброшеновъ.

Гм... Нѣтъ, братъ, лучше не бери!

Анна Павловна.

Я и не возьму.

Оброшеновъ.

Они денегъ-то дадутъ, да потомъ не радъ будешь жизни, что взялъ у нихъ. Эхъ, благодѣтели, благодѣтели! А все-таки безъ нихъ намъ жить нельзя на свѣтѣ. Ужъ разумѣется, еслибъ я былъ съ состояніемъ, я бъ этого благодѣтеля къ себѣ на порогъ не пустилъ. Однако пойти къ нему; что ему тамъ надо. Фракъ надѣну для учтивости; вотъ—моль какъ тебя уважаютъ. *(Уходитъ въ домъ. Въ калитку входятъ: Гольцовъ, выпивши; Недоносковъ и Недоростковъ, заглянувъ въ калитку и видя, что никого нѣтъ, входятъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гольцовъ, Недоносковъ и Недоростковъ.

Недоносковъ.

Ты, Саша, не робь!

Недоростковъ.

Валяй, значитъ, да и кончено дѣло!

Гольцовъ.

Я робѣю? Никогда. Я сейчасъ ему все...

Недоносковъ.

Что тебѣ занимать? Вѣдь отдавать надо будетъ.

Недоростковъ.

Мы бы дали, слова не сказали; да зачѣмъ у чужихъ, когда у него много?

Недоносковъ.

Онъ тебя надуть хотѣлъ.

Недоростковъ.

Да не на того напалъ. Ты вѣдь, Саша, голова!

Недоносковъ.

Еще бы Сашу-то обмануть! Да тотъ трехъ дней не проживетъ, кто его обманетъ.

Недоростковъ.

Сашка плутъ!

Гольцовъ.

Нѣтъ ужь меня не надуешь! Шалишь!

Недоносковъ.

Онъ видитъ, что ты влюбленъ, ну и прижимаетъ.

Недоростковъ.

Онъ воображаетъ, что на дурака напалъ.

Недоносковъ.

Ты ему прямо: давай-молъ денегъ; а то такъ и не надо. У него денегъ много, онъ самъ сказывалъ.

Недоростковъ.

У меня-молъ другая невѣста есть, и шабашъ.

Гольцовъ.

Да, ишь вы разгулялись! Чтобъ я Вѣрочку-то оставилъ? Да никогда!

Недоносковъ.

Да что—Вѣрочка, Вѣрочка! Ты поѣдемъ съ нами; мы тебѣ такую невѣсту, значитъ, покажемъ... на рѣдкость.

Гольцовъ.

Не поѣду.

Недоростковъ.

Съѣдятъ чтоль тебя? Ты погляди только! Примутъ какъ! Первый сортъ.

Гольцовъ.

Да ну, хорошо.

Недоносковъ.

А ты, Сашка, бѣдовый!

Недоростковъ.

Ужь я тебѣ говорилъ, что парень—нашего поля ягода. Ты скорѣе, мы ждемъ.

Недоносковъ.

Еще бъ ему стаканчикъ!

Недоростковъ.

Нѣтъ, въ самую припорцію. У меня на это размѣръ вѣрный: въ самый разъ. *(Уходятъ).*

Гольцовъ.

Онъ думаетъ, что я влюбленъ, а какъ же мнѣ? У меня такая крайность!... Гдѣ жъ я?... Я не могу. *(Входятъ: Оброшеновъ и Анна Павловна).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Гольцовъ, Оброшеновъ и Анна Павловна.

Оброшеновъ.

А, Саша, другъ любезный, ты здѣсь?

Гольцовъ.

Я за деньгами.

Оброшеновъ.

Что?

Гольцовъ.

За деньгами.

Оброшеновъ.

За какими деньгами?

Гольцовъ.

Какія деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшеновъ.

Что?

Гольцовъ.

Триста рублей.

Анна Павловна.

Молчите! Что вы! Завтра я вамъ, можетъ быть, денегъ достану; а теперь ступайте домой!

Гольцовъ.

Завтра! Значитъ правда, что у васъ есть деньги. Завтра! Нѣтъ, это дудки!

Анна Павловна.

Перестаньте! Ступайте домой!

Гольцовъ.

Оставьте, пожалуйста, я съ вами не разговариваю.

Анна Павловна.

Папенька, что съ нимъ сдѣлалось?

Оброшеновъ.

Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякія шутки прочь! Ты еще молодъ, молодъ, любезный!

Гольцовъ.

Да-съ, обмануть хотѣли. Онъ влюбленъ... безъ денегъ возьметъ, а у васъ денегъ много... Пожалуйте денегъ, а не то...

Оброшеновъ.

А то что? Ну, что, говори?

Гольцовъ.

Не надо ничего... вотъ и все...

Оброшеновъ.

А кто плакалъ вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, руки мои цѣловалъ, чтобъ я Вѣрочку отдалъ? А теперь не надо?

Анна Павловна.

Папенька, потише; а то Вѣрочка услышитъ.

Оброшеновъ.

Что я тебѣ говорилъ? Что я тебѣ говорилъ? Что ты молодъ, не умѣешь на свѣтѣ жить. Вотъ такъ оно и вышло. Еще ничего не видя, ты пьяный въ домъ лѣзешь да шумишь тутъ! Что же это ты дѣлаешь съ своей головой?

Гольцовъ.

Что вы съ моей головой дѣлаете? Мнѣ теперь либо повѣситься, либо.... другую искать съ деньгами. (*Вѣрочка сходитъ съ крыльца*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Оброшеновъ, Анна Павловна, Гольцовъ и Вѣрочка.

Оброшеновъ.

Хорошо, Саша, хорошо! Ну, Богъ съ тобой! Намъ, братъ, денегъ взять больше негдѣ.

Гольцовъ.

Павелъ Прохорычъ, дайте денегъ, не скупитесь..: а то смотрите: мнѣ сватаютъ.

Вѣрочка.

Я сама не пойду за него ни за что на свѣтѣ! Папаша, я съ тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Гольцовъ.

А давеча-то что?

Вѣрочка.

Папаша, прогони его.

Гольцовъ.

Кого это? Меня-то?

Вѣрочка.

Папаша, онъ меня давеча здѣсь цѣловалъ, обнималъ, говорилъ, что всю жизнь такъ любить будетъ. Что же онъ теперь дѣлаетъ?

Оброшеновъ.

Какъ-же ты, мальчишка...

Вѣрочка.

Я его такъ полюбила...

Оброшеновъ.

Слышишь ты, полюбила.

Вѣрочка.

Папаша, я сама виновата. Зачѣмъ я такая глупенькая дѣвочка, что меня можно обманывать! Теперь ужь я никому не буду вѣрить. И ты, папаша, не вѣрь! А то и тебя будутъ обманывать.

Оброшеновъ.

Слышишь ты, слышишь?

Анна Павловна.

И вамъ ее не жалко!

Гольцовъ.

А ему развѣ насъ съ Вѣрочкой жалко? Деньги есть, а не хочетъ дать.

Оброшеновъ.

Какъ ты смѣешь...

Гольцовъ.

Кабы не было денегъ! А то есть и не даетъ. А я такъ люблю, такъ люблю.

Оброшеновъ.

Молчи, молчи! Видимъ мы, какъ ты любишь-то! Поди отсюда!

Гольцовъ.

Чтожъ это такое? Вы меня гоните и вы меня гоните? Вамъ не жалко меня, что я совсѣмъ погибаю. Я вѣдь погибаю!

Вѣрочка.

Нѣтъ мнѣ васъ жалко. Папаша, не гони его. Онъ самъ сейчасъ уйдетъ.

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я уйду?

Вѣрочка.

Вамъ очень стыдно станетъ, что вы насъ обманули.

Анна Павловна.

Вы только вспомните, что вы наговорили.

Гольцовъ.

Боже мой! Чтоже это со мной сдѣлали? (*Стоитъ молча*). Простите меня. Прощайте! (*Уходитъ*).

Оброшеновъ.

Вотъ поди, узнай человѣка-то! Эка бѣда-то! Гдѣ-жъ бы мнѣ теперь тебѣ жениха-то поискать?

Вѣрочка.

Я, папаша, не пойду ни за кого, кромѣ его! *(Бросается на грудь отцу)*. А за него тоже не пойду... онъ не сто́итъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВЪ.
ГОЛЬЦОВЪ.
НЕДОНОСКОВЪ.
НЕДОРОСТКОВЪ.
ШИЛОХВОСТОВЪ, лавочникъ, въ короткой люстриновой сибиркѣ, сапоги бутылками.
ВАЖНАЯ ОСОБА, въ шинели на распашку, на шеѣ орденъ, тугой бѣлый галстухъ и очень высокіе воротнички.
СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, низенькій, толстый; на шеѣ толстая золотая цѣпь, на рукахъ перстни, палка съ золотымъ набалдашникомъ.
МАМЕНЬКА, въ темномъ шелковомъ салопѣ, покрыта темнымъ платкомъ.
ДОЧКА, одѣтая по модѣ, въ маленькой соломенной шляпкѣ.
ДѢВУШКА, въ бурнусѣ, покрыта платочкомъ, съ картономъ.
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
ЧИНОВНИКЪ 1-й.
ЧИНОВНИКЪ 2-й.
САЛОПНИЦА, въ рукахъ завернутое свидѣтельство о бѣдности.
ШАРМАНКА.
ПѢВИЦА.
ЛАКЕЙ ВЪ ЛИВРЕѢ.
Лица разныхъ націй, званія и пола: военные, чиновники, купцы, приказчики, мальчики, разносчики, татары, армяне, евреи, барыни, купчихи, мастерички, торговки.

Ворота, гдѣ торгуютъ картинками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Разныя лица стоятъ группами, нѣкоторыя приходятъ, нѣкоторыя уходятъ, многіе подъ зонтиками. Солидный Человѣкъ на видномъ мѣстѣ. Входятъ: Первый и Второй Чиновники.

Первый чиновникъ.

Такъ женился Пыжиковъ-то?

Второй чиновникъ.

Женился.

Первый чиновникъ.

Такъ это вѣрно?

Второй чиновникъ.

Вѣрно.

Первый чиновникъ.

Да неужто такъ, какъ говорили? За пару платья только?

Второй чиновникъ.

Да, за пару платья. Чтожъ дѣлать-то! Не въ чемъ было въ судъ ходить; а теща сшила ему все.

Первый чиновникъ.

И больше ничего?

Второй чиновникъ.

Больше ничего.

Первый чиновникъ.

А какъ износитъ?

Второй чиновникъ.

Ну ужь, тогда какъ хочешь. *(Отходятъ въ толпу. Входятъ: Дѣвушка, покрытая платочкомъ съ картономъ, и Молодой человѣкъ).*

Дѣвушка.

Вы отстанете отъ меня, или нѣтъ?

Молодой человѣкъ.

Да за что вы сердитесь?

Дѣвушка.

Вы видите, что не хотятъ съ вами говорить, а вы

все пристаете! Это должно къ стыду къ вашему относиться.

Солидный человѣкъ.

Именно, къ стыду. Нынче въ молодыхъ людяхъ нравственности не ищи, пристаютъ ко всѣмъ безъ разбору. Вы, милая, станьте сюда, поближе.

Дѣвушка.

Покорно васъ благодарю. (*Переходитъ къ Солидному человѣку. Молодой человѣкъ за ней, входитъ Шилохвостовъ, снимаетъ и отряхиваетъ картузъ*).

Шилохвостовъ (*обращаясь ко всѣмъ*).

Дождикъ-съ... Ничего не подѣлаешь! До Лобнаго дошелъ, — ничего-съ, а тамъ стало такъ понуждать, что заячьей рысью дѣйствовать пришлось... Одѣяніе лёгкое-съ! Этого струменту (*показывая на зонтикъ*) съ собой не захватилъ; ну, значитъ и удирай до первыхъ воротъ. (*Входятъ: Маменька съ Дочкой*). Наше почтеніе-съ!

Маменька.

Здраствуй, батюшка!

Дочка

Кто такой, маменька?

Маменька.

А кто его знаетъ.

Шилохвостовъ.

Пожалуйте, вотъ здѣсь къ сторонкѣ-съ! Покупки изволили сдѣлать?

Маменька.

Да, батюшко. (*Дочери тихо*): Не гляди ты по сторонамъ, говорю я тебѣ!

Шилохвостовъ.

Изъ какихъ предметовъ, изъ шерстяныхъ, или изъ шелковыхъ-съ?

Маменька.

Шерстяное, батюшко! (*Дочери*): Чтой-то ты, страмница, все головой-то вертишь!

Шилохвостовъ.

Позвольте полюбопытствовать-съ! Мы сами кругомъ этого товару ходимъ-съ.

Маменька.

Ужь ты намъ, батюшко, и цѣну скажи, настоящую.

Шилохвостовъ (*развертываетъ и разглядываетъ*).

Оченно во вкусѣ-съ. Гривенокъ на шесть-съ?

Маменька.

Что ты, батюшка, по три четвертака платила!

Шилохвостовъ.

Не дорого-съ. Дешевле копѣйки взять нельзя-съ. Позвольте, заверну-съ. (*Завертываетъ съ ловкостью и отдаетъ*).

Дѣвушка (*Молодому человѣку*).

Я вамъ сказала, чтобъ вы отстали отъ меня. Чего-жъ вамъ еще нужно! (*Молодой человѣкъ отворачивается, какъ будьто не ему говорятъ, и начинаетъ переглядываться съ дочкой*).

Солидный человѣкъ.

Вамъ лучше бы уйти отсюда. И я бы... пошолъ.

Шилохвостовъ (*дѣвушкѣ*).

Въ мастеричкахъ изволите жить?

Дѣвушка.

А вамъ какое дѣло?

Шилохвостовъ.

А вы не будьте такъ довольно горды! Въ вашемъ званіи оно нейдетъ-съ.

Дѣвушка.

А вы почемъ знаете мое званіе! Можетъ быть, вы очень ошибаетесь?

Шилохвостовъ.

По мундиру-то, по вашему, оно сейчасъ видно-съ. (*Всѣ смѣются. Дѣвушка уходитъ. Солидный человѣкъ за ней. Молодой человѣкъ подвигается къ дочкѣ, вынимаетъ бумажку и пишетъ карандашемъ записку*).

Маменька (*дочкѣ*).

Перестанешь ты вертѣться, али нѣтъ?

Шилохвостовъ.

Это отъ малодушества-съ.

Маменька.

Какое малодушество! Какъ она себѣ шею-то не свернетъ!

Шилохвостовъ (*проходя къ Татарину*).

Что это, мыло у тебя?

Татаринъ.

Сама настоящя, казанскя. Хорошъ товаръ, купи для вечера.

Шилохвостовъ.

Сами, братъ, этимъ товаромъ торгуемъ. (*Входитъ Важная особа съ лакеемъ*).

Лакей

Посторонитесь, господа, посторонитесь!

Важная особа *(Чуйкѣ)*.

Посторонись же, любезный!

Шилохвостовъ.

Пожалуйте, ваше превосходительство! Вотъ здѣсь просторно-съ! (*Важная особа становится и все время стоитъ неподвижно, поднявши голову. Дочка роняетъ платокъ; Молодой человѣкъ поднимаетъ и вмѣстѣ съ запиской отдаетъ ей*).

Дочка.

Мерси-съ!

Маменька.

Ну ужь, дай ты мнѣ только домой придти! Вотъ ты тогда увидишь!

Дочка.

На учтивость обнакновенно надобно учтивостью отвѣтить. Нѣшто вы что понимаете!

Маменька.

Ну, ладно! (*Входятъ Оброшеновъ и Гольцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Оброшеновъ и Гольцовъ.

Гольцовъ.

Мнѣ право совѣстно и глядѣть-то на васъ.

Оброшеновъ.

Ну ничего, ничего! (*Гладитъ его по плечу*). Ишь ты вымочилъ сертучокъ-то!

Гольцовъ.

Они мнѣ приказали придти къ нимъ, сказали, что денегъ дадутъ. Вотъ я отъ васъ и зашелъ; они завтра-

кають, сидятъ. Налили мнѣ стаканъ шампанскаго. Вы знаете, я не пью.

Оброшеновъ.

И не пей, Саша, не пей!

Гольцовъ.

Я и отказывался, да насильно заставили, въ ротъ влили; хотѣли облить всего. Я бы и ушелъ, да они все останавливали, обѣщали сейчасъ денегъ дать. Потомъ другой такимъ же манеромъ заставили выпить, а ужь третій, должно быть, я и не отказывался. Тутъ, ужь какъ я захмѣлѣлъ-то, они и стали мнѣ говорить: «мы бы тебѣ и дали денегъ, да зачѣмъ тебѣ у чужихъ занимать, послѣ отдавать надо будетъ; ты попроси у нареченнаго тестя». Я говорю, что у васъ денегъ нѣтъ, что вы всѣ на домъ истратили. «Онъ, говорятъ, тебя обманываетъ, у него денегъ много награблено: это всѣмъ извѣстно; онъ самъ сказывалъ».

Оброшеновъ.

Ахъ, разбойники! Ахъ, разбойники!

Гольцовъ.

«Вотъ, говорятъ, ты теперь выпилъ для храбрости, и ступай къ нему. Припугни его хорошенько, онъ тебѣ сейчасъ и дастъ денегъ непремѣнно. А не дастъ, такъ и не надо; у насъ, говорятъ, есть невѣста и лучше, и денегъ больше». (*Махнувъ рукой*). И говорить-то совѣстно.

Оброшеновъ.

Ничего, говори, говори!

Гольцовъ.

Что у васъ дѣлалъ, сами знаете. Провалиться сквозь

землю легче. Какъ ушелъ я отъ васъ, повезли они меня къ невѣстѣ. Привезли меня куда-то въ домъ, стали еще подчивать, народу сошлось много, вывели невѣсту. Только, какъ я ни былъ пьянъ, а сейчасъ замѣтилъ, что это горничная переряженая. Такъ мнѣ стыдно и обидно стало! А чтожъ дѣлать! Самъ виноватъ. Схватилъ шляпу, да бѣжать безъ оглядки. А они мнѣ вслѣдъ кричатъ: «ну, Саша, потѣшилъ ты насъ сегодня»! Потѣшилъ я ихъ... А каково мнѣ!... Какъ я къ вамъ глаза покажу!..

Оброшеновъ.

Ну ничего, ничего. Ты почемъ это сукно-то бралъ?

Гольцовъ.

Да что сукно! Не утѣшайте вы меня, Павелъ Прохорычъ! Не стою я этого. Какими глазами мнѣ теперь смотрѣть на Вѣру Павловну.

Оброшеновъ.

Велика птица Вѣра Павловна! Съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Ну виноватъ, да и конецъ! Не вѣкъ же будетъ помнить!

Гольцовъ.

Какъ сказать-то, что виноватъ? Кажется, отъ стыда слова не выговоришь. Они могутъ подумать, что со мной это часто случается.

Оброшеновъ.

Могутъ подумать! Ничего она не подумаетъ, она и думать-то еще ничего не умѣетъ. Ты вѣдь ее любишь? Будешь беречь? Вѣдь это ребенокъ, Саша! Ангельская душка!

Гольцовъ.

Ужь повѣрьте, Павелъ Прохорычъ, жизни своей не пожалѣю для Вѣры Павловны. Это только случай со

мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшеновъ.

Ну и хорошо, Саша, хорошо! Я тебѣ вѣрю. Ты ужь не бойся, я васъ помирю; я тебѣ дѣло устрою. Ахъ, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумалъ, что объ тебѣ дѣвчонка подумаетъ! Хе-хе-хе! Право дѣвчонка: такъ дрянь какая-то! У насъ есть дѣла поважнѣе, есть о чемъ думать кромѣ этого. Тебѣ на что деньги-то нужны, ты мнѣ скажи!

Гольцовъ.

И не спрашивайте, Павелъ Прохорычъ!

Оброшеновъ.

Какъ не спрашивать! Какъ не спрашивать! Коли нужно, такъ поискать надо будетъ, похлопотать.

Гольцовъ.

Вотъ какъ нужно, Павелъ Прохорычъ, хоть въ петлю полѣзай.

Оброшеновъ.

Да скажи, чудакъ-человѣкъ!

Гольцовъ.

Я чужія деньги затратилъ.

Оброшеновъ.

Что ты! Господь съ тобой!

Гольцовъ.

Крайность заставила, Павелъ Прохорычъ. Дѣлалъ я кое-какія дѣлишки одному помѣщику, исправлялъ порученія, въ Совѣтъ деньги вносилъ.

Оброшеновъ.

Ну, ну!

Гольцовъ.

Вотъ онъ и прислалъ мнѣ денегъ въ Совѣтъ внести за имѣніе: триста рублей. Тутъ у меня матушка умерла, на похороны было взять негдѣ; за квартиру нужно было за четыре мѣсяца отдавать... я больше половины денегъ-то и истратилъ.

Оброшеновъ.

Да вѣдь ужъ это никакъ съ полгода?

Гольцовъ.

Больше полугоду-съ. Я думалъ, что изъ жалованья я пополню; а тутъ начали за чинъ вычитать. Думалъ, награду дадутъ къ празднику, не дали... Теперь послѣдній срокъ приходитъ. Ну, какъ имѣніе-то въ опись назначатъ, или вдругъ самъ пріѣдетъ. Пожалуется предсѣдателю, вѣдь изъ суда выгонятъ. Да стыдъ-то какой! Боже мой!

Оброшеновъ.

Чтожъ ты мнѣ прежде не сказалъ?

Гольцовъ.

Совѣстно было.

Оброшеновъ.

Чтожъ ты это, Саша, надѣлалъ! Какъ теперь быть-то! Гдѣ денегъ-то взять! Вотъ бѣда-то! Ну ужь, не ожидалъ я отъ тебя, не ожидалъ.

Гольцовъ.

Какъ хотите, такъ меня и судите, Павелъ Прохорычъ!

Оброшеновъ.

Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тутъ вина, коли крайность. Только вотъ что, Саша, обидно, что между насъ, бѣдныхъ людей, не найдешь ты ни

одного человѣка, у котораго бы какой нибудь бѣды не было. Ахъ, ты, грѣхъ какой! Ума не приложу.

Гольцовъ.

Да что вамъ безпокоиться, Павелъ Прохорычъ! У васъ своей заботы много. Ищите себѣ другаго жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь—хорошо, не выпутаюсь—туда мнѣ и дорога.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, Саша, какъ можно, чтобъ я тебя оставилъ. Нѣтъ, я попытаюсь, побѣгаю. Что мнѣ значитъ побѣгать! Богатыхъ людей много знакомыхъ; знаешь, этакъ, дурачкомъ, дурачкомъ, паясомъ; можетъ, и достану тебѣ денегъ. Ты очень-то не горюй!

Гольцовъ.

Выручите, Павелъ Прохорычъ! Спасите меня!

Оброшеновъ.

Богъ милостивъ, Саша, Богъ милостивъ! Отчаяваться не надо.

Шилохвостовъ.

Однако ко щамъ начинаетъ поталкивать. Нечего и на Спасскихъ смотрѣть, и безъ того знаю, что время

Важная особа.

Сегодня никто такъ не заслужилъ своего обѣда, какъ я.

Шилохвостовъ.

Тэкъ-съ! (*Салопница подходитъ и шепчетъ что-то на ухо*). Чего-съ? Я въ ирбитской плачу-съ.

Салопница.

Какъ изволили сказать?

Шилохвостовъ.

Я всегда вамъ всѣмъ къ ирбитской ярмаркѣ плачу. Пора вамъ знать. (*Всѣ смѣются. Салопница шепчетъ что-то*). Что же вы ко мнѣ пристаете! Я сказалъ, что въ ирбитской. А то можно и Лютова позвать. Да никакъ это онъ идетъ; да, Лютовъ и есть. (*Всѣ смѣются. Салопница быстро скрывается*).

Важная особа.

Кто такой Лютовъ?

Шилохвостовъ.

Чего-съ?

Важная особа.

Кто такой Лютовъ? я тебя спрашиваю.

Шилохвостовъ.

Ундеръ, ваше превосходительство! Эти просящіе особенный страхъ къ нему имѣютъ. (*Входятъ Недоносковъ и Недоростковъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Недоносковъ и Недоростковъ.

Недоносковъ.

Сашка тутъ.

Недоростковъ.

Опять его накалить.

Недоносковъ.

Нѣтъ, теперь эта штука не выгоритъ; старикъ съ нимъ. (*Отворачиваются въ сторону*).

Гольцовъ.

Вотъ они пришли.

Оброшеновъ.

Вотъ бы отчитать ихъ хорошенько, Саша, да при народѣ!—они этого терпѣть не могутъ. Да, можетъ быть, Саша, они твои благодѣтели? Они тебѣ прежде помогали чѣмъ нибудь?

Гольцовъ.

Никогда я отъ нихъ ни одной копѣйки не видалъ; кромѣ насмѣшки, ничего.

Оброшеновъ.

Ну, такъ чтожъ на нихъ смотрѣть! Вотъ кабы благодѣтели, тогда нельзя. Право, ты бы имъ выговорилъ,—такъ, легонько, поучтивѣе. Ну, что хорошаго! Только что издѣваются, а пользы отъ нихъ никакой. Дивй бъ маленькіе. Коли ты хочешь утѣшаться, такъ ты бѣдному человѣку сначала помоги, да потомъ и утѣшайся надъ нимъ. Такъ вѣдь я говорю, Саша?

Гольцовъ.

Конечно, правда.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, ты имъ скажи: «напрасно—молъ, вы, господа, себѣ такія шутки позволяете!» Такъ и скажи! Вотъ и пусть они знаютъ. А то всякій станетъ надъ тобой издѣваться, и на свѣтѣ жить нельзя будетъ.

Гольцовъ *(Недоноскову и Недоросткову)*.

Здраствуйте, господа! *(Раскланиваются)*. Покорно благодарю за угощеніе!

Недоносковъ.

Не на чемъ.

Гольцовъ.

Насилу до дому дошелъ.

Недоростковъ.

Ты бы пилъ больше!

Гольцовъ.

Да вы меня насильно заставляли.

Недоносковъ.

Всякій самъ объ себѣ понимать долженъ.

Недоростковъ.

Кто ежели этому не подверженъ, насильно не заставишь.

Гольцовъ.

Я не то что подверженъ, я и въ ротъ не беру.

Недоносковъ.

Оно и по глазамъ видно.

Недоростковъ.

Значитъ, у тебя совѣсти нѣтъ, когда ты при людяхъ самъ говоришь, что вчера пьянъ былъ. Другой бы скрывалъ.

Недоносковъ.

Еще говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же можетъ теперича этому повѣрить? Кому нужно заниматься съ тобой! Никто и вниманія не возьметъ. Антиресная кампанія!

Недоростковъ.

Кому ты можешь кампанію составить! И выходитъ, что ты пустой человѣкъ, нестоющій вниманія.

Оброшеновъ.

Вамъ тятенька много ли денегъ-то оставилъ на забавы?

Недоносковъ.

Это въ составъ не входитъ. (*Отворачиваются и разговариваютъ между собою*).

Шилохвостовъ.

Вотъ и я тоже, какъ домой пьяный приду, сейчасъ женѣ говорю: запутали—молъ, ничего не подѣлаешь. *(Всѣ смѣются и поглядываютъ на Гольцова).*

Гольцовъ.

Меня-жъ пристыдили! Не знаю, какъ и на людей смотрѣть. Я ужъ лучше пойду.

Оброшеновъ.

Куда?

Гольцовъ.

Къ вамъ. Хочется поскорѣй увидаться съ Вѣрой Павловной. У меня какъ камень на сердцѣ лежитъ. Ужъ что-нибудь одно: либо панъ, либо пропалъ.

Оброшеновъ.

Да ты не бойся! Эхъ, какой ты, право! Ничего, ступай смѣлѣй! А я послѣ приду; мнѣ тутъ нужно забѣжать на минуту. Скажи дома, что сейчасъ—молъ придетъ. Да скажи Вѣрочкѣ, что я приказалъ ей съ тобой помириться. А съ этими молодцами я еще поговорю. (*Гольцовъ идетъ къ выходу*).

Недоносковъ.

Не хочешь ли опохмѣлиться опосля вчерашняго. *(Всѣ смѣются).*

Гольцовъ.

Опохмѣляйтесь сами! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ Гольцова.

Оброшеновъ.

Эхъ, господа! Какъ не грѣхъ вамъ бѣднаго малаго обижать! Онъ человѣкъ хорошій, смирный!

*

Недоносковъ.

Его смиренства никто и не снимаетъ съ него.

Недоростковъ.

Такъ это при немъ и останется.

Шилохвостовъ.

Смиренство еще не важное какое дѣло! Въ столицѣ живешь, такъ по неволѣ будешь смиренъ. Почему что ежели драться станешь, сейчасъ лопатки скрутятъ. *(Смѣхъ)*.

Оброшеновъ.

Онъ вина-то и въ ротъ не бралъ, а вы вчера...

Шилохвостовъ.

Вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ. *(Смѣхъ)*.

Оброшеновъ.

Ты къ чему присталъ? Туда же: «пьянъ живетъ!» Видалъ ты его пьянымъ?

Шилохвостовъ.

Слухомъ земля полнится.

Оброшеновъ

Отъ кого ты слышалъ? Ну, сказывай!

Шилохвостовъ.

Мнѣ тёща сказывала; она теперича въ Астрахань уѣхала. *(Смѣхъ)*.

Оброшеновъ.

Выжига ты, — вотъ что!

Шилохвостовъ.

Ужь и видно, что стракулистъ: такъ и цѣпляется *(Смѣхъ)*.

Оброшеновъ.

Что? что? Что ты сказалъ?

Шилохвостовъ.

Ничего-съ. Это я не про васъ, а про мать крёсну, она свой человѣкъ, не обидится. *(Отходитъ къ Недоноскову).*

Оброшеновъ.

Вотъ нынѣче народъ-то какой сталъ! Ни за что мальчика обругали да облаяли. Вотъ эти господа что́ вчера съ нимъ сдѣлали. *(Начинаютъ прислушиваться и подходить).* Онъ вина въ ротъ не бралъ, а они его насильно напоили, да комедію себѣ на потѣху состроили. Еще какую комедію-то! *(Народъ подвигается).*

Недоносковъ.

Что онъ тамъ за разговоры развелъ!

Недоростковъ.

При людяхъ страмить вздумалъ!

Оброшеновъ.

Видятъ, что человѣкъ ничего ужь не понимаетъ, въ чужой домъ повезли; тамъ горничную дѣвку невѣстой одѣли...

Одинъ изъ толпы.

Что онъ говоритъ?

Другой.

Горничную невѣстой одѣли.

Недоносковъ.

Онъ на насъ мараль пущаетъ.

Недоростковъ *(громко)*.

Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшеновъ.

Вотъ чѣмъ утѣшаются, знать дѣла-то другаго нѣтъ у нихъ! Коли есть дѣло, такъ глупости не пойдутъ на умъ. Да и пашли кого обидѣть! Парень безотвѣтный!.. Вѣдь этакъ они до того дошутятся, что могутъ совсѣмъ человѣка погубить. Разума-то у нихъ хватитъ.

Недоносковъ.

Я бы съ него ничего не взялъ за такіе его разговоры.

Недоростковъ.

Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостовъ.

Штуку какую нибудь надъ нимъ сочинить почуднѣе! Надо заняться придумать.

Недоносковъ (*Шилохвостову*).

Что придумывать-то? Поди сюда! (*шепчетъ ему на ухо. Шилохвостовъ хохочетъ*). Вотъ тебѣ конвертъ! Поди положи газетной бумаги, въ серединку положи записку; напиши... (*Шепчетъ. Шилохвостовъ хохочетъ до истерики. Важная особа улыбается*)... да и подкинь ему.

Шилохвостовъ.

Я духомъ. (*Уходитъ. Шарманщикъ съ пѣвицей,— играетъ «Подъ вечеръ осенью ненастной»*).

Пѣвица (*поетъ*).

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Пустыннымъ дѣва шла мѣстамъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала трепетнымъ рукамъ,
Всѣ были тихи, лѣсъ и горы,
Всѣ спали въ сумерки ночной,
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ вокругъ...

Важная особа.

Довольно!

Пѣвица.

И на невинномъ сномъ твореньи...

Важная особа.

Довольно я говорю! *(Шарманка перестаетъ. Шилохвостовъ входитъ).*

Шилохвостовъ *(шарманщику).*

Тяжеленько носить изволите.

Шарманщикъ.

Своя ноша не тянетъ.

Шилохвостовъ.

Другой подумаетъ, что его за непочитаніе родителей заставили этакую штуку таскать. *(Смѣхъ. Шарманка уходитъ).* Готово-съ *(показываетъ конвертъ).*

Недоносковъ.

Ну, теперь не зѣвай! Дождикъ-то проходитъ. *(Оброшеновъ уходитъ. Шилохвостовъ убѣгаетъ впередъ; потомъ скоро возвращается).*

Шилохвостовъ.

Поднялъ-съ! *(Оброшеновъ вбѣгаетъ блѣдный).*

Оброшеновъ.

Боже мой! *(Вынимаетъ конвертъ изъ кармана и смотритъ).* Что это? Не во снѣ ли я вижу! Шестьдесятъ тысячъ... объявить... третья часть — двадцать тысячъ... Я задыхаюсь... Батюшки!.. Отлегло. Саша! Вѣрочка! Вотъ они, деньги-то, вотъ они! *(Убѣгаетъ).*

Шилохвостовъ.

Держи его! *(Хохочетъ. Всѣ смѣются).*

Важная особа *(уходя, останавливается).*

Вотъ вамъ всѣмъ примѣръ наказаннаго корыстолюбія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВЪ.
АННА ПАВЛОВНА.
ВѢРОЧКА.
ГОЛЬЦОВЪ.
УЛИТА ПРОХОРОВНА, сестра Оброшенова, въ чепчикѣ, въ салопѣ, съ большимъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Комната въ домѣ Оброшенова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Павловна (*сидитъ за работой*), Улита Прохоровна (*сидитъ подлѣ нея*) и Вѣрочка (*смотритъ въ окно*).

Улита Прохоровна.

Они его подбили, они; больше некому. Это у нихъ первое удовольствіе заманить къ себѣ да напоить. Они вѣдь меня тоже вчера какъ испугали! Иду я мимо ихъ дому-то, не помню, объ чемъ-то задумалась; вдругъ на верху, надъ моей головой, кто-то крикнулъ во все горло, я ажно присѣла. Взглянула это я на верхъ-то, а оттуда мнѣ кулекъ на голову, такъ ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась изъ кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбѣса да и Гольцовъ съ ними. Думала тутъ же зайти къ вамъ, да разсказать, такъ не хотѣла васъ разстраивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна.

Да вы бы, тетенька, пообѣдать у насъ остались!

Улита Прохоровна.

Какъ же, нужно очень! Мало васъ безъ меня! И такъ семья порядочная. Я не хочу брату въ тягость быть. Я найду, гдѣ пообѣдать. Ты посмотри-ка, какъ меня вездѣ принимаютъ! А отъ чего? А отъ того, что я съ молоду въ княжескихъ и въ графскихъ домахъ жила, хорошіе порядки видѣла. Тому научу дураковъ-то, другому; такъ вотъ мнѣ всѣ и рады. Я такимъ манеромъ двадцать лѣтъ изъ дому въ домъ брожу, къ вамъ-то только повидаться захожу.

Анна Павловна.

Право, тетенька останьтесь.

Улита Прохоровна.

Зачѣмъ дома обѣдать, коли въ чужихъ людяхъ можно? Ну, право! Вотъ кабы я набивалась, такъ бы худо; а то вездѣ съ честью принимаютъ. Когда негдѣ будетъ, надоѣмъ всѣмъ, — ну ужь тогда, нечего дѣлать, дома обѣдать буду. А теперь что мнѣ васъ въ лишной расходъ вводить! Отъ васъ къ Хрюковымъ пойду. Хоть самъ-то старикъ и плутъ, да мнѣ все равно; у сыновей жены хороши, бабы добрыя.

Анна Павловна.

А какъ обѣда не застанете?

Улита Прохоровна.

А мѣшокъ-то на что? Тутъ у меня цѣлый домъ. Тутъ у меня и чай, и сахаръ, и ситецъ на платье, и свѣчи стеариновыя, и лоскутки разные, вотъ воротнички мѣховой подарили недавно, а вотъ двѣ котлетки

завернуты. Я ничѣмъ не брезгую; все прячу, что даютъ. Ну, прощайте. *(Цѣлуется съ обѣими и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Павловна и Вѣрочка.

Анна Павловна.

Ты что все въ окно смотришь? Цѣлое утро не отходишь!

Вѣрочка.

Папашу дожидаюсь.

Анна Павловна.

Папашу ли?

Вѣрочка.

А то кого еще? Мнѣ больше некого дожидаться.

Анна Павловна.

Ужь и некого?

Вѣрочка.

Разумѣется, некого. Ну, кого я стану ждать, скажи!

Анна Павловна.

Ну, что ты со мной-то хитришь!

Вѣрочка.

Ты, можетъ, думаешь, что я Сашу...

Анна Павловна

Кого?

Вѣрочка.

Я ошиблась, а ты ужь и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь? Такъ нѣтъ же, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Анна Павловна.

Ну, вѣрю, вѣрю.

Вѣрочка.

Я объ немъ и думать-то забыла.

Анна Павловна.

Очень жаль.

Вѣрочка.

Кого?

Анна Павловна.

Разумѣется, тебя; а то кого же?

Вѣрочка.

Отчего тебѣ меня жаль?

Анна Павловна.

Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своимъ женихомъ, Сашей, цѣловала его; а сегодня забыла и думать. Значитъ, у тебя дурное сердце.

Вѣрочка.

Я тогда не знала, что онъ такой противный.

Анна Павловна.

Можетъ быть, онъ совсѣмъ и не противный.

Вѣрочка.

Ужь ты, пожалуйста, за него не заступайся.

Анна Павловна.

А мнѣ что за него заступаться? онъ — твой женихъ, а не мой.

Вѣрочка.

Ну ужь, это извините-съ.

Анна Павловна.

А вотъ увидимъ.

Вѣрочка.

Нѣтъ ужь, я лучше умру, а не пойду за него.

Анна Павловна.

Зачѣмъ умирать! Тебя никто и не принуждаетъ идти за него. Можешь выдти за кого угодно.

Вѣрочка.

И за другаго не пойду.

Анна Павловна.

Какъ хочешь, душа моя; твоя воля. (*Молчаніе*).

Вѣрочка.

Аннушка!

Анна Павловна.

Что?

Вѣрочка.

Душенька, что я у тебя спрошу, ты мнѣ скажешь? (*Плачетъ*).

Анна Павловна.

Конечно, скажу. О чемъ же ты, милочка, плачешь?

Вѣрочка.

Мнѣ очень скучно.

Анна Павловна.

Ну, что же ты хотѣла спросить?

Вѣрочка.

Придетъ онъ къ намъ еще когда нибудь, или нѣтъ?

Анна Павловна.

Не знаю, душенька. У него ума-то тоже немного больше твоего. Съ недѣлю отъ стыда не пойдетъ, а потомъ будетъ совѣститься, что долго не былъ. Это всег-

да такъ бываетъ. А тебѣ хотѣлось бы, чтобы онъ пришелъ?

Вѣрочка.

Да, очень хотѣлось бы. Мнѣ такъ скучно, такъ скучно.

Анна Павловна.

Кто-жъ его знаетъ! Можетъ быть, возьмется за умъ и придетъ.

Вѣрочка.

Нѣтъ ужь, я знаю, что не придетъ. *(Плачетъ).*

Анна Павловна.

На долго ли твоего сердца-то хватило?

Вѣрочка.

Ты думаешь, я ему прощу? Нѣтъ, нѣтъ, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтобъ онъ пришелъ.

Анна Павловна.

Одинъ разъ?

Вѣрочка.

Нѣтъ, чтобъ и еще приходилъ.

Анна Павловна.

А вотъ подождемъ денька три.

Вѣрочка.

Денька три! Что это ты! Нѣтъ, я не хочу. Я хочу, чтобъ нынче пришелъ.

Анна Павловна.

Ну, это едва ли.

Вѣрочка.

Знаешь что, душенька, Аннушка! Если онъ сегодня не придетъ, я къ нему тетеньку пошлю.

Анна Павловна.

Какъ это можно! Что ты выдумываешь! Надо подождать еще хоть два дня.

Вѣрочка.

Ну, какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, долго не придетъ!—съ тоски умрешь. Ужь какъ бы я была рада, кабы онъ пришелъ, кажется и сердиться бы на него перестала. *(Смотритъ въ окно)*. Идетъ! Уйду, уйду, въ свою комнату уйду! И чтобъ онъ не смѣлъ туда ходить! Ты слышишь, что я тебѣ говорю, сестрица! *(Убѣгаетъ)*.

Анна Павловна.

Ахъ, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечѣмъ мнѣ вспомнить мою молодость! *(Утираетъ глаза)*. Чтожъ это? Неужели я завидую ей! Сестрѣ-то! Нѣтъ, какая зависть! А какъ-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себѣ хоть немножко. Ну, чтожъ дѣлать! Мое время прошло. Теперь остается только мнѣ всѣхъ любить, а меня ужь никто не полюбитъ. Отецъ скоро совсѣмъ состарѣется, у сестры будутъ дѣти; вотъ и ухаживай за всѣми. Ей, скажутъ, и дѣлать-то больше нечего, это ея прямая обязанность. (*Входитъ Гольцовъ и останавливается у двери*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Павловна и Гольцовъ.

Анна Павловна.

Войдите! Что же вы стали?

Гольцовъ.

Если позволите? Мнѣ, право, такъ совѣстно-съ.

Анна Павловна.

Перестаньте! Что за вздоръ! Мы ужь и забыли. Садитесь! Видѣли папеньку?

Гольцовъ.

Видѣлъ-съ. Онъ сейчасъ придетъ; мы вмѣстѣ шли изъ городу.

Анна Павловна

Гдѣ же онъ теперь?

Гольцовъ.

Хотѣлъ зайти на счетъ денегъ похлопотать.

Анна Павловна.

Для васъ?

Гольцовъ.

Для меня-съ.

Анна Павловна.

Однако вы очень деньги любите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцовъ.

Какое корыстолюбіе, Анна Павловна! Просто мнѣ нужны деньги до зарѣзу.

Анна Павловна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Вы не шутя говорите?

Гольцовъ.

Плохія шутки! Если я не достану денегъ, я могу лишиться и службы, да и больше того, и чести.

Анна Павловна.

Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не безпокойтесь очень-то, не разстраивайте себя! Еще дѣло можетъ поправиться. Только вы не говорите, ради Бога, Вѣрочкѣ, не пугайте ее!

Гольцовъ.

Что вы! Помилуйте! А можно мнѣ ихъ видѣть-съ?

Анна Павловна.

Не знаю. Она сейчасъ только убѣжала въ свою комнату и велѣла сказать вамъ, чтобы вы туда не ходили.

Гольцовъ.

И сами не выдутъ-съ?

Анна Павловна.

Право не могу вамъ сказать. Кто же ее знаетъ!

Гольцовъ.

Что я надѣлалъ! Вѣдь теперь Вѣра Павловна ни за что моей любви не повѣритъ-съ, какъ я ни увѣряй. А я, Анна Павловна, ей Богу влюбленъ, такъ влюбленъ, что я ужь и не знаю какъ. Я давеча плакалъ все утро.

Анна Павловна.

Вы думаете, что она васъ разлюбила?

Гольцовъ.

Чтожъ мудренаго, послѣ этакаго случая.

Анна Павловна (*съ улыбкой*).

Да, конечно.

Гольцовъ.

Ахъ, Боже мой! Желалъ ли я когда обидѣть Вѣру Павловну! А вотъ что вышло!

Анна Павловна.

Вы говорили съ папенькой о Вѣрочкѣ?

Гольцовъ.

Какъ же съ! Объ чемъ же мнѣ говорить-то!

Анна Павловна.

Чтожъ онъ?

Гольцовъ.

Онъ-то ничего-съ. Обнадеживалъ очень. «Поди, говоритъ, скажи Вѣрочкѣ, что я приказалъ ей съ тобой помириться».

Анна Павловна *(смѣясь)*.

Ну, такъ чего же вамъ бояться?

Гольцовъ.

Все-таки-съ...

Анна Павловна *(громко)*.

Вѣрочка! (*Вѣрочка за сценой: «что тебѣ?»*) Поди сюда! (*Вѣрочка за сценой: «за чѣмъ?»*) Папенька приказалъ тебѣ помириться съ Александромъ Петровичемъ. (*Вѣрочка за сценой: «хорошо, я сейчасъ приду»*).

Гольцовъ.

Вы меня поддержите!

Анна Павловна.

Нѣтъ, я васъ оставлю вдвоемъ. Это, мнѣ кажется, лучше будетъ.

Гольцовъ.

Нѣтъ, что вы! Помилуйте!

Анна Павловна.

А еще женихъ! Боитесь съ невѣстой остаться! (*Вѣрочка входитъ*). Ты слышала, что папенька приказалъ? (*Гольцову*). Ну, вотъ мы и посмотримъ, какъ она не послушаетъ отца. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Простите меня, Вѣра Павловна!

Вѣрочка.

Я не могу васъ не простить.

Гольцовъ.

Отчего же-съ?

Вѣрочка.

Такъ папашѣ угодно.

Гольцовъ.

Только потому-съ?

Вѣрочка.

Разумѣется. Я бы и не вышла къ вамъ ни за что на свѣтѣ.

Гольцовъ.

Въ этомъ радости для меня не много-съ. Я бы желалъ знать, что вы сами обо мнѣ думаете-съ.

Вѣрочка.

Что вы ко мнѣ пристаете!

Гольцовъ *(хочетъ взять руку)*.

Позвольте-съ!

Вѣрочка.

Это что еще?

Гольцовъ.

Ручку поцѣловать.

Вѣрочка.

Съ чего это вы выдумали!

Гольцовъ.

Вѣдь ужь вы меня простили?

Вѣрочка.

Да, я васъ простила, а руки не дамъ.

Гольцовъ.

И вы долго будете сердиться-съ?

Вѣрочка.

Долго! Вотъ новости! Всю жизнь.

Гольцовъ.

Да помилуйте, какъ же это можно-съ, когда вы...

Вѣрочка.

Что я?

Гольцовъ.

Да какъ же, вы изволили обѣщать-съ...

Вѣрочка.

Что такое?

Гольцовъ.

Да вчера изволили... быть столько добры-съ... за меня замужъ...

Вѣрочка.

За васъ замужъ? Кто же это вамъ сказалъ?

Гольцовъ.

Да и Павелъ Прохорычъ говоритъ-съ...

Вѣрочка.

Папаша можетъ мнѣ приказать помириться съ вами, а этого не можетъ.

Гольцовъ.

Значитъ, мнѣ нельзя никакой и надежды имѣть?

Вѣрочка.

Никакой.

Гольцовъ.

Извините, что я васъ побезпокоилъ. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего-съ. Прощайте-съ! (*Молчаніе*). Честь имѣю кланяться (*хочетъ идти*).

Вѣрочка.

слушайте, куда же вы?

Гольцовъ.

Домой-съ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Павлу Прохоровичу *(идетъ къ двери)*.

Вѣрочка.

Не ходите!

Гольцовъ *(въ дверяхъ)*.

Помилуйте, Вѣра Павловна! Что же мнѣ здѣсь оставаться! Только одно мученіе.

Вѣрочка.

Если вы уйдете, я такъ разсержусь, такъ разсержусь, что...

Гольцовъ.

Вѣдь ужь какъ ни сердитесь, хуже этого для меня не будетъ-съ. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете имѣть.

Вѣрочка.

Еще бы позволить! Нѣтъ, вы вотъ что скажите: если вы уйдете теперь, вы ужь никогда больше не придете?

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я пойду, разсудите сами-съ.

Вѣрочка.

Такъ никогда?

Гольцовъ.

Никогда-съ.

Вѣрочка.

Ну и прекрасно! И не надо васъ! Не приходите! Прощайте!

Гольцовъ.

Прощайте! Богъ съ вами!

Вѣрочка.

Прощайте! *(Вырываетъ у Гольцова шляпу).* Уходите! Чтожъ вы нейдете?

Гольцовъ.

Чтожъ это за насмѣшки-съ! Пожалуйте шляпу-съ!

Вѣрочка.

Нѣтъ ужь, теперь не отдамъ *(прячетъ шляпу за себя).*

Гольцовъ.

Ахъ, позвольте! Изломаете, право изломаете.

Вѣрочка.

Ни за что, ни за что не отдамъ. Ну, ужь возьмите! *(Гольцовъ протягиваетъ руку, она прячетъ шляпу).*

Гольцовъ.

Вы ужь лучше простите меня; помиримтесь, какъ слѣдуетъ: тогда я самъ останусь.

Вѣрочка.

Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Гольцовъ.

Вѣдь захочу, такъ отниму-съ.

Вѣрочка.

Попробуйте!

Гольцовъ.

Извольте! *(Обхватываетъ руками Вѣрочку, она сопротивляется, онъ ее цѣлуетъ).*

Вѣрочка.

Это что еще! *(Топаетъ ногой).* Кто вамъ позволилъ! Вы хотите, чтобъ я васъ прогнала?

Гольцовъ.

Виноватъ-съ! Пожалуйте шляпу, я самъ уйду.

Вѣрочка.

Возьмите! (*Отдаетъ шляпу*).

Гольцовъ.

Прощайте! (*Идетъ къ дверямъ*).

Вѣрочка (*тихо*).

Саша!

Гольцовъ.

Что вамъ угодно-съ?

Вѣрочка.

Что вы воротились! Я совсѣмъ васъ не звала. Это я про себя.

Гольцовъ.

Извините-съ! (*Уходитъ*).

Вѣрочка (*кричитъ все громче и громче*).

Саша! Саша! Саша! Ахъ, какой противный! Онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ уйдетъ. (*У окна*). Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! (*Прыгаетъ отъ радости. Гольцовъ входитъ*). Ты, Саша, такой... такой... нехорошій! Ты не стоишь, чтобъ тебя любили! Ты хотѣлъ уйти, и никогда не приходить. И выходитъ, что ты злой, а я добрая.

Гольцовъ.

Значитъ, вы меня совсѣмъ прощаете?

Вѣрочка.

Совсѣмъ.

Гольцовъ.

И я опять смѣю называть васъ Вѣрочкой?

Вѣрочка

Нѣтъ. не смѣешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольцовъ.

И ручку поцѣловать можно?

Вѣрочка.

Можно. На! (*Протягиваетъ ему руку*).

Гольцовъ (*цѣлуя руку*).

Мы ужь, Вѣрочка, объ этой ссорѣ и поминать не будемъ.

Вѣрочка.

Не будемъ.

Гольцовъ.

И замужъ, Вѣрочка, пойдешь за меня?

Вѣрочка.

Пойду. Только ты не уходи. (*Гольцовъ цѣлуетъ руку. Входитъ Анна Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гольцовъ, Вѣрочка и Анна Павловна.

Анна Павловна.

Цѣлуйтесь, цѣлуйтесь, я не помѣшаю. Это лучше, чѣмъ ссориться.

Гольцовъ.

Ужь теперь кончено-съ.

Анна Павловна.

Ну, и прекрасно!

Вѣрочка.

Онъ теперь опять мой женихъ.

Анна Павловна.

Очень рада твоей радости.

Вѣрочка.

А вотъ калитка стукнула, должно быть, папаша.

Анна Павловна (*взглянувъ въ окно*).

Онъ и есть.

Гольцовъ.

Не денегъ ли несетъ! Вотъ бы счастливый-то день для меня.

Анна Павловна.

Должно быть, что нибудь есть; что-то онъ очень веселъ. (*Входитъ Оброшеновъ, дочери цѣлуютъ его*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оброшеновъ, Гольцовъ, Анна Павловна и Вѣрочка.

Оброшеновъ (*гладитъ дочерей по головамъ*).

Ну, козы, прыгайте!

Вѣрочка.

Зачѣмъ, папаша?

Оброшеновъ.

Отъ радости. Я бы и самъ прыгалъ, да ноги устарѣли. (*Оглядывая всѣхъ*). Ахъ, дурочки вы мои, дурочки! Право, дурочки!

Вѣрочка.

Папаша, за что ты бранишься?

Оброшеновъ.

Нѣтъ, онъ-то, онъ-то! Плачетъ; несчастіе, говоритъ; чужія деньги затратилъ. Ха-ха-ха, — хи-хи!

Анна Павловна.

Папенька, я вижу, вы денегъ достали?

Оброшеновъ.

Нѣтъ, что онъ-то, Аннушка, говоритъ! Погибаю, говоритъ, изъ суда выгонятъ! Ахъ, чудакъ, чудакъ!

Гольцовъ.

Да вы говорите! Достали что ли?

Оброшеновъ.

Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! Никогда не отчаивайся! Помни: голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ.

Гольцовъ.

Значитъ, достали?

Оброшеновъ.

Еще бы! Я-то не достану! Ахъ ты, Саша, Саша! Кто-жъ и достанетъ, какъ не я!

Гольцовъ.

Много ли?

Оброшеновъ.

На всѣхъ хватитъ. Еще домъ купимъ; лошадей тебѣ пару куплю.

Вѣрочка.

Откуда же это, папаша?

Оброшеновъ.

Много будешь знать, скоро состарѣешься.

Анна Павловна.

Развѣ ты не видишь, папенька шутитъ.

Оброшеновъ.

Шучу? Нѣтъ ужь будетъ шутить! Что? Удивилъ васъ? Удивилъ? Погодите, еще такъ ли удивлю! Вицмундиръ мнѣ надо, Аннушка. Тамъ онъ?

Вѣрочка.

На что вамъ, папаша, вицмундиръ?

Оброшеновъ.

Ѣду, ѣду. Нельзя въ этомъ ѣхать, неприлично.

Вѣрочка.

А обѣдать?

Оброшеновъ.

Какой теперь обѣдъ! Пойдетъ ли на умъ! Надо скорѣй ѣхать! Скорѣй объявить... (*Вынимаетъ изъ кармана конвертъ, завернутый въ платокъ, кладетъ его на столъ и накрываетъ шляпой*). Шшь! Шшь! Никто! Пальцемъ никто! Слышите! (*Уходитъ*).

Анна Павловна.

Что-жъ это такое? Я ничего не понимаю.

Вѣрочка.

Саша, что это такое? Что тамъ подъ шляпой?

Гольцовъ.

Не знаю. Должно быть нашелъ на дорогѣ деньги. Хочетъ поѣхать объявить и получить третью часть. (*Входитъ Оброшеновъ*).

Оброшеновъ (*снимая шляпу и вынимая изъ платка конвертъ*).

Ахъ, дурачки вы мои, дурачки! Много тутъ денегъ, много! Вы столько никогда и не видывали. Вотъ онѣ! Ну-ка, посмотрите! (*Читаетъ*): Со вложеніемъ шестидесяти тысячъ банковыми билетами. Можетъ быть, тутъ есть билетикъ въ двадцать тысячъ на имя неизвѣстнаго. Вотъ его-то мнѣ и пожалуйте. Третья часть! Имѣю право... по закону могу требовать. Видишь ты конвертъ подрѣзанъ! Это всегда такъ. Вотъ и поглядимъ! (*Осторожно вынимаетъ изъ конверта газеты*). Это не то. Ишь ты, завернули въ бумагу для осторожности. (*Вертитъ газетную бумагу*). Гдѣ же тутъ? Гдѣ же! На полъ какъ не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!.. (*Ударяетъ себя по лбу*). А еще старикъ! Осторожный человѣкъ! Это я, Аннушка, кон-

вертъ-то вотъ такъ... вотъ этой стороной... въ карманъ-то... понимаешь ты? Тутъ разрѣзано... вотъ онѣ и вывалились туда... въ карманѣ-то. Они тамъ... въ сюртукѣ... въ карманѣ-то, въ боковомъ-то... Понимаете вы? Ну да, тамъ, тамъ! А то гдѣ же имъ быть-то, ну, гдѣ же имъ быть-то? Ну, разсудите! Вотъ сейчасъ пойду и принесу вамъ... принесу вамъ. Экой я! Экой я, неосторожный! Сейчасъ сюда принесу, и положимъ... положимъ въ конвертѣ-то. (*Уходитъ. Гольцовъ разсматриваетъ газетную бумагу, на столъ выпадаетъ записка. Оброшеновъ возвращается, отталкиваетъ Гольцова*). Что я тамъ ищу! Онѣ тутъ.

Гольцовъ.

Тутъ нѣтъ, ужь вы искали.

Оброшеновъ (*растерявшись*).

Гдѣ-жъ онѣ? Неужели я потерялъ? (*Хватается рукой за голову*). Вспомнилъ, вспомнилъ! Вынималъ я конвертъ дорогой-то, любовался все на печати, тутъ и потерялъ. Чужія деньги! Шестьдесятъ тысячъ! Побѣжимъ, Саша! Можетъ еще никто не поднялъ. Спрашивать будемъ, не поднималъ ли кто? Шестьдесятъ тысячъ! (*Плачетъ*).

Гольцовъ (*взявъ со стола записку*).

Тутъ денегъ и не было. Вотъ и записка безграмотная: «Не ганксъ за чужимъ дабромъ!»

Оброшеновъ (*смотритъ записку*).

О, Боже мой! Какъ надъ мальчикомъ насмѣялись! Надъ старикомъ-то! Надъ родительскимъ чувствомъ насмѣялись! Да, нѣтъ! Вы все лжете! Этакъ не шутятъ. Такихъ шутокъ не бываетъ! Какая это записка! Это вздоръ! Тутъ ничего и не написано! Шестьдесятъ вѣдь

тысячъ! Шестьдесятъ тысячъ! Они тамъ! Тамъ въ карманѣ... за подкладку какъ нибудь завалились. *(Идетъ, шатаясь въ другую комнату, за нимъ дочери, Вѣрочка сейчасъ же возвращается).*

Вѣрочка (*падаетъ на шею Гольцову*).

Ахъ, папаша! Что съ нимъ? Ему дурно! *(Анна Павловна входитъ).*

Анна Павловна.

Бѣгите за докторомъ! Я боюсь, что онъ помѣшается. Не оставьте насъ въ несчастіи, Александръ Петровичъ! Вѣрочка можетъ сиротой остаться. Вы свое горе забудьте! Денегъ я вамъ достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мнѣ это униженія ни стоило, а ужь выпрошу. *(Уходитъ).*

Вѣрочка.

Бѣги, Саша, за докторомъ, бѣги! *(Гольцовъ уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВЪ.
АННА ПАВЛОВНА.
ВѢРОЧКА.
ГОЛЬЦОВЪ.
ХРЮКОВЪ.
УЛИТА ПРОХОРОВНА.
МОЛОДЕЦЪ отъ Хрюкова.

Комната третьяго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Павловна и Улита Прохоровна (входятъ изъ боковой двери).

Улита Прохоровна.

Ишь ты, какія шутки глупыя! Нечего имъ дѣлать-то; вотъ они и озорничаютъ. Еще слава Богу, что такъ обошлось. Долго ли старику совсѣмъ съ ума свихнуться!

Анна Павловна.

Да, мы вчера очень боялись. Послѣ припадка онъ заснулъ, и съ нимъ сильный бредъ сдѣлался. Впрочемъ докторъ сказалъ, что опасности нѣтъ никакой, что ему нужно только денька два успокоиться.

Улита Прохоровна.

Ну, а сегодня-то онъ что?

Анна Павловна.

Ничего. Поутру гулять ходилъ, теперь прилегъ заснуть.

Улита Прохоровна.

Да, вотъ тоже и со мной тогда какую штуку сдѣлали! Ужь я ихъ ругала—ругала; да стыда-то у нихъ нѣтъ въ глазахъ, такъ имъ все равно.

Анна Павловна.

Что жъ вы, тетенька, такъ скоро ушли отъ Хрюковыхъ? Что не погостили?

Улита Прохоровна.

Аль я вамъ надоѣла?

Анна Павловна.

Нѣтъ, тетенька! Я такъ спрашиваю.

Улита Прохоровна.

Ушла я отъ безобразія, отъ ихняго. Тамъ теперь не то что постороннимъ, и своимъ-то приходится бѣжать изъ дому. Старикъ сыновей гонитъ; домъ хочетъ заново отдѣлывать, чтобъ ему одному жить.

Анна Павловна.

Зачѣмъ же?

Улита Прохоровна.

Говорятъ, жениться хочетъ.

Анна Павловна.

Въ шестьдесятъ-то лѣтъ?

Улита Прохоровна.

Да развѣ для нихъ законъ какой писанъ! Что чудно́й, то и дѣлаютъ. Спальню да женину уборную штофомъ да бархатомъ обиваетъ, на окна кружевныхъ занавѣсокъ накупилъ.

Анна Павловна.

Кто-жъ за него пойдетъ?

Улита Прохоровна.

Пойтить-то пойдутъ. Которая за деньги, а другую сиротку и такъ отдадутъ, не спросясь. Сыновья теперь по квартирамъ разъѣзжаются. Срамъ! Изъ своего-то дома! Я старику говорила: «жила я въ княжескихъ и въ графскихъ домахъ, нигдѣ такого безобразія не видала».

Анна Павловна.

Что же онъ?

Улита Прохоровна.

Извѣстно, что. Обругалъ, какъ нельзя хуже. Чего-жъ отъ него ждать-то!

Анна Павловна.

Интересно бы узнать, кто его невѣста.

Улита Прохоровна.

Какъ же, узнаешь. Онъ прескрытный старичишко! Его мыслей никто не знаетъ. Ужь такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна.

Куда же вы? Посидите!

Улита Прохоровна.

Ну вотъ еще! Я васъ и такъ часто вижу. Пойду гдѣ нибудь въ чужихъ людяхъ пообѣдаю; все-таки вамъ расходу меньше. А коли хорошо примутъ, такъ и погощу. Вонъ, къ вамъ Хрюковъ идетъ. Какого ему еще рожна нужно! Я съ нимъ и встрѣчаться-то не хочу, я черезъ кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна.

Прощайте, тетенька! (*Улита Прохоровна уходитъ въ боковую дверь, входитъ Хрюковъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Павловна и Хрюковъ.

Хрюковъ.

Здраствуй, душа моя!

Анна Павловна.

Здраствуйте! Садитесь!

Хрюковъ.

И безъ просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять передъ тобой? Ужь это много чести для тебя. (*Садится*). А чтожъ крапивное-то сѣмя вчера не приходилъ, вѣдь я ему приказывалъ.

Анна Павловна.

Папенька нездоровъ.

Хрюковъ.

Съ перепою, должно быть?

Анна Павловна.

Какъ вамъ не стыдно! что вы говорите!

Хрюковъ.

То и говорю, что знаю. Ужь есть ли такихъ пьяницъ, какъ стракулистовъ! Въ самомъ дѣлѣ чтоль боленъ?

Анна Павловна.

Теперь поправляется.

Хрюковъ.

А кляузы строчить можетъ?

Анна Павловна.

Онъ спитъ теперь. Какъ проснется, тогда съ самимъ поговорите.

Хрюковъ.

Ну чтожъ, этотъ, какъ его? Женихъ-то вашъ? Нашелъ денегъ?

Анна Павловна (*печально*).

Нѣтъ.

Хрюковъ.

И вы-то хороши! Отдаете за голоногаго за какого-то! Польстились, что молодъ. Вы бы лучше, хоть постарше, да попристойнѣе искали.

Анна Павловна.

Намъ и этотъ хорошъ.

Хрюковъ.

Сядетъ онъ на вашу шею. Еще наплачетесь съ нимъ.

Анна Павловна.

Тамъ, что Богъ дастъ. Ужь это дѣло рѣшеное.

Хрюковъ.

Зять-то бы кормить долженъ семью, а тутъ ему денегъ подавай. И пойдете побираться по знакомымъ, занимать у того и у другаго.

Анна Павловна.

Они будутъ совсѣмъ обезпечены; папенька имъ домъ купилъ.

Хрюковъ.

Слышалъ я, слышалъ. У меня жъ денегъ-то брали. Ужь и домъ! Стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.

Анна Павловна.

По деньгамъ и домъ.

Хрюковъ.

Разумѣется. Не каменныя же палаты вамъ на двѣ-то тысячи купить?

Анна Павловна.

И двѣ-то тысячи насилу набрали. Теперь бы намъ только триста рублей на короткое время призанять.

Хрюковъ.

Знаю я это короткое-то время. Дай я вамъ теперь триста рублей—черезъ недѣлю еще столько же просить придете; а то такъ и больше.

Анна Павловна.

Не придемъ. И эти деньги возвратимъ вамъ съ благодарностію. Я вамъ ручаюсь за это.

Хрюковъ.

Ты ручаешься? А что съ тебя взять-то?

Анна Павловна.

Я вамъ словомъ ручаюсь.

Хрюковъ.

А что изъ твоего слова сдѣлаешь? Шубу не сошьешь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

Анна Павловна.

Что это значитъ? Какъ чувствовать?

Хрюковъ.

Такъ и чувствовать. Уважать своихъ благодѣтелевъ: вотъ какъ чувствовать.

Анна Павловна.

Мы васъ и уважаемъ, и будемъ уважать.

Хрюковъ.

А вотъ посмотрю я! (*Подходитъ. Гладитъ по головѣ Анну Павловну*). Ишь ты, какъ гладко причесана: во-

лосокъ къ волоску! Такъ много ли жъ тебѣ денегъ-то нужно?

Анна Павловна.

Триста рублей.

Хрюковъ.

А двѣсти нельзя?

Анна Павловна.

Нѣтъ, нельзя.

Хрюковъ.

Двухъ сотъ не возьмешь?

Анна Павловна.

Возьму, только еще сто рублей надобно занимать будетъ.

Хрюковъ.

Ужь такъ будто нужно ровно триста, ни копѣйки меньше.

Анна Павловна.

Нужно ровно.

Хрюковъ.

Ну, а ежели я дамъ двѣсти девяносто?

Анна Павловна.

Сколько бы ни дали, мы будемъ вамъ благодарны. Только мнѣ нужно ровно триста.

Хрюковъ.

Ужь такъ въ обрѣзъ? Чудно что-то! (*Смѣется*). Капрызъ!

Анна Павловна.

Ничуть не капризъ.

Хрюковъ.

Ну да чтожъ! Я и капрызъ твой уважу. (*Вынимаетъ бумажникъ*). Вотъ они, деньги-то! Хочешь, всѣ отдамъ?

Анна Павловна.

Не нужно мнѣ.

Хрюковъ.

Что больно горда! Другая бы взяла, право взяла. Есть такія. Да и ты глупа, что не берешь. Могу жертвовать. Эй, бери: а то спрячу.

Анна Павловна.

Вы мнѣ дайте только то, что я прошу у васъ.

Хрюковъ.

На, возьми сама, сколько нужно. (*Подаетъ бумажникъ*).

Анна Павловна.

Нѣтъ, зачѣмъ! Вы сами дайте.

Хрюковъ.

Триста?

Анна Павловна.

Триста.

Хрюковъ.

Я могу тебѣ и больше дать.

Анна Павловна.

Ни больше, ни меньше.

Хрюковъ.

Ну, право возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь бери. Хочешь пятьсотъ — пятьсотъ бери. Я денегъ не жалѣю; а для тебя хошь всѣ отдамъ.

Анна Павловна.

Мнѣ нужно только триста.

Хрюковъ.

Триста да триста! Наладила! (*Кладетъ деньги на*

столъ). Ну, на̀ тебѣ твои триста! Я съ тебя и росписки не беру.

Анна Павловна *(встаетъ и кланяется)*.

Вы меня такъ одолжили, Филимонъ Протасьичъ, что я и не знаю, какъ благодарить васъ! Вы будьте увѣрены, что при первой возможности мы вамъ заплатимъ.

Хрюковъ.

Что мнѣ крайность что ли въ деньгахъ-то! Хошь и не заплатишь—не раззорюсь.

Анна Павловна.

Вы, конечно, не раззоритесь, да мы-то должны отдать долгъ.

Хрюковъ.

А, можетъ, я прощу.

Анна Павловна.

Вы насъ обидите.

Хрюковъ.

Все ты не то толкуешь! Вотъ видишь ты, я на деньги все могу имѣть и все имѣлъ, то есть всякое удовольствіе, и любили меня всякія красавицы, да все изъ такого круга, что образованія никакого нѣтъ, ну, — и скромности. Чтобы по благородному вести себя, такъ не умѣютъ. А мнѣ надо, чтобъ по благородному, потому это самое необразованіе мнѣ надоѣло.

Анна Павловна.

Не понимаю я васъ.

Хрюковъ *(тихо)*.

Чего тутъ не понимать-то! Ну, просто тебѣ говорю, осыплю тебя золотомъ, да и все тутъ.

Анна Павловна

Что такое?

Хрюковъ.

Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна.

Что вы говорите?

Хрюковъ.

А вотъ что! Ты мнѣ понравилась. Если ты меня полюбишь, такъ я всему вашему семейству могу благодѣтелемъ быть. Въ экономки ко мнѣ хочешь?

Анна Павловна.

Какъ вы смѣете такія вещи говорить!

Хрюковъ.

Тише, я тебѣ говорю! Что шумишь? Услышитъ кто нибудь. И этихъ денегъ съ васъ не потребую и еще дамъ, сколько хочешь. Вотъ онъ, бумажникъ-то, со мной!

Анна Павловна *(бросаетъ деньги)*.

Возьмите ваши деньги и ступайте вонъ!

Хрюковъ *(поднимаетъ деньги)*.

Что ты бросаешь?—вѣдь это не щепки. Что ты развоевалась!

Анна Павловна.

Подите вонъ, я вамъ говорю!

Хрюковъ.

Постой! Развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ? Я тебѣ обиднаго не сказалъ. На все это есть твоя воля: хочешь—ладно; не хочешь, такъ и скажи: тебя никто не принуждаетъ. За чтожъ тутъ обижаться. *(Входитъ Оброшеновъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Павловна, Хрюковъ и Оброшеновъ.

Оброшеновъ.

Аннушка, что съ тобой? Что съ тобой, моя мѝлая?

Анна Павловна.

Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, что онъ говоритъ! Я уйду, я не могу видѣть его.

Оброшеновъ.

Погоди, погоди! Благодѣтель мой! За что же дѣвушку-то обижать! Ну, я таковскій, ужь надо мной бы надъ однимъ и тѣшили свою душу. А она къ этому непривычна: я ихъ берегъ, лелѣялъ, обижать никому не позволялъ.

Хрюковъ.

Что ты ее слушаешь! Она вретъ. Я ей ничего обиднаго не сказалъ. Вольно ей горячиться-то! Ишь, она какая сердитая у тебя!

Оброшеновъ.

Ужь даромъ она, благодѣтель мой Филимонъ Протасьевичъ, не разсердится. А вы вотъ что! Попросите у ней извиненія за невѣжество, ручку поцѣлуйте, какъ слѣдуетъ у барышни, она васъ и проститъ по своей ангельской добротѣ. Хе-хе-хе! Такъ вѣдь я говорю, Аннушка?

Хрюковъ.

Ручку поцѣлуйте! Выдумывай еще! Ты слушай, старая тетеря! Мои резонты слушай! Долженъ ты мнѣ много! Теперь она еще проситъ триста рублей. Чтожъ у меня для васъ, яма бездонная что ли денегъ-то приготовлена?

Оброшеновъ.

Такъ не давайте! А зачѣмъ обижать-то?

Хрюковъ.

Не давайте! А я вотъ хочу дать. Да ты слушай! Дѣвушка она въ лѣтахъ, замужъ не пойдетъ, поведенья скромнаго; а мнѣ это и нужно. Пусть переѣзжаетъ ко мнѣ въ экономки. Обиды ей не будетъ и вамъ всѣмъ будетъ хорошо.

Анна Павловна.

Ну, вотъ слышите, папенька, что онъ говоритъ. Можно это слушать равнодушно? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оброшеновъ и Хрюковъ.

Оброшеновъ.

Не ждалъ я, Филимонъ Протасычъ, отъ васъ, отъ благодѣтеля, такого сраму на свою сѣдую голову.

Хрюковъ.

Какой тутъ страмъ! Мнѣ страмъ, что я съ вами связался. Я ей добра желалъ, а она обидѣлась; еще пожалуй разсказывать будетъ. Значитъ, разговоръ пойдетъ; и будетъ страмъ для меня, а не для васъ. Про меня пойдетъ мораль; а вамъ что?

Оброшеновъ.

А если про насъ будутъ говорить, значитъ вамъ до этого дѣла нѣтъ!

Хрюковъ.

Сравнялъ ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя съ дочерьми съ твоими какъ хочешь дурно разговаривай, такъ въ этомъ важности ровно никакой нѣтъ.

Потому цѣна вамъ всѣмъ грошъ. А я человѣкъ извѣстный. Понялъ ты?

Оброшеновъ.

Мнѣ цѣна грошъ, я и не спорю; а дочерей моихъ я не позволю обидѣть ни за милліоны. Тебѣ честь дорога, а мнѣ дороже твоего.

Хрюковъ.

Что за честь, коли нечего ѣсть! Видимая твоя бѣдность, или нѣтъ? Всякому видимая. Я тебѣ жъ, убогому, помочь хотѣлъ; ты бы долженъ это чувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорятъ дурно. Поговорятъ да и перестанутъ.

Оброшеновъ.

Я чести своей не продавалъ; слышишь ты, не продавалъ!

Хрюковъ.

Да что за безчестье, что дочь твоя будетъ жить въ моемъ домѣ! Развѣ только скажутъ, что она любовница моя. Такъ и то не бѣда. Всякій умный человѣкъ разсудитъ, что она это отъ бѣдности.

Оброшеновъ.

Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого отъ меня еще не слыхивалъ, такъ вотъ слушай теперь! Ты думалъ, что я шутъ! Ну да, я шутъ и есть, только за дочерей убью, всякаго убью. (*Хватаетъ стулъ*).

Хрюковъ.

Скотина не узнала своего господина. Что ты повредился что ли? Ты мнѣ деньги-то отдай, которыя забралъ.

Оброшеновъ.

Отдамъ, отдамъ...

Хрюковъ.

А за грубость я тебя въ сибирку посажу.

Оброшеновъ.

Я самъ съ тебя безчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюковъ.

Держи карманъ-то! Свидѣтелевъ не было. Ты деньги-то принеси! (*Уходитъ*).

Оброшеновъ (*вслѣдъ ему*).

Принесу, завтра же принесу. (*Входятъ Анна Павловна и Вѣрочка*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Оброшеновъ, Анна Павловна и Вѣрочка.

Анна Павловна.

Папенька, успокойтесь! Не разстраивайте себя.

Вѣрочка.

Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшеновъ (*въ изнеможеніи садится на стулъ*).

Ахъ ты анаѳема! Нѣтъ, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, такъ съ голоду умрешь. Надо сейчасъ денегъ доставать. Сашѣ нужно, да этому лѣшему отдать. Вотъ отдохну и побѣгу.

Анна Павловна.

Куда вы, папенька, пойдете? Вы такъ слабы. Вы у кого хотите просить денегъ-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшеновъ.

Что ты! Можно ли это? Позволю я тебѣ идти, милостыню просить! Чтобъ опять такая же исторія вышла.

Вѣрочка.

Саша сходитъ.

Оброшеновъ.

И ему нельзя, стыдно,—онъ молодой человѣкъ. А мнѣ ничего не стыдно; у меня ужь давно стыда нѣтъ. Я бы теперь укралъ для васъ и не постыдился бы. — Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то, послѣ этой ссоры, онъ меня со свѣту сживетъ.

Анна Павловна.

Много вы ему должны, папенька?

Оброшеновъ.

Много. Не раздѣлаться всю жизнь. Все по роспискамъ: ужь нѣкоторымъ и срокъ вышелъ. Надо его уклонять какъ нибудь, чтобы вмѣсто денегъ хоть документъ взялъ на годъ срокомъ. Будемъ выплачивать понемногу.

Анна Павловна.

Вотъ несчастіе-то!

Оброшеновъ.

Пугнулъ я его, а теперь ужь и самому страшно. Кругомъ я обязанъ человѣку, пропасть долженъ и вдругъ выгналъ изъ дому, убить хотѣлъ. Кого? Благодѣтеля своего.

Анна Павловна.

Онъ, папенька, стоилъ этого.

Оброшеновъ.

Стоилъ-то стоилъ. Его бъ отсюда не въ дверь, а въ окно надо было проводить! Да то-то вотъ, Аннушка,

душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ благородному человѣку; а теперь вотъ и струсилъ. Бѣдность-то насъ изуродовала. Тебя оскорбляютъ, ругаются надъ дѣтьми твоими; а ты гнись да гнись, да кланяйся. Покипитъ сердце-то, покипитъ, да и перестанетъ. Вотъ, что я сдѣлалъ дурнаго? Вступился за дочь, выгналъ невѣжу вонъ. Чтожъ бы я былъ за отецъ, еслибъ этого не сдѣлалъ? Кто жъ допуститъ такое нахальство въ своемъ домѣ? Стало быть, я хорошо сдѣлалъ, что прогналъ его; а у меня вотъ отъ страху ноги трясутся. Вотъ такъ и жду, что онъ пришлетъ за мной. А вѣдь надо будетъ идти; упрямиться-то нельзя; надо будетъ кланяться, чтобъ пообождалъ немного. А сколько брани-то я отъ него услышу! Какъ въ глаза позорить-то станетъ! А мнѣ и языкомъ пошевелить нельзя. Нагни голову, да слушай! Ужъ онъ теперь дома,—далёко ль ему, только черезъ улицу перейти. Пришлетъ! Чувствуетъ мое сердце, что пришлетъ! *(Входитъ Молодецъ отъ Хрюкова)*. Ты за чѣмъ?

Молодецъ.

Филимонъ Протасьичъ приказали вамъ сейчасъ придти къ нимъ.

Оброшеновъ.

Зачѣмъ?

Молодецъ.

Это, выходитъ, я не знаю; а только приказывали, чтобъ сейчасъ.

Оброшеновъ.

Чтожъ! Надо идти. Право, лучше идти. Скажи, что сейчасъ буду. *(Молодецъ уходитъ)*. Подай шляпу! *(Вѣрочка подаетъ)*. Пойду! *(Входитъ Гольцовъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оброшеновъ, Анна Павловна, Вѣрочка и Гольцовъ.

Оброшеновъ.

Вотъ, Саша, бѣда у насъ, право, бѣда!

Гольцовъ (*не слушая*).

Денегъ не достали-съ?

Оброшеновъ.

Какія тебѣ деньги! Съ меня съ самого долгъ тянутъ. Вотъ сейчасъ иду умаливать, чтобъ подождали.

Гольцовъ (*схватывается за голову*).

Ахъ, Боже мой!

Оброшеновъ.

Что ты, Саша, что ты?

Гольцовъ.

Сейчасъ письмо получилъ-съ.

Оброшеновъ.

Какое?

Гольцовъ (*тихо*).

Этотъ помѣщикъ, чьи я деньги затратилъ, черезъ два дни будетъ въ Москвѣ.

Оброшеновъ.

Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вотъ я сбѣгаю по своему дѣлу, а ты тутъ подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь объ этомъ! А я ворочусь, потолкуемъ: можетъ быть, что и придумаемъ. Ну, прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Павловна, Вѣрочка и Гольцовъ.

Вѣрочка (*цѣлуя Гольцова*).

Здраствуй, Саша! Ты ужь и не видишь меня.

Гольцовъ.

Здраствуй, Вѣрочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна.

У меня сейчасъ въ рукахъ были триста рублей, да я ихъ сама назадъ отдала.

Гольцовъ.

Что же вы сдѣлали! Вѣдь я погибаю.

Анна Павловна.

А вы бы послушали, съ какимъ гнуснымъ предложеніемъ мнѣ ихъ давали!

Гольцовъ.

Неужели-съ? Ну, разумѣется, взять нельзя-съ. Кто же это?

Анна Павловна.

Старикъ Хрюковъ.

Гольцовъ.

Вы бы ему въ лицо ихъ бросили!

Анна Павловна.

Я такъ и сдѣлала.

Вѣрочка.

Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна.

Нечего тебѣ и понимать-то, душа моя.

Вѣрочка.

Что онъ такое обидное тебѣ сказалъ? Папенька разсердился, ты тоже

Анна Павловна.

Совсѣмъ не нужно тебѣ знать этого, Вѣрочка.

Вѣрочка.

Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна.

Ну, изволь! Онъ хотѣлъ, чтобъ я пошла къ нему въ экономки.

Вѣрочка.

Ахъ, сестрица! Какъ же онъ смѣлъ! Вѣдь это все равно, что въ услуженіе идти и жалованье отъ него получать?

Анна Павловна.

Ну да, да!

Вѣрочка.

За дѣло его папенька прогналъ.

Анна Павловна.

Такъ вотъ, Александръ Петровичъ! А мы ему должны очень много; онъ теперь деньги требуетъ. Вотъ какое положеніе.

Гольцовъ (*тихо*).

А мое-то положеніе! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна.

Что вы! Что вы! А Вѣрочка-то!

Гольцовъ.

Только она-съ, а то бы кончено дѣло.

Анна Павловна.

Что вы! Страшно слушать.

Гольцовъ.

А каково мнѣ будетъ, какъ выгонятъ изъ суда, да осрамятъ на всю Москву, да судить будутъ, какъ вора!

Вѣрочка.

Что вы шепчетесь! Должно быть, что нибудь не хорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна.

Ты сама знаешь, что дѣла наши очень плохи.

Вѣрочка (*хватаясь за Гольцова*).

А онъ! Съ нимъ ничего не будетъ? Онъ съ нами останется?

Гольцовъ (*закрывая лицо руками*).

Я не знаю, Вѣрочка, гдѣ я буду.

Вѣрочка (*Кидается ему на шею*).

Саша! Саша! (*Голосъ Оброшенова за сценой: «Молитесь Богу! Молитесь Богу!» — Вбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Павловна, Вѣрочка, Гольцовъ и Оброшеновъ.

Оброшеновъ.

Молитесь Богу! Молитесь Богу!

Анна Павловна.

Что вы, папенька?

Оброшеновъ.

Аннушка! Аннушка! (*Гольцову и Вѣрочкѣ*). Вы! Становитесь! Оба становитесь на колѣна! И я стану. (*Хочетъ становиться на колѣни*).

Анна Павловна.

Папенька, что вы дѣлаете?

Оброшеновъ.

Ты наша спасительница! Ты! Нѣтъ, еще не все! Что же я обрадовался! Еще не все. Нѣтъ, я стану передъ тобой на колѣна.

Анна Павловна.

Ахъ, папенька! Что вы это! Зачѣмъ?

Оброшеновъ.

Просить тебя, просить великое дѣло для насъ сдѣлать. И вы становитесь! Вотъ она! Она одна можетъ.

Анна Павловна.

Я ничего не понимаю.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, я стану... Это стóитъ, чтобъ стать на колѣна. Злодѣй твой не станетъ того просить, что отецъ просить будетъ.

Анна Павловна.

Вы меня пугаете.

Оброшеновъ.

Будь тверже, Аннушка, будь тверже! Хрюковъ проситъ руки твоей и двадцать тысячъ на приданое даетъ. Падайте! Аннушка! Пáдаемъ, пáдаемъ къ ногамъ твоимъ (*хочетъ стать на колѣни*).

Анна Павловна (*удерживаетъ его*).

И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нѣтъ. Вы больны, вы стары: вамъ нуженъ покой А вы для насъ работаете, убиваете послѣднія силы... Я буду имѣть возможность ходить за вами, покоить васъ, баловать, какъ малаго ребенка... и вы подумали, что я откажусь отъ этого (*обнимаетъ Вырочку*). И ее, мою куклу, я могу рядить во что мнѣ захочется, могу ее тѣшить, доставлять ей удовольствія... И я откажусь!

Папенька, что вы! Я умереть для васъ готова, только бы вы были счастливы!

Оброшеновъ.

Да, да, да! Я такъ и зналъ. Вотъ она дочь-то какая! Вотъ съ такими дочерьми хорошо жить на свѣтѣ! Ну, спасибо тебѣ! Спасибо! (*цѣлуетъ ее*). Вотъ я здоровъ и веселъ. Я и плясать буду на твоей свадьбѣ.

Вѣрочка.

А чтожъ онъ давеча-то говорилъ: въ экономки?

Оброшеновъ.

Да, да! Я его бранилъ за это. Ужасъ, какъ бранилъ! А онъ говоритъ: я шутилъ, я только испытать хотѣлъ. Я, говоритъ, ужь давно жениться задумалъ за непочтеніе дѣтей. И много невѣстъ смотрѣлъ, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говоритъ, я шутилъ, шутилъ; пусть не сердится: я шутилъ съ ней.

Вѣрочка.

Что это съ нами все шутятъ?

Анна Павловна.

А вотъ, Вѣрочка, будемъ жить богато да весело; а главное не будемъ ни въ комъ нуждаться, такъ перестанутъ надъ нами шутить.

Оброшеновъ.

Перестанутъ, милые мои, родные мои, перестанутъ!

ВОЕВОДА.

(СОНЪ НА ВОЛГѢ).

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ВОЕВОДА.

(СОНЪ НА ВОЛГѢ.)

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПРОЛОГЪ.

ЛИЦА:

ЕЧАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШАЛЫГИНЪ, воевода.
ОБЛѢЗЛОВЪ, подъячій, товарищъ воеводы.
СЕМЕНЪ БАСТРЮКОВЪ, богатый дворянинъ, бывшій Губной староста.
СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ, его сынъ.
НЕУСТРОЙКО, ключникъ } воеводы.
БЕЗСУДНЫЙ, шутъ }
НЕЖДАНЪ, земскій староста.
РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ, бѣглый посадскій.
ВЛАСЪ ДЮЖОЙ, богатый посадскій.
НАСТАСЬЯ, жена его.
СМИРНОЙ, } посадскіе изъ лучшихъ людей.
ДРУЖИНА, }
ПЕСМѢЯНОВЪ, старикъ.
БРУСЕНИНЪ, } посадскіе изъ среднихъ людей.
ЦАПЛИНЪ, }
ТЫРА, }
БАИМЪ, стрѣлецкій сотникъ.
ГРИШКА ЖИЛКА, отставной подъячій.
РѢЗВЫЙ, слуга Бастрюкова.
БИРЮЧЪ.
ДВОРЯНЕ, ДѢТИ БОЯРСКІЕ, ПОСАДСКІЕ, СТРѢЛЬЦЫ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, ВОЕВОДСКІЕ СЛУГИ И ВСЯКІЙ НАРОДЪ. СЛУГИ БАСТРЮКОВА.

Площадь въ городѣ. Налѣво ворота воеводскаго двора, нѣсколько узкихъ домовъ, въ углу проѣздъ въ городскія во-

рота, на заднемъ планѣ гостиный дворъ съ лавками; за нимъ городская стѣна, которая постепенно понижается къ правому углу. Черезъ стѣну видна Волга и ея берегъ; направо, на первомъ планѣ, Приказная изба, подъ ней лавки, далѣе, на небольшомъ возвышеніи, низкая каменная ограда и ворота съ тремя каменными ступенями; далѣе спускъ и видны крыши домовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ на Волгѣ, въ половинѣ XVII столѣтія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ и Тыра стоятъ противъ воеводскихъ воротъ. Посадскіе и народъ въ глубинѣ. Выходятъ изъ воротъ съ посада: земскій староста, Смирной и Дружина, и становятся у Приказной избы ближе къ авансценѣ; всѣ имъ кланяются. Изъ Приказной избы выходитъ Бирючъ, надѣваетъ шапку на длинную палку и поднимаетъ ее вверхъ; ребятишки окружаютъ его и смотрятъ ему въ глаза, разиня ротъ.

Голоса.

Бирючъ идетъ, бирючъ. Снимайте шапки!

Бирючъ.

Слушайте—послушáйте, государевы люди, старшіе и меньшіе, и всякаго чина людъ, отъ мала и до велика! По Великаго Государя наказу, вѣдомо вамъ буди, чтобы вы посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе разбойниковъ и татей и смертныхъ убойцевъ и вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей у себя не таили и не держали и, имая ихъ, приводили къ воеводѣ. А буде-жъ вы, посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди и сотскіе и пятидесятскіе и де-

сятскіе, забывъ страхъ Божій и не помня душъ своихъ учнёте разбойниковъ и татей и убойцевъ и вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей у себя держать и таить и понаровки имъ чинить; а послѣ того тѣ воры и вѣдуны въ сыску будутъ мимо васъ, и учнутъ на васъ говорить, что вы ихъ знали и воровство за ними вѣдали, и, вѣдая то ихъ воровство, таили и ихъ укрывали и про нихъ не объявливали, и тѣмъ людямъ, кто такихъ воровъ учнетъ укрывать и у себя держать и воровство ихъ таить, отъ Великаго Государя быть въ смертной казни, безо всякаго милосердія, а дворы и животы взяты будутъ на Великаго Государя безповоротно и розданы въ исцовы иски *(идетъ къ посаду, дѣти за нимъ)*.

Тыра.

Проваливай подалѣ, мы слыхали!

Брусенинъ.

Не пёрвой разъ, не новая новинка!

Цаплинъ.

Мы думали, что свѣжи, анъ все тѣ же.

Земскій староста.

Разбойниковъ и татей и убойцевъ
Въ посадѣ нѣтъ, разбойничья пріѣзду
Не держимъ мы; такъ нѣ по-что и кликать.

Смирной.

Да кличь не кличь, немного проку будетъ,
Коль не ловить. По селамъ, по деревнямъ
Разбойники и днемъ и ночью грабятъ,
По пустошáмъ становятся станами,
Имать бы ихъ!

Дружина.

Твоими бы устами
Да меду пить! А кто имать-то будетъ?
Стрѣльцовъ у насъ, людей служилыхъ мало,
Шалыгину и на посадѣ дѣла
Довольно есть.

Староста.

Ему бы и искать-то.

Смирной.

Не до воровъ ему, помнишь любитъ...
И сысканыхъ-то въ люди распускаетъ.
Беретъ на нихъ и сто рублевъ, и больше.

Дружина.

А я скажу, что воевода сыщикъ
Лихой у насъ. Онъ дѣвокъ на посадѣ
Да по клетямъ добро какъ разъ разыщетъ,
Не утаишь.

Смирной.

Потянетъ, такъ безъ сыску
И самъ отдашь, пустилъ бы только душу
Покаяться. Терпѣнья намъ не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина.

Храни Господь, помилуй!
Отъ рукъ его никто не упасется:
Воровъ беретъ изъ тюремъ, научаетъ
Поклепомъ насъ посадскихъ обносить.
Ты ничего не вѣдаешь, не знаешь.
А онъ по воровской язычной молвкѣ
Беретъ тебя безъ сыску и пытаетъ
Безъ царскаго указу, — мукой мучитъ,
Огнемъ палитъ.

Смирной.

Да съ пытокъ-то помники
Беретъ на насъ, на выкупъ выпускаетъ,
Испродаетъ напрасно.

Дружина.

Обижаетъ
Два года насъ. Довольно потерпѣли,
Пора писать и челобитье.

Староста.

Слышу
Давно ужъ я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дѣла нѣтъ.

Смирной.

Москва намъ дорога,
Дойметъ тебя московской волокитой.

Староста.

Ну, братъ, ау! Коль завязалась драка,
Такъ не жалѣй волосъ. Во чтобъ ни стало,
Ужь только бы избыть его отъ насъ:
Московскіе убытки разверстаемъ.

Дружина.

Пойдемъ въ избу: всѣмъ міромъ потолкуемъ.
Сберемъ головъ таможенныхъ, кабацкихъ.

Староста.

Онъ солонъ имъ своимъ примётомъ, лѣзетъ
Во всѣ дѣла.

Смирной.

Да выборныхъ обрать,
Кого въ Москву отправить съ челобитьемъ.

Дружина.

А кто жъ писать?

Староста.

Дьячокъ напишетъ земскій.
Опять бы намъ Губныхъ.

Смирной.

Не Бастрюкова ль?

Староста.

Онъ намъ родной, мы сами выбирали,
А воеводъ не вѣсть откуда шлютъ.

Дружина.

Да мало ль что: мы жили за Губными,
Чего бы намъ, и умирать не надо;
Такъ ссорились, да воеводъ просили.

Староста.

Теперь и близко локоть,—не укусишь.
Ты подожди, еще Губныхъ мы вспомнимъ
И вспачемся объ нихъ, да поздно будетъ.

(Уходятъ на посадъ. Отворяются воеводскія ворота, выходятъ ключникъ Неустройко съ палкой и слуги съ метлами).

ЯВЛЕНІЕ II.

Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, Неустройко, слуги и народъ.

Неустройко.

Живѣй, живѣй! Сейчасъ пойдетъ бояринъ
Въ соборъ съ гостьми. Чтобъ у меня кипѣло!
Зѣвать не дамъ; расправа недалеко!

(Грозитъ палкой).

Примусь учить, такъ небу жарко будетъ.
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медвѣдь ученый.

Одинъ изъ слугъ.

Какъ еще работать!
Гуляемъ что ль? А ты возьми-ко метлу,
Да помети, чѣмъ лаять занапрасно.

Неустройко.

Разинулъ пасть-то! Цыцъ! Не въ дармоѣдахъ,
Не то-что вы, живу у государя:
Я день-деиской, какъ отымалка, мучусь,
На части рвусь, куска не доѣдаю.
А вамъ одна забота: завалиться
Подальше гдѣ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнутъ бѣльма;
Молъ все равно, работай, не работай,
Накормятъ даромъ.

Тутъ же слуга.

Даромъ и побьютъ.

Тыра.

Ну, видно ихъ не больно жирно кормятъ:
У насъ въ посадѣ только и воруютъ
Что воеводскіе.

Несмѣяновъ.

Коль брюхо сыто,
Въ чужую клѣть за ѣжей не полѣзешь!

Брусенинъ.

Какіе воры, страсть! Концовъ не сыщешь,
И ни суда, ни правды нѣтъ на нихъ.

Тыра.

Какой тѣ судъ! Вѣстимо, воевода
Своихъ людей оправитъ. Самъ не кормитъ,
Харчей-то жаль, такъ воровскимъ и сыты:
Чужой-то хлѣбъ дешевле своего.

Неустройко.

Ты, смердъ, молчи!

Цаплинъ.

А ты что за помѣщикъ?
(Шутъ выбѣгаетъ изъ воротъ, держась за голову).

ЯВЛЕНІЕ III.

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ, Несмѣяновъ, Шутъ и народъ.

Шутъ.

Ой, ой, убилъ, убилъ, прошибъ до мозгу.
Проклятый пёсъ, паршивая собака!
Издохнуть бы тебѣ, какъ басурману!
И чтобъ ни дна тебѣ и ни покрышки.
Поганому. У! Волкъ тебя заѣшь!

Неустройко.

Что взлаялся, аль подзатыльникъ дали?

Шутъ.

Тебѣ-то что, холопья образина!
И онъ туда жъ *(передразниваетъ)*: «аль подзатыльникъ дали?»
Ай, батюшки! убилъ, убилъ по темю.
Костыль сломалъ, собака!

Неустройко.

Пожалѣетъ.

Шутъ.

Меня-то что ль?

Неустройко.

Нѣтъ, костыля-то.

Шутъ.

Дьяволъ! *(воетъ)*.

Тыра.

По лысинѣ вотъ этакъ ошарашитъ,
И до смерти уходитъ.

Цаплинъ.

Длинны руки
Поотростилъ! Держалъ бы покороче;
Ужь больно смѣлъ.

Брусенинъ.

Кого ему бояться:
Не мало онъ народу изувѣчилъ,
Да терпятъ все, даютъ ему повадку,
Не жалются въ Москву.

Несмѣяновъ.

Не испужаешь:
На трехъ дубахъ сидитъ, четвертымъ поднертъ.

Неустройко *(шуту)*.

Что воешь-то? Какой дѣтеныпъ малой!
Не всель равно тебѣ, какъ псу издохнуть
Подъ палкой ли, иль пьяному подъ тыномъ!

Шутъ.

Не приставай! Всего изъѣмъ зубами.

(Слуги смѣются).

А вамъ-то что смѣшно, холопье стадо?
Самихъ дерутъ, какъ сидорову козу,
У васъ самихъ увѣчья не проходятъ.

Тыра.

Влетѣло, братъ!

Цаплинъ.

Влилось!

Брусенинъ.

Попало ловко!

Тыра.

Не привыкать!

Цаплинъ.

Не въ первой разъ!

Брусенинъ.

Еще бы!

Тыра.

Ты къ носу три.

Цаплинъ.

До свадьбы заживетъ!

Шутъ.

Ну, подвернись которой, изувѣчу!
Коль въ волосы иль въ бороду вцѣплюсь,
Не выпущу; такъ вся въ рукахъ и будетъ,
Ни волоска живаго не оставлю.

Тыра.

Ну полно, ты! Мы шутимъ. Ты подумалъ,
Взаправду, что ль?

Цаплинъ.

Намъ что!

Брусенинъ.

Господь съ тобой!

Тыра.

Обиды нѣтъ тебѣ.

Цаплинъ.

Вѣстимо въ шутку
Языкъ чесать.

Брусенинъ.

Не трожь его, ребята!

Тыра.

А ты скажи намъ, милый человѣкъ,
За что, про что обиду терпишь?

Шутъ.

Даромъ.
Жениться чортъ задумалъ...

Тыра.

Такъ. Ну что-же?

Шутъ.

Дюжóва дочь облюбовалъ.

Цаплинъ.

Ну, знаемъ.

Шутъ.

Я съ дуру-то сболтни ему неладно,
Молъ старому жениться не надолго,
Да часто—молъ и не себѣ, а людямъ.
И я-то глупъ, шутить связался.

Тыра.

Вѣрно!
Ты съ тѣмъ шути, кто любитъ. Ну, и что-же?

Шутъ.

Какъ вскочитъ онъ, затресся, ровно Капиъ,
Какъ волкъ стучитъ зубами, словно угли
Глаза зажглись, сѣдая грива дыбомъ...

Видалъ ли ты, какъ окаянныхъ пишутъ
На папертяхъ?—Точь въточь.

Цаплинъ.

Какой бѣдовой!

Неустройко.

А вотъ пойти, да скаредныя рѣчи
Боярину явить; такъ не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтобъ до свѣжихъ
Не забывалъ. У насъ не долго!

Тыра.

Полно!
Доказчикомъ не будь. Доказчикъ первый
Подъ кнутъ идетъ.

Неустройко.

Бросай, робята! Будетъ!
Бояринъ вышелъ.

Шутъ.

Братцы, схороните!

Тыра.

Бѣги скорѣй, покуда не схватили,
Валяй во всѣ лопатки, не догонятъ.

(Шутъ убѣгаетъ).

Цаплинъ.

Стрѣлой летитъ. Держи его, робята!

(Хохотъ).

Брусенинъ.

На лошади, да развѣ на хорошой,
А на плохой ни за что не догонишь.

Тыра.

Какъ шкуру-то, робята, соблюдаетъ,
Дивй-бы бобръ сибирской, али соболь!

Цаплинъ.

Ему своя-то, надо быть, дороже.

(Входятъ Воевода, Облъзловъ нѣсколько дворянъ и боярскихъ дѣтей, сотникъ стрѣлецкій, нѣсколько стрѣльцовъ и слуга).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Воевода, Облѣзловъ, Баимъ, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, слуги и тѣже, и потомъ Гришка Жилка.

Воевода *(Облѣзлову).*

Ты говоришь, что мѣстомъ вышло. Вѣрно.
Во истину. *(Кланяется народу).* Здорово! Ты послушай!
Поѣхали мы звѣря погонять,
Гляжу: лиса катитъ изъ мелколѣсья
По вырубкѣ въ соснякъ, вотъ такъ и стелетъ,
Какъ желтый листъ по вѣтру. Вижу, дѣло
Выходитъ дрянь; уйдетъ, сплутуетъ. Надо
Заворотить, на перерѣзъ ударить.
Хлестнулъ коня по бедрамъ. *(Баиму).* Что за парень
Особнякомъ стоитъ? Коль нашъ—не трогай,
А кто чужой, такъ опроси построже.

(Баимъ отходитъ. Воевода, оборотясь къ Облѣзлову, продолжаетъ).

Проѣхалъ я шаговъ не больше съ сотню,
И вдругъ мой конь, какъ вкопанный, ни съ мѣста,
Какъ въ землю вросъ. Ужь я его и плетью,
И лаской, нѣтъ,—дрожитъ, трясется, уши
Насторожилъ. Я вижу, дѣло плохо.

(Сотникъ возвращается).

Какой-такой?

Сотникъ.

Изъ нашихъ, изъ рыбацкой!

Воевода.

Ну ладно. *(Облязлову)*. Вотъ я слѣзъ, перекрестился,
Обшолъ вокругъ три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошелъ, какъ надо.
Такъ вотъ и знай, что значитъ мѣсто.

Облѣзловъ.

Диво-ль
Въ большомъ лѣсу, гдѣ всяка нечисть бродитъ.
Въ своемъ саду я лѣтось заблудился
Средь бѣла-дня! Не мало мы дивились:
Брожу кругомъ, а выходу не вижу.
Такая страсть, что—Господи помилуй —
Не доведи впередъ, умрешь со страху.
Ужь я кричалъ—кричалъ, сошлись людишки
Да вывели.

(Входитъ Жилка и кланяется Воеводѣ въ ноги).

Воевода.

Всего бываетъ! Что ты?

Жилка.

И бьетъ челомъ, бояринъ, и являетъ
Твой сирота, былой подъячій Жилка.

Воевода.

О чемъ еще, анаѳема?

Жилка.

О боѣ
И грабежѣ денномъ и объ увѣчьѣ!

Воевода.

Которой разъ тебя увѣчатъ! Скоро-ль
Совсѣмъ убьютъ? Пора бы! Кто же грабилъ
И билъ тебя?

Жилка.

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Рѣзвый
Съ товарищи; они-жъ, бояринъ, воры,
И картами и зернью промышляютъ
И табакомъ, и воровское держатъ
И продаютъ, и бѣглыхъ укрываютъ,
И на посадъ насильствомъ въ харяхъ ходятъ
Съ потѣхами и съ пѣснями и съ зурны
И съ домрами, и скаредныя пѣсни
И срамныя поютъ и дѣйства дѣютъ,
Тебя-жъ обносятъ скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью...
Въ томъ жалоба моя тебѣ и явка.

Воевода

А грабежу?

Жилка.

Колпакъ да зипунишко.

Воевода.

За что — про что?

Жилка.

Да якобы съ тобою
Я, стакався составнымъ челобитьемъ,
Испродаю посадскихъ и убытчу,
Поклёпный искъ взвожу, корысти ради,
По твоему приказу.

Воевода.

Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сѣлъ ко мнѣ. Плутамъ заступникъ,
Оберегатель земской. Двумъ медвѣдямъ
Не жить въ одной берлогѣ. Челобитье

Въ избѣ подай мнѣ завтра. Мы посмотримъ,
Велимъ сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишекъ Бастрюкова
Не пощадимъ.

Жилка *(кланяется)*.

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидѣть!

(Воевода идетъ на ступени къ собору).

Голоса *(изъ заднихъ рядовъ)*.

Алтынникъ, несъ! Посульщикъ, кровопивецъ!
А крестъ на немъ, робята, есть, аль нѣту?
Наврядъ ли ужъ. Другой татаринъ лучше.

Воевода *(на ступеняхъ)*.

Кричатъ, а что: никакъ не разберу я.
Да вамъ чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда впередъ и говори!
Изъ-за людей не слышно. Что-жъ вы стали?
Ай молодцы! Вы смѣлые робята!
Изъ-за людей облаетъ и присядетъ.
Разинетъ пасть и тягу. Кукишь кажетъ
Изъ рукава, чтобъ люди не видали.
Чего же вамъ? Строптивъ, сердитъ я что ли?
Не милостивъ! Все это правда ваша,
Я не святой. — А знаете ли, дѣти,
Писаніе насъ учитъ покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптиваго послушать передъ Богомъ
Угоднѣе. Иль мнится вамъ, что власти
Людскимъ хотѣньемъ созданы? Что можно
Безъ власти жить? Что мы равны? Такъ знайте:
Звѣзда съ звѣздою разнствуетъ во славѣ,
Такъ на небѣ и на землѣ все также:

И старшіе, и младшіе, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И Господомъ вѣнчанные на царство
Великіе цари и государи.
За чиномъ чинъ по лѣствицѣ восходитъ
Отъ насъ къ царю и отъ царя до Бога.
И всяка власть отъ Бога. Власть не судятъ
Подвластные, а только царь, ему же
(Снимаетъ шапку)
Господь вручилъ насъ всѣхъ на попеченье.
Изъ-за чего намъ ссориться! Вы дѣти,
Я вамъ отецъ! Не лучше ль намъ любовью
И миромъ жить! Ходите по закону —
И вамъ цѣлѣй, и мнѣ милѣй! За что же
Браниться-то? Не хорошо. Не ладно.
(Киваетъ головой Баиму).
Пошарь-ко тамъ съ своими молодцами.
Не сыщешь ли кого изъ крикуновъ.
Да не зѣвай! Того, Баимъ, не бойся,
Что въ виноватыхъ правый попадется:
Не виноватъ,—укажетъ виноватыхъ.
Переловить, связать и запереть
Всѣхъ накрѣпко въ сторожню, тамъ разсудимъ.
(Уходятъ: Воевода, товарищъ и вся свита, кромѣ стрѣльцовъ. Баимъ и стрѣльцы ходятъ въ народѣ).

Голоса.

Чего тебѣ? Ты тише, не толкайся!
Что за напасть! Да что-жъ вы драться, что ли?
Робята, нашихъ бьютъ. Кричите шибче.

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

Сюда, сюда, робята, нашихъ бьютъ!
(Съ посаду бѣжитъ народъ. Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ; за ними пѣшіе слуги: Рѣзвый и другіе).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ, Слуги и прежніе.

Бастрюковъ Семенъ.

О чемъ шумятъ? Что дѣлятъ?

Бастрюковъ Степанъ.

На посадскихъ
Баимъ напалъ. Не уступай, робята!

Голоса.

Застой за насъ! Безвинно бьютъ и мучатъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Оставь, Баимъ!

Баимъ.

А ты что за указчикъ?
Велѣлъ сыскать ослушныхъ воевода,
И сыщемъ ихъ. Пока найдемъ да свяжемъ,
Не отступлю.

Бастрюковъ Семенъ.

А какъ всполохъ ударимъ
На весь посадъ, и ногъ не унесете!
Какъ примутся за колья, такъ держитесь.
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посаженъ воевода.
Сбирай стрѣльцовъ! *(посадскимъ)*: Робята, расходи-
тесь!
(Расходятся).
Не тронетъ васъ никто.

Баимъ.

Не ты въ отвѣтѣ,
А я: съ меня и спросятъ.

Бастрюковъ.

Ты не бойся,
Я самъ скажу въ соборѣ воеводѣ.
Пусть на меня и сердится, какъ хочетъ.
Иди со мной въ соборъ.

Баимъ.

За мной, робята!

(*Уходятъ: Бастрюковы, Баимъ, стрѣльцы; прислуга уводитъ лошадей; посадскіе идутъ къ городскимъ воротамъ: навстрѣчу имъ Власъ Дюжой и Настасья*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Власъ и Настасья и прежніе посадскіе.

Настасья.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра.

Какъ не видать.

Власъ.

Иди, какъ люди ходятъ.

Настасья.

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

Власъ.

Настасья!
Уймешься ты, аль нѣтъ?

Настасья.

Фу! Смерды!

Цаплинъ.

Шире
Народъ, навозъ плыветъ.

Настасья.

Да какъ ты смѣешь?
Ты страдникъ, смердъ! *(мужу)*: Доправь на немъ безчестье!
Ты знаешь, смердъ, я теща воеводѣ.

Брусенинъ.

Ну, какъ не знать!

Власъ.

Иди добромъ, Настасья,
Не постыжусь: при всемъ честномъ народѣ
Учить примусь.

Настасья.

Толкуй! ты самъ не знаешь,
Какая честь на насъ.

Тыра.

Отъ воеводы
Пристала къ вамъ?

Власъ.

Иди! Народъ смѣется.
Ишь срамъ какой! Вотъ съ дурой-то свяжися.
Такъ, Господи, и жизни-то не радъ.

Настасья.

Фу! Смерды! прочь!

Несмѣяновъ.

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.
(Власъ и Настасья уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Несмѣяновъ, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ и потомъ Дубровинъ.

Тыра.

Ишь дура-то, за воеводу дочку

Просватала, и думаетъ, что тоже
Боярыня; идетъ и ногъ не слышитъ.

Несмѣяновъ.

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старикъ живетъ, а жены молодыя
Все мрутъ да мрутъ. Диковина и только!
Тѣхъ женъ обѣхъ защекоталъ до смерти —
Отъ ревности: вотъ что холопы баютъ.
Не миновать и третьей.

Цаплинъ.

Защекочетъ,
Такъ не дадутъ четвертой, заговѣйся:
Закону нѣтъ, и попъ вѣнчать не станетъ.

Тыра.

Да ну его!

Несмѣяновъ.

Робята, не слыхали ль,
Что Худояръ на Волгѣ появился
И станомъ сталъ не вдалекѣ?

Цаплинъ.

Такъ что же!

Тебѣ-то чтожъ?

Несмѣяновъ.

Разбойникъ лютый, баютъ.

Тыра.

За чтожъ его разбойникомъ ты лаешь,
Не знаючи? Какой же онъ разбойникъ?
Кого разбилъ? Тебя?

Несмѣяновъ.

Меня не трогалъ,
Мнѣ грѣхъ сказать; не грабилъ, такъ не грабилъ.

*

Цаплинъ.

Такъ покажи другихъ!

Несмѣяновъ.

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбилъ, баютъ.

Тыра.

Ты бай, не бай — не наше это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщетъ:
А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

Несмѣяновъ.

А говорятъ, что въ Нижнемъ былъ пойманъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ, досталъ изъ печки уголь
И написалъ онъ лодку середь полу
Угленъ и сѣлъ, забралъ съ собой сидѣльцевъ,
Плеснулъ воды да въ Волгу и уѣхалъ.

(*Дубровинъ входитъ и осматривается.*)

Цаплинъ (*увидя Дубровина*).

Никакъ чужой? Чего онъ ищетъ?

Тыра (*подходя къ Дубровину*).

Парень,
Ты изъ какой Литвы, съ какой орды?
Отъ дѣла ты лытаешь, или дѣла
Нытаешь?

Цаплинъ.

Сватъ! Ты ближній, али дальній?

Тыра.

Какихъ родовъ, изъ коихъ городовъ?

Несмѣяновъ.

Не бѣглой ли? А можетъ, онъ, робята,

Коня укралъ, аль мужика убилъ.
Связать его!

Дубровинъ.

Эхъ, дѣдушка, за что же?
Ты пожалѣй меня! Связать не долго;
Вязать вяжи, да послѣ не тужи.
Я самъ даюсь; одинъ — не ратникъ въ полѣ,
И дерево одно — не темный лѣсъ.
Меня въ тюрьму; а сколько насъ на волѣ
Останется, ты всѣхъ не перевяжешь;
А у тебя домишко на посадѣ, —
Чай, бережешь отъ красныхъ пѣтуховъ, —
Со всѣхъ угловъ подпустятъ, — плохо дѣло.

Несмѣяновъ.

Ну, полно ты! Къ чему ты привязался!
Я пошутилъ, а ты и вправду.

Дубровинъ.

Полно,
Шутилъ ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Брусенинъ.

Братцы!
Я признаю его.

Цаплинъ.

И мнѣ знакомо
Обличье-то, а какъ назвать — не знаю.

Дубровинъ.

Я не боюсь и не таюсь: я бѣглый,
Посадскій вашъ, Романъ Дубровинъ.

Тыра.

Братцы,

И то вѣдь онъ. Два года не видались!
Ты гдѣ гулялъ?

Дубровинъ.

На бѣломъ свѣтѣ много
Привольныхъ мѣстъ — и Донъ, и Волга—мать.
Гдѣ я гулялъ—тамъ нѣтъ меня; теперя
Домой пришелъ.

Тыра.

Ты хочешь объявиться?

Дубровинъ.

Ну, нѣтъ, зачѣмъ! Съ женой бы повидаться.
Не знаешь, гдѣ жена?

Тыра.

У воеводы.

Дубровинъ *(хватается за голову)*.

Ужель къ нему попала?

Тыра.

Взялъ насильемъ,
Въ тюрьму сажалъ, а изъ тюрьмы да на домъ
Красавицу твою Олёну.

Дубровинъ.

Дьяволъ!
Ну, помни жъ ты! А что, жива, здорова?

Тыра.

Да говорятъ, все воетъ.

Дубровинъ.

Эко, братцы,
Житье мое! А выходу ей нѣту?

Цаплинъ.

На заперти.

Дубровинъ.

Ну, только мнѣ и надо.

Спасибо вамъ на добромъ словѣ, братцы.
Увидите жену, такъ поклонитесь!
Молъ-живъ еще и помнитъ. Воеводѣ
Скажи хоть ты (*Несмѣянову*), что собираюсь въ гости,
Чтобъ припасалъ, чѣмъ подчивать. Прощайте!

Несмѣяновъ.

Никакъ ушелъ? Поотлегло отъ сердца, —
Перепугалъ, проклятый. Чтожъ, робята,
Явить аль нѣтъ?

Тыра.

А намъ какое дѣло?
Какъ хочешь ты, а мы и знать не знаемъ.
Поди являй, а въ послухи не ставь —
Во всемъ запрусь.

Цаплинъ.

И я.

Брусенинъ.

Мы не видали.

Тыра.

Вотъ такъ-то, братъ! ты сѣвокъ, да неловокъ!
Помалчивай, такъ самъ цѣлѣе будешь.

(Выходятъ изъ собора: Воевода, Облъзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскіе, Баимъ, стрѣльцы, слуги. Посадскіе и народъ уходятъ въ глубину площади).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Воевода, Облѣзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскіе, Баимъ, стрѣльцы, слуги и прежніе посадскіе.

Воевода (*остановясь, не доходя воротъ*).

Два раза глупъ бываетъ человѣкъ:

Съ младенчества сперва, потомъ подъ старость:
Состарѣешь и поглупѣешь, разумъ
Отымется. Не даромъ люди стали
Учить меня. Ты думаешь, что дѣльно
Прикажешь что̀, а говорятъ — не ладно.
Плохая жизнь! И вижу самъ, что плохо;
Да какъ же быть? Одно и остается:
Коль старъ и глупъ, такъ умныхъ больше слушай.
Вотъ я велѣлъ переловить Банму
Ругателей, а Бастрюковъ наѣхалъ,
Прогналъ его, — что мы не дѣло, видишь,
Затѣяли, мятежъ заводимъ, буйство.
Челомъ ему за то, что надоумилъ
Насъ, дураковъ. Впередъ умнѣе будемъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Да чтожъ, и впрямь, затѣяли не дѣло.

Воевода *(смѣется)*.

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказалъ тебѣ, чегожъ еще! Не въ ноги жъ...
Другую рѣчь я поведу. Вотъ, видя,
Что глупъ-то я и старъ, большое дѣло
Безъ вашего, друзья мои, совѣту
Начать не смѣлъ. Что вы приговорите,
Тому и быть.

Облѣзловъ.

Нечай Григорьичъ, полно
Пытать-то насъ. Какіе мы совѣты
Дадимъ тебѣ! Ты самъ умнѣе всѣхъ.

Бастрюковъ Степанъ.

Не дураки и мы.

Бастрюковъ Семенъ.

Что смыслимъ, скажемъ.
Въ чемъ дѣло-то?

Воевода.

Не знаю какъ сказать!
Попуталъ грѣхъ. И молодыхъ и старыхъ
(снимаетъ шапку и кланяется).
Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, сѣдому
И стыдно бы, да человѣкъ я слабой,
Лѣтами старъ, за то душою молодъ.

Облѣзловъ.

Какой старикъ, ты лучше молодыхъ,—
И старъ, да дюжъ.

Воевода.

Безъ бабы не живется:
Грѣха боюсь,—такъ вздумалъ ожениться.

Облѣзловъ.

И въ доброй часъ.

Воевода.

И не о томъ бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюковъ Семенъ.

Что же
Жениться-то объ эту пору! Сколько
Тебѣ и жить-то! Было двѣ жены,
Чегожъ тебѣ! И третьей вѣкъ загубишь,
Коль женишься. Не дѣло, такъ не дѣло:
Тебѣ-то блажь, а молодежь-то сохнетъ
За стариками.

Воевода.

Вотъ что значитъ умъ-то!

Не вамъ чета. И слушать-то отрада.
Отъ умной головы совѣту много
Хорошаго. А васъ про что ни спросишь.
Отвѣту нѣтъ, а только другъ за друга
Хоронитесь; а у него какъ разъ
Уменъ отвѣтъ и скоръ. Развѣсьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Ужь если онъ, такой разумной, скажетъ,
Что не женись, Нечай Григорьичъ!—значитъ,
Что надобно жениться безпремѣнно.

Бастрюковъ Семенъ.

Ты на смѣхъ что-ль?

Воевода.

Какъ хочешь, такъ и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюковъ Семенъ.

Ладно жъ!
Припомни ты! Я сорокъ лѣтъ на службѣ,
Я сорокъ лѣтъ доспѣха боеваго
Не скидывалъ, израненъ весь, я земскимъ,
Губнымъ служилъ по выбору, не ползалъ,
Не кланялся подъячимъ по приказамъ,
Не плакался: пустите покормиться!
Своимъ кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебѣ; держись да крѣпче!
Въ Москвѣ бывалъ, туда дорогу знаю.
Не усидишь.

Воевода.

Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься самъ къ отвѣту.
Въ помѣстьи ты, какъ въ омутѣ, усѣлся,
И думаешь: ты царь, тебѣ суда нѣтъ.
Мы выведемъ на свѣжую водицу.

Бастрюковъ Семенъ.

Меня?

Воевода.

Тебя.

Бастрюковъ Семенъ.

Нѣтъ, руки коротки.

Воевода.

Длиннѣй твоихъ. Ты бѣглыхъ укрываешь,
И зернщиковъ, и воровское держишь,
И полонъ дворъ нагнали скомороховъ.

Бастрюковъ Степанъ.

Чтожъ, батюшко, ты смотришь! Чтожъ онъ лаетъ!
Царю челомъ ударимъ о безчестьи.

Воевода.

Молчи, щенокъ!

Бастрюковъ Степанъ *(бросается на Воеводу)*.

Ахъ, старая собака!

(Его удерживаютъ).

Бастрюковъ Семенъ.

Царю челомъ ударимъ, а покуда
Ты бородой отвѣтишь. Безъ остатку
Всю выдеру.

(Бросается на Воеводу).

Воевода.

Держите ихъ, держите!

(Его загораживаютъ).

Облѣзловъ.

Семенъ, уймись! Безлѣпочное дѣло
Затѣялъ ты. Ругаться не пригоже
На площади.

Бастрюковъ Семенъ.

Не я, а онъ затѣялъ!
Не уступлю, я самъ его не хуже.

Воевода *(въ воротахъ)*.

Ко мнѣ, друзья! Запьемте рукобитье!
(Бастрюковымъ):
И васъ бы звалъ къ себѣ, да не взыщите,
Поподчивать васъ нечѣмъ, незапасливъ.
(Уходитъ. Облъзловъ и вся свита за нимъ. Ворота затворяются; посадскіе подходятъ, съ ними староста).

Бастрюковъ Семенъ.

И чортъ съ тобой! Ты думаешь, мнѣ надо?
Подавишься твоимъ кускомъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ, Земскій Староста и посадскіе.

Бастрюковъ Семенъ *(посадскимъ)*.

Робята!
Съ чего онъ взялъ, что я ворамъ лотатчикъ
И зернщикамъ?

Тыра.

Про то являлъ сегодня
На площади и подалъ челобитье
Былой дьячокъ, прозваньемъ Гришка Жилка,
И сказывалъ на васъ грабежъ и бой.

Бастрюковъ Семенъ.

Сыскать его! Эй, люди! По посаду,
По кружечнымъ дворамъ и постоялымъ,
По всѣмъ рядамъ и шалашамъ и лавкамъ,

По кабакамъ, по всѣмъ щелямъ и норамъ
Искать дьячка и привести сюда!

Староста (*тихо*).

Бояринъ, мы желаемъ челобитье
Въ Москву свезти на воеводу.

Бастрюковъ Семенъ.

Ладно,
Хвалю за то.

Староста.

Да написать не знаемъ;
А земскій нашъ дьячокъ писать не хочетъ,
Боясь того, что вишь у воеводы
Сильна рука въ Москвѣ.

Бастрюковъ Семенъ.

Напишетъ Жилка.

Староста.

Заставишь ли?

Бастрюковъ Семенъ.

А батоги на что?
На самого себя напишетъ. Руки
Прикладывать путемъ. Отцовъ духовныхъ
Просите всѣхъ. Мірское челобитье
И выборныхъ я самъ свезу къ Москвѣ.
Да поскорѣй!

Староста.

Да хоть сейчасъ пойдемъ
Ко мнѣ во дворъ; какъ только Жилку сыщутъ,
Чтобъ къ намъ вели.

Бастрюковъ Семенъ (*громко*).

Я къ старостѣ поѣду.

Бастрюковъ Степанъ.

А я домой! Айдà!

(*Подаютъ коня*).

Бастрюковъ Семенъ.

За мной, айдà!

(*Подаютъ коня*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1.

ЛИЦА:

ВЛАСЪ ДЮЖОЙ.
НАСТАСЬЯ.
ПРАСКОВЬЯ }
МАРЬЯ } дочери ихъ.
НЕДВИГА, мамка.
ВОЕВОДА.
ШУТЪ.
СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.
РѢЗВЫЙ, }
КУБАСЪ, } слуги Бастрюкова.
ШИШИГА, }
СЛУГИ Дюжова и Воеводы; **СѢННЫЯ ДѢВУШКИ.**

Густой садъ. Налѣво теремъ съ выходомъ и крыльцомъ. Направо баня; въ глубинѣ стоячій тынъ, изъ котораго нѣсколько надолбъ вынуто; за тыномъ, когда онъ разобранъ, видѣнъ берегъ Волги.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рѣзвый, Степанъ Бастрюковъ въ кустахъ, Кубасъ и Шишига у разобраннаго тына.

Рѣзвый.

Пожалуй, осударь Степанъ Семенычъ!
Иди смѣлѣй! Въ саду души не видно.

Бастрюковъ.

Ишь заросло какъ часто, не пролѣзешь.

Рѣзвый.

Дубье, вязье рощёное.

Бастрюковъ.

Да гдѣ ты?

Рѣзвый.

Ты на голосъ иди! Здѣсь чисто!

Бастрюковъ.

Вышелъ!

Рѣзвый.

Кубасъ, Шишига, забирайте тынъ,
Да разомъ въ лодку, и лежи, какъ мертвый!
На спросъ: что за люди? молъ—ждемъ съ базара
Крестьянишекъ, замѣшкались въ кружалахъ.
Откуда?—Молъ—изъ Краснаго села,
Рыбачимъ—молъ! А больше не болтайте!
Да не дрематъ! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубасъ, за весла;
А ты, Шишига, здѣсь у лазу будь!

Бастрюковъ.

Да поживѣй!

Кубасъ.

Ты свисни, а мы смыслимъ,
Передъ тобой, какъ листъ передъ травой!
(Загораживаютъ тынъ).

Бастрюковъ.

Спасибо вамъ, робята! Услужили!

Рѣзвый.

Кому жъ служить, какъ не тебѣ, боярину!

Аль ты насъ платьемъ цвѣтнымъ изобидѣлъ,
Аль холодно и голодно живемъ?
И жалуешь, да и живемъ прохладно —
Что день, то пиръ да новыя затѣи
У насъ идутъ. Гульба, а не работа
Намъ за тобой!

Бастрюковъ.

Въ гульбѣ короче время.

Рѣзвый.

Одно и дѣло веселить да тѣшить
Тебя, Степанъ Семенычъ.

Бастрюковъ.

Да·еще бы!
Потоль и тѣшиться, пока живется.
Вѣдь однова живемъ на свѣтѣ бѣломъ,
Не въ чернецы жъ идти!

Рѣзвый.

Въ твои-то лѣта!
Что говорить! Лишь далъ бы Богъ здоровья,
Пей, да гуляй! А дѣло не медвѣдь,
Въ лѣсъ не уйдетъ.

Бастрюковъ.

Бездѣлье, такъ бездѣлье,
А дѣло дѣломъ. Позовутъ на службу,
За нами дѣло никогда не станетъ.

Рѣзвый.

И на войну пойдемъ, какъ на потѣху,
Не спрячемся за печку.

Бастрюковъ.

Тамъ что́ будетъ,

Тому и быть. А у меня покуда
Одно въ умѣ; одно и сплю и вижу,
Какъ Марью Власьевну достать.

Рѣзвый.

А мы-то!
Да насъ и хлѣбомъ нѣ за что кормить,
Коль мы тебѣ забаву не доставимъ.
Въ твоемъ дому боярскомъ полны сѣни
Насъ скомороховъ, слугъ да челядинцевъ.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями—мы достанемъ.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тынъ, шесть иголъ вынимали
Съ великимъ береженіемъ и страхомъ,
Да и опять поставили, какъ было.
И разберемъ и заберемъ въ минуту,
Широкій лазъ, хоть тройкой поѣзжай.

Бастрюковъ.

А крѣпко Власъ живетъ.

Рѣзвый.

На всемъ посадѣ
Ни у кого нѣтъ выше городьбы:
Казну блюдетъ.

Бастрюковъ.

Ну, мы казны не тронемъ.

Рѣзвый.

А дочерей ужь не взыщи. Бояринъ,
Никакъ идутъ. Схоронимся до время.

Бастрюковъ.

Куда жъ?

Рѣзвый.

Вотъ баня старая!

Бастрюковъ.

Ну, ладно!

(*Уходятъ въ баню. За сценой пѣсня дѣвушекъ*).

На морѣ утушка купалася,
На синемъ сѣрая полоскалася.

(*Входятъ: Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сѣнныя дѣвушки вносятъ ковры, подушки и разное шитье*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сѣнныя дѣвушки.

Марья Власьевна.

Намъ въ терему и тѣсно да и душно,
Жара, какъ въ банѣ, а тебѣ и любо,
Коль у тебя въ Петровки стынетъ кровь.
Ты—старая: тебя не манитъ лѣто
На волюшку, на шелковы луга,
Въ тѣнистой боръ, гдѣ бѣлымъ днемъ потемки,
Въ зеленой садъ, гдѣ алый цвѣтъ цвѣтетъ,
Гдѣ вишенье, орѣшенье назрѣло
И налилось, и ждетъ дѣвичьихъ рукъ.
Мы—не старухи, намъ безъ печки жарко,
Не больно милъ намъ новъ высокъ терёмъ.

Недвига.

Ну, въ садъ, такъ въ садъ; мнѣ все равно, старухѣ.

Сѣнныя дѣвушки (*допѣваютъ*).

Купавшися, утушка встрепенулася,
Встрепенувшись, сѣрая воскрякнула:
Какъ-то мнѣ съ синя моря подыматься будетъ,
Какъ-то мнѣ съ желтымъ пескомъ разставаться будетъ?

Марья Власьевна.

Что теремъ, что тюрьма—одно и тоже.

Недвига.

Ну, будь по вашему. Вотъ здѣсь и сядемъ.
(*Садятся*).
Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замужъ впору,
А все еще, какъ посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что́ въ теремѣ, что́ въ церкви
Ты завсегда спасеной человѣкъ,
Тамъ образа, закрещены всѣ двери.
А что въ саду? Тутъ вольная земля,
Ну, значитъ, онъ, оборони Создатель,
Свободно ходитъ; долголь до грѣха!
На всякой часъ блюдись!

Одна изъ дѣвушекъ.

А зачураться:
Не подойдетъ.

Всѣ.

Чуръ! наше мѣсто свято!

Другая изъ дѣвушекъ.

И поминать-то бы его не къ мѣсту.
Не въ часъ сболтнешь, онъ къ слову-то привязчивъ
И на поминѣ-то легокъ бываетъ.

Недвига.

Что правда, правда. Пусто будь ему!
(*Молчатъ*).
Охъ, не люблю, когда молчатъ! Въ молчанки
Мы чтоль играть сошлися! Ну-те, дѣвки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна.

Все величать! Довольно! Надоѣли.

Недвига.

Сказать, аль нѣтъ? Вѣстимо, что не дѣло
Холопское о господахъ судачить,
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна.

Ну, что такое?

Недвига.

Да все про тоже, все про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьевна.

Тебѣ-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна.

По сердцу—не по сердцу, а пойду,
И охъ не молвлю!

Недвига.

Думали, гадали
Родимые, да вотъ и догадались.
Ну, ровня ли! Сѣдой, какъ лунь, согнутой,
Глядитъ медвѣдемъ, такъ и хочетъ съѣсть.
Одно и лестно, что большой бояринъ.
Такъ не съ боярствомъ жить, а съ человѣкомъ,
Какъ мѣсяцъ не свѣти, а все не солнце!

Марья Власьевна.

Ей что ни попъ, то батька: все равно;
Ей лишь бы замужъ, разбирать не станетъ.

Прасковья Власьевна.

Само собой. Да развѣ наша воля

Себѣ мужьевъ по сердцу выбирать?
Прикажутъ, и конецъ; а милъ ли, нѣтъ ли—
Тебя не спросятъ.

Марья Власьевна.

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна.

Не мы одни, всѣмъ дѣвкамъ та же доля,
А всѣмъ топиться—Волгу запрудишь.

Марья Власьевна.

Другая бъ плакала, а ты такъ рада.

Прасковья Власьевна.

О чемъ, о комъ я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ѣшь сладкое, медовъ сыченыхъ въ волю,
Гора горой пуховики лебяжьи
Въ опочивальнѣ; хочешь спать, такъ спи,
А нѣтъ—лежи: пусть топетъ бѣло-тѣло
И нѣжится. Да вотъ сама увидишь,
Такъ раздобрѣю въ годъ, что не узнаютъ.
Работы нѣтъ, заботы не бывало!
Сиди, какъ пава, а кругомъ рабыни
Кроятъ и шьютъ и строчатъ во сто рукъ.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалѣть-то? Дѣвичью красу
Да косу русую? Объ ней поплачу,
Какъ расплетутъ, да по уши повяжутъ
Волосникомъ, да бабью кику вздѣнутъ.

Недвига.

Тебѣ съ нимъ жить, ну и живи, какъ знаешь.
Не наше дѣло, кончень разговоръ!

Чтожъ мы начнемъ? всѣ пѣсни перепѣли,
Переиграли игры, развѣ сказку
Договорить, что давѣ начинали.
Да съ уговоромъ: не любо—не слушай,
Лгать не мѣшай!

Прасковья Власьевна.

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна.

Ты думаешь, намъ очень любы сказки?
Отъ скуки слушаемъ, одна забота,
Какъ время скоротать. А вотъ ты мелешь,
Мы слушаемъ; такъ время и проходитъ.

Прасковья Власьевна.

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига.

Ну, долголь, коротко ли, въ сказкѣ скоро;
На дѣлѣ-то не вдругъ. Ну вотъ, въ ту пору
Сидитъ себѣ Никита, кожи мнетъ.
И держитъ онъ, красавицы мои,
Въ рукахъ двѣнадцать кожъ; вдругъ царь въ кожевню,
Взглянулъ Никита, такъ вотъ и затрясся;
Со страху ходнемъ руки заходили,
И разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ.

Марья Власьевна.

Ну, ври еще!

Недвига.

Извѣстно, сказка складка,
А пѣсня быль: не мимо говорится.

Марья Власьевна.

Не всякая. Сама же ты пѣвала,

Что воля краснымъ дѣвушкамъ гулять;
Молодкамъ миновалася гульба.
Мы дѣвки вотъ, а все живемъ въ неволѣ.

Недвига.

Досказывать, аль нѣтъ?

Прасковья Власьевна.

Ну брось, не надо.
Ужь надоѣло про змѣёвъ-то слушать!

Недвига.

Чего же вамъ?

Марья Власьевна.

Любовную скажи!

Прасковья Власьевна.

Ты разскажи, какъ въ теремѣ высокомъ
Сидитъ красавица; замкомъ булатнымъ
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь кругъ терема стоитъ.
И солнцемъ не печетъ и буйный вѣтеръ
Пахнуть не смѣетъ на нее.

Недвига.

А дальше?

Прасковья Власьевна.

А дальше я не знаю: я не стала бъ
Просить тебя, сама бы разсказала.
Ты знаешь всю, тебѣ и книги въ руки.

Марья Власьевна.

Какъ добрый молодецъ прокрался въ теремъ...
Да ты намъ все разсказывай, какъ было.

Недвига

А мать услышитъ, кто въ отвѣтѣ будетъ?

Марья Власьевна.

Пойдемъ въ малину! Не найдутъ до завтра.

Недвига.

Ну, быть по вашему! Срамницы, право!
Васъ хлѣбомъ не корми, а дай послушать
Соромскихъ сказокъ. Да и то сказать —
Все въ заперти: чужихъ людей не видимъ,
Гулять нѣтъ воли, миловаться не съ кѣмъ,
А у живаго на умѣ живое.

(*Всѣ уходятъ. Рѣзвый и Степанъ Бастрюковъ показываются изъ бани*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бастрюковъ и Рѣзвый.

Рѣзвый.

Разсыпались въ кустахъ. Не поманить ли?
Пойдетъ на манку?

Бастрюковъ.

Помани легонько!

Рѣзвый (*запѣваетъ*).

Боялися дѣвки да сѣраго волка,
Да не того волка, что по полю рыщетъ.
А того ли волка, что по лѣсу свищетъ,
Что по лѣсу свищетъ, красныхъ дѣвокъ ищетъ.

(*Марья Власьевна подходитъ къ тыну, осматривается; Рѣзвый скрывается, Бастрюковъ выступаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бастрюковъ и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Вотъ диво-то! Не съ неба ли свалился?
Какъ занесло?

Бастрюковъ.

По моему прошенью,
По щучьему велѣнью. Надоѣло
Черезъ заборъ вести переговоры.
И видитъ глазъ, да зубъ нейметъ. Поближе
Хотѣлось быть; лицомъ къ лицу, бокъ о бокъ
Рѣчь тайную, любовную держать,
И миловаться, какъ душѣ угодно.
Мы разобрали тынъ.

Марья Власьевна.

Ты, парень, ловокъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь рано ль, поздно ль, надо жъ будетъ, Маша,
Тебѣ покинуть свой терёмъ высокой,
Чужую сторону узнать, такъ лучше
Съ милымъ дружкомъ тишкомъ лужкомъ уѣхать!
Кто знаетъ думу батюшки-отца,
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубятъ вѣкъ, спехнутъ за старика
Постылаго на горе да на слезы.
Чего же ждать? Что думать? Свиснуть, что ли?
У насъ готово, люди въ лодкѣ, только
Сѣсть да поѣхать.

Марья Власьевна.

Какъ же, дожидайся,
Такъ и поѣду! Нѣтъ, ошибся, парень.
Ты поглупѣй ищи!

Бастрюковъ.

Такъ вотъ какъ, Маша!
Чтожъ, нелюбъ сталъ?

Марья Власьевна.

За что тебя любить-то?

Обманщикъ ты! Охаживать гораздъ
Кругомъ да около. Тебѣ повѣрить —
Трехъ дней не проживешь. О святкахъ, помнишь,
У насъ въ дому плясали скоморохи,
Ты мѣхоношей былъ, ты что мнѣ баялъ?
Что ты купецкой сынъ, Иванъ Ковригинъ.
Зима прошла, весна красна настала,
На деревѣ у моего окна
Ты по ночамъ сидѣлъ, и коротали
Тайкомъ съ тобой весеннія мы ночи.
Ты нянекъ, мамокъ деньгами осыпалъ;
Не разъ, не два я спрашивать пытала
Объ имени и отчествѣ твоемъ:
Иванъ Ковригинъ, только и отвѣту.
Ну, какъ тебѣ не грѣхъ? Я все узнала:
Ты не купецкой, а боярской сынъ
Степанъ Семенычъ, Бастрюковыхъ роду,
И скоморохи-то твои все слуги,
И самъ ты скоморохъ.

Бастрюковъ.

Тебѣ же лучше.
Боярской сынъ, — тебѣ почету больше,
Со скоморохомъ—веселѣе жить.

Марья Власьевна.

Ну нѣтъ, старуха на двое сказала.
Купецкой сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Все краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ же буду. Нѣтъ, зачѣмъ же?
А надоѣмъ: къ отцу прогонишь! Лучше
Я дома поснжу, изъяну меньше!
Одинъ изъянъ, что новый тынъ попорченъ,

*

Такъ батюшкѣ скажу, поправятъ завтра.
А ты женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ,
Тогда вези, куда душѣ угодно.

Бастрюковъ.

Да я бы радъ, да вишь, Нечай Шалыгинъ
Беретъ сестру твою Прасковью замужъ,
Онъ врагъ заклятый и отцу и мнѣ;
Не то, что сватать, мнѣ нельзя и носу
Къ вамъ показать.

Марья Власьевна.

Ну, станемъ дожидаться:
Мнѣ лѣтъ не много; я не перестарокъ.

Бастрюковъ

Толкуй съ тобой; а замужъ отдадутъ?

Марья Власьевна.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ — ну, тогда не знаю,
Быть можетъ, парень, выйдетъ на твое;
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку.
Бери въ охабку и тащи домой.

Бастрюковъ.

Голубушка!

(*Обнимаетъ*).

Марья Власьевна.

Ты волю-то не очень
Давай рукамъ, повремени до срока!
Придетъ пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюковъ.

Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,

По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другаго парня, не найдешь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что, Маша,
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатной ножъ?

(*Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса*).

Марья Власьевна.

Да что ты! Богъ съ тобой!

Бастрюковъ.

Нѣтъ, погоди! Промолви только слово —
И глазомъ не моргну, по рукоятку
Въ грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.

Да вѣрю, вѣрю.

Бастрюковъ.

Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

Марья Власьевна.

Да лжешь ли, нѣтъ ли: самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

Бастрюковъ.

Значитъ, по рукамъ?

(*Подаетъ руку*).

Марья Власьевна.

Да что ужь говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведешься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь ты какой пригожій уродился!

Бастрюковъ.

И поцѣлуемся?

Марья Власьевна.

Изволь, голубчикъ.
Грѣха тутъ нѣтъ. Цѣлуемся со всѣми;
Чужихъ цѣлую, а тебя подавно.

(*Цѣлуются*).

Дѣвки (*поютъ въ кустахъ*).

Въ теремѣ дѣвушка умывалася,
Въ высокомъ красная бѣлилася...

Марья Власьевна.

Домой пошли. Пора. Прощай! (*Идетъ; навстрѣчу ей входитъ шутъ*). Ай, ай! (*Прячется въ кустахъ*).

Бастрюковъ.

Чего она?

Рѣзвый

Шутило воеводинъ.

(*Прячутся въ баню*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Шутъ, потомъ Воевода, Власъ съ Настасьей и дѣвки.

Шутъ.

Авось-то онъ смирнѣе у невѣсты.
А все боюсь, душа уходитъ въ пятки,
Бродилъ кой-гдѣ, съ недѣлю укрывался,
А надобно-жъ когда нибудь явиться.
Велитъ сыскать, такъ не проси пощады.
Ухъ! Идолъ! Змѣй Горынычъ! Чудо-юдо!

(*Входитъ Воевода, за нимъ Власъ и Настасья; дѣвки несутъ жбаны, чары и ковриги*).

Шутъ (*изъ-за кустовъ*).

Есть виноватому прощенье?

Воевода.

Есть.

Шутъ (*падая на колѣни*).

Помилуй, дяденька! Впередъ не буду.

Воевода.

Вставай, собака! Съ одного вола
Двѣ шкуры не дерутъ. Да только помни,
Шутить съ оглядкой, какъ бы не заплакать!

Шутъ.

Всѣмъ закажу и недругу, и другу
Шутить съ тобой! А то накладно, дядя, —
Я языкомъ шучу, а ты дубинкой!

Власъ.

Покрой ковромъ бесѣдку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьичъ,
Изволь присѣсть, не пудь боярскихъ ногъ.

Воевода (*садится*).

Мы здѣсь свои, и вы садитесь рядомъ.
Вы нареченные мнѣ тесть и теща.

Власъ.

Не подобаетъ намъ, съ женишкой Настькой,
Передъ тобой высокимъ воеводой,
Передъ твоими свѣтлыми очами
Сидѣть да барствовать. Намъ, темнымъ людямъ,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь.
Ты погости у насъ, а мы послужимъ.

Настасья.

Да ну-ко ты! Служи одинъ, я сяду.
Я экой чести съ роду не видала,

Во снѣ не грезилось; что я за дура—
Привелъ Господь сѣсть рядомъ съ воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажаетъ самъ! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудетъ!

Власъ.

Не осуди! Прискорбна головой,
Съ измальства скудоумна, Богъ обидѣлъ.
Робячій смыслъ; нелѣпое творитъ.

Воевода.

Не тронь, сидитъ.

Шутъ.

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ко разума, ума
Отъ насъ съ Настасьей. Хитрое ли дѣло
Судить, рядить да рѣчи разводить
Съ боярами да съ думными дьяками!
Поговори-ко съ нами дураками!

Власъ *(подчуетъ медомъ)*.

Откушай, не побрезгай! Чѣмъ богаты,
Тѣмъ мы и рады.

Воевода.

Покажи дорогу!
Допрежъ хозяина и попъ не пьетъ;
Клади начинъ и подноси по ряду!

Власъ.

Желаю здравствовать на многи лѣта!
Храни тебя Господь, да царь люби!
Не осуди, что рѣчи не умильны,
Что мы, по простотѣ своей, не знаемъ,
Какъ чествовать и величать тебя.

(Пьетъ и наливаетъ).

Воевода.

Спасибо, Власъ! Проси теперь хозяйку.

Власъ (*кланяясь*).

Хозяюшка!

Настасья.

Ужь пить ли мнѣ-то, право?

Власъ.

Да не дури! я кланяться не стану—
Примай да бей челомъ.

Настасья (*беретъ чару*).

Коротокъ разумъ
У бабы-то; сказала-бъ, да не знаю,
Грѣхомъ обмолвившись, не ладно выдетъ.
Ну, будь здоровъ!

(*цѣлуются*).

Воевода.

Спасибо и на этомъ.

Власъ.

Теперь сама проси.

Настасья.

Покорно просимъ.

Воевода.

Въ гостяхъ—въ неволѣ. Отказать не смѣю.
Я выпью! (*пьетъ*). Знатный медъ, стоялый, крѣпкій,
Хорошій медъ! Ты, Власъ, живешь исправно.

Власъ.

Да есть-таки запасъ про всякой случай;
Для праздниковъ, вотъ дочери невѣсты:
Такъ для родни, да для поповъ пасемъ
Поподчивать послаще. Все жъ не ровня
Твоимъ медамъ боярскимъ; намъ далеко

Съ тобой тягаться, мы живемъ черно,
Да и сварить-то путно не умѣемъ.
Ты наше малое поставь въ большое.

Воевода.

Не диво пиво, дорога любовь.
(*Отдаетъ чару Настасьѣ*).

Настасья.

Что смотрите! примайте, дѣвки-дуры!

Воевода.

Не даромъ говорятъ: не будь запасливъ,
Будь гостю радъ.

Шутъ.

Я не обсѣвокъ въ полѣ,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирогъ съ крупой и мы съ рукой, да видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода.

Не по губамъ тебѣ, языкъ проглотишь.

Шутъ.

Ну, зелена винца!

Власъ.

Вотъ есть въ сулейкѣ.

Настасья.

Сулеечку подайте, дѣвки-дуры.

Шутъ.

Покланяйся, а я ломаться стану.

Власъ.

Ты самъ себя поподчуй, сколько влѣзетъ,
Бери совсѣмъ. Своя рука владыка,

Воевода.

Ты, волчья сыть, медвѣжья дрань, дорвался!
Смотри, не задури!

Шутъ.

Я помаленьку.

Власъ.

Пей помаленьку, только выпей всё.

(*Шутъ отходитъ*).

Воевода.

Закону нѣтъ глядѣть невѣстъ до свадьбы,
А мнѣ охота; хоть глазкомъ взглянуть бы.

Власъ.

Да ты глядѣлъ.

Воевода.

Несыто наше око:
Посмотришь разъ, манитъ тебя въ другой.

Настасья.

Вотъ женишься, такъ наглядишься вдоволь:
Неказаному золоту цѣны нѣтъ;
Показано, такъ всякій цѣну знаетъ.

Воевода.

Здорова? Не скучаетъ?

Власъ.

Да съ чего ей!
Объ чемъ скучать? ростетъ, толстѣетъ, всходитъ
Какъ на дрожжахъ опара.

Настасья.

Ты, бояринъ,
Не обижай! Въ любви держи да въ холѣ,
Чтобъ намъ не плакаться.

Власъ.

Молчи ты, дура!

Настасья

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый затюшко, Нечай Григорьичъ!
Ужъ чтобъ и мнѣ, старухѣ, былъ почетъ,
Чтобъ всѣ-таки, отъ мала до велика,
Мнѣ кланялись, а я чтобъ величалась.
Вотъ я иду, примѣромъ, хоть къ обѣднѣ,
Народъ безъ шапокъ, съ кѣмъ заговорила—
Чтобъ на колѣни падалъ.

Власъ.

Ты очнись;
Коль захмѣлѣла ты, поди проспись,
Ты голову съ меня снимаешь!

Настасья.

На-ко!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, какъ не мнѣ? Вѣстимо,
Я въ городѣ большая, больше всѣхъ.

Воевода.

Съ тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мнѣ пора. Безсудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шутъ (*въ кустахъ*).

На слѣдъ попалъ, по красному, по звѣрю.
Ты обожди, я погоню на васъ.

Власъ.

Переложилъ хмѣльнаго брешетъ спьяну.

Шутъ.

Вотъ звѣрь, такъ звѣрь; ни соболь, ни куница,
А красная дѣвица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дорогѣ!
(Выбѣгаетъ Марья Власьевна).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Воевода, Власъ, Настасья, Шутъ и Марья Власьевна.

Власъ.

Марья!
Ты какъ зашла?

Марья Власьевна.

Съ сестрой гуляли, съ няней
Мы давѣ здѣсь; онѣ домой пошли,
А я замѣшкалась; бѣгу за ними,
Вдругъ онъ на встрѣчу, я въ кусты съ испугу
И схоронилась, тамъ и просидѣла.

Настасья

Вотъ я тебя! Бѣги домой, срамница!
Безстыдница!

Воевода *(беретъ за руку Марью Власьевну).*

Постой! Какія очи!
Нельзя налюбоваться, наглядѣться!
Я много видѣлъ на своемъ вѣку,
Такихъ очей не приводилось видѣть.
Красавица, ты изъ какой земли?
Кто породилъ тебя, кто возлелѣялъ?

Власъ.

Меньшая дочка, Марья.

Воевода.

Вы обманомъ,

Холопы, смерды, обошли меня:
Похуже сбыть товаръ—такъ воеводѣ,
Получше—дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мнѣ ворогъ,
Ты плутовствомъ живешь, обманнымъ дѣломъ!

Власъ.

Помилуй, осударь, мы безъ обману,
По старшинству Прасковью выдавали,—
Таковъ у насъ обычай.

Воевода.

Я Прасковью
И видѣть не желаю, врозь все дѣло!
И Марью я не выпущу изъ рукъ!
Отдайте мнѣ ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я васъ озолочу.

Власъ.

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по праву.

Настасья.

Да что ты! Что ты! Гдѣ жъ такой порядокъ?
Да нѣшто водится?

Воевода.

Уйми жену!

Власъ.

Да какъ унять, что дѣлать съ ней, боярин?
Бью походя, околотилъ всѣ руки.
Настасья, слушай! Милъ тебѣ, аль нѣтъ
Свѣтъ бѣлый, вольный? Молви только слово
Противное, убью до смерти!
Молчи, да въ ноги кланяйся за милость.
Благодарим за честь!

(*Кланяются*).

Воевода.

Такъ рукобитье?

Власъ.

Приказывай; велишь—сейчасъ ударимъ.

Воевода.

Пойдемъ въ хоромы, тамъ и порѣшимъ.

(Настасьѣ):

Веди невѣсту, при огнѣ посмотримъ,
Здѣсь темно стало. Дѣвица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на̀ горе ко мнѣ пойдешь, на радость.

(Всѣ уходятъ, кромѣ шута, который остается на крыльцѣ. Выходятъ Бастрюковъ и Рѣзвый).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бастрюковъ, Рѣзвый и Шутъ.

Бастрюковъ.

Ахъ, старый пёсъ! Ты слышалъ, Рѣзвый?

Рѣзвый.

Слышалъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь дѣло дрянь.

Рѣзвый.

Бѣда ума прикупитъ.
Ты не кручинься, какъ нибудь поправимъ.

Бастрюковъ.

Поправить нечѣмъ, надобно украсть.

Рѣзвый.

И я про то же. Лишь бы показалась —
Ужь только здѣсь и видѣли ее.

Бастрюковъ.

Да выдетъ ли?

Рѣзвый.

Да сердце не утерпитъ.
Урвется какъ нибудь на малой часъ
Хоть на прощаньи вскользь словечко бросить.

Шутъ.

Ай молодцы! Веселые робята!
Ну, какъ теперь: явить ли воеводѣ,
Да и накрыть удалыхъ молодцовъ?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить робятамъ удалымъ?
Нѣтъ, лучше къ дядѣ. Онъ за эту службу
Не пожалѣетъ горсти серебра.

(*Уходитъ*).

Бастрюковъ.

Зѣвать не надо! Ты глядп да въ оба!
Всю ночь прождать, да только бъ не съ пустыми
Руками намъ домой вернуться. Лучше
Не жить на свѣтѣ, вовсе не родиться!
А уступить нельзя: не мой обычай.

Рѣзвый.

Никакъ идетъ.

Бастрюковъ.

Свистп.

(*Рѣзвый свищетъ. Марья Власьевна на крыльцѣ*).

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бастрюковъ, Рѣзвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Я, мой родной! Иду и ногъ не чую!
Спаси меня, спаси! Мнѣ все постыло,
Мнѣ лучше въ омутъ, чѣмъ назадъ въ хоромы:
Отецъ родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюковъ.

Да гдѣ ты?

Марья Власьевна.

Здѣсь! Боюсь идти въ потемкахъ.

Бастрюковъ.

Свисти въ другой! (*Рѣзвый свищетъ*). Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на рукахъ тебя снесемъ до лодки,
(*Тынъ разбирается*).
Да и прощай, и помнинай, какъ звали.
(*Входятъ*: *Воевода, Власъ, Настасья, Шутъ и слуги съ фонарями*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бастрюковъ Степанъ, Марья Власьевна, Рѣзвый, Воевода, Шутъ, Власъ, Настасья, слуги.

Шутъ.

Держите!... Воры!

Рѣзвый.

Осударь, спасайся!

Бастрюковъ.

Авось пробьемся. Мнѣ свою голубку
Неужто бросить!

Воевода.

Бросишь по неволѣ.
И радъ бы взять, да руки не достанутъ.
Вяжите ихъ!

Рѣзвый (*вынимаетъ саблю*).

Поди-ко, сунься кто!
(*Всѣ отступаютъ. Бастрюковъ и Рѣзвый отходятъ къ тыну*).

Бастрюковъ.

Прощай, касатка, не моя—чужая!

Марья Власьевна.

Ну да, чужая. Пусть владѣетъ силой,
Ни ласки онъ, ни слова не дождется.
Мнѣ что сказать, мнѣ чѣмъ тебя утѣшить?
Ему не я, а красота нужна.
Такъ пусть же силой насъ и обвѣнчаютъ,
Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ; я буду
Какъ мертвая.

Воевода.

Такъ вотъ, Степанъ Семенычъ,
Ты по какимъ дѣламъ пошелъ?

Бастрюковъ.

Ошибся,
Ты не узналъ, я не Степанъ Семенычъ.
(*Бастрюковъ и слуги входятъ въ лодку*).

Воевода.

Эй, люди! Въ лодки, да въ погоню живо!

Одинъ изъ слугъ.

Что было лодокъ, всѣ поотвязали
И по водѣ пустили. Не въ чемъ ѣхать.

Рѣзвый.

Поѣдемъ тихо и пѣшкомъ догонишь.

Воевода.

Смотри, куда поѣдутъ—вверхъ по Волгѣ,
Иль внизъ?

Слуга.

Ни вверхъ, ни внизъ, даются въ рѣку;
Не видно стало, обняли потемки.

Настасья.

Вотъ видѣли, какъ дѣвокъ-то воруютъ!
Вотъ погляди! А какъ за ней усмотришь!

Воевода.

Украсть хитро, какъ сторожей поставлю!

Настасья.

Да просто такъ, возьмутъ да и украдутъ.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Власъ.

А вотъ пойдемъ, притянемъ всѣхъ къ допросу,
Всѣхъ нянекъ, мамокъ, спросимъ и ее.
Эй, заберите тынъ, да подоприте
Его путемъ! Всю ночь ходить дозоромъ!

Воевода.

Ну, мы ее побережемъ покрѣпче.
Ко мнѣ, въ мой домъ ее перевезите,
Что на посадѣ: онъ пустой стоитъ;
Тамъ не украдутъ; пусть живетъ до свадьбы.

Настасья.

Какъ хочешь самъ, а мнѣ не уберечь.
Оно и лучше—отъ бѣды подальше.
Иди домой! Ахъ, батюшки, нейдетъ.
(*Толкаетъ, та понемногу подвигается*).

Воевода.

Упрямится. Дай время — обойдется.
(*Уходятъ*).

Сцена 2.

Сѣни въ домѣ Бастрюкова.

ЛИЦА:

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.
РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ.
РѢЗВЫЙ.
КУБАСЪ.
ШИШИГА.
БУРЫЙ.
ЗОРЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бурый и Зоря (*настраиваетъ гусли*).

Зоря.

Давно у насъ старый бояринъ въ Москву уѣхалъ?

Бурый.

За недѣлю русальной, да поста недѣля, вотъ и считай.

Зоря.

А надолго?

Бурый.

А кто его знаетъ. Челобитную повезъ въ Москву на воеводу, такъ, вѣстимо, скоро не выпустятъ; да онъ масла на всякой случай съ собой повезъ.

Зоря.

Зачѣмъ?

Бурый.

Экой ты какой! Въ Москвѣ даромъ дѣла не дѣлаютъ. Подъячихъ маслить. Съ порожними руками съ судьей не сговоришь; судиться—не Богу молиться, поклономъ не отдѣлаешься. Подъячимъ, братъ, житье лучше нашего скоморошьяго. Съ правымъ дѣломъ бояринъ-то поѣхалъ, а подъячимъ-то приданаго на трехъ возахъ повезли; а воевода отъ себя на четырѣхъ помники шлетъ, чтобъ не забыли. Самъ, дескать, кормлюсь, да и васъ покармливаю.

Зоря.

И много же на воеводу челобитчиковъ!

Бурый.

Да, почитай, весь городъ.

Зоря.

Круто ему будетъ.

Бурый.

Баба ворожила, да на̀ двое положила. Чья мошна туже, та и перетянетъ.

Зоря.

Что Степанъ Семенычъ долго не ѣдетъ; а я ужь гусли наладилъ. Садись да играй.

Бурый.

Да съ кѣмъ онъ поѣхалъ?

Зоря.

Рѣзвый съ нимъ, да еще Кубасъ съ Шишигой.

Бурый.

Ну, такъ пріѣдутъ, да не скоро. Они теперь рыщутъ.

чернà бобра ищутъ. Привезутъ ли, нѣтъ ли, соболя въ сафьяныхъ чоботахъ, кунку въ шубкѣ.

Зоря.

А мы и повеселимъ, чтобъ на новомъ мѣстѣ не скучно было (*поетъ*).

Ужь и что же вы, робята, пріуныли?
Аль у васъ, робята, денегъ нѣту?

(*Входятъ*: *Бастрюковъ*, *Рѣзвый*, *Кубасъ и Шишига*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Бастрюковъ, Рѣзвый, Кубасъ и Шишига.

Бастрюковъ (*садится*).

Душа горитъ, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подѣвалась
Моя удача, мой таланъ да счастье?
Аль пріугасла, али закатилась
Звѣзда моя несчастная?

Рѣзвый.

Бояринъ,
Степанъ Семенычъ! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Новеселѣе будетъ.

Бастрюковъ.

На роду ли
Мнѣ такъ написано, аль доля вышла
Спознаться съ горемъ. Вѣтру не развѣять
Тоски—кручины. Ройте мнѣ могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтымъ пескомъ засыпьте!

Рѣзвый.

Насъ живыми

Зарыть въ могилу надо, что доводимъ
Тебя до этакой кручины.

Бастрюковъ (*встаетъ*).

Слуги
И челядинцы вѣрные мои!
Я васъ кормилъ и жаловалъ и тѣшилъ,
Съ плеча дарилъ свое цвѣтное платье —
Хоть въ жизни разъ и вы меня потѣшьте!
Я въ ноги вамъ ударю, доставайте
Мнѣ Марью Власьевну!

Рѣзвый.

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потѣшимъ
Боярина. Вели, Степанъ Семенычъ,
Мнѣ слово молвить.

Бастрюковъ.

Молви!

Рѣзвый (*кланяется въ ноги*).

Головы
Повинной не сѣкутъ, не рубятъ. Прежде
Ты выслушай, потомъ казни, какъ знаешь.
Хоронится у насъ отъ воеводы
Романъ Дубровинъ.

Бастрюковъ.

Вѣдомаго вора
Во дворъ пустили. Воровской притонъ
Здѣсь завели. А ну, какъ вдругъ нагрянутъ
Да вора вымутъ на моемъ дворѣ!
Въ отвѣтѣ я. По грамотѣ царевой,
И головой и животомъ отвѣчу,

Помѣстья отберутъ на государя
За ваше воровство!

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ,
Не воръ Дубровинъ. Тѣмъ и провинился,
Что жилъ богато, да жена красива;
Да такъ красива, что другой на свѣтѣ
И не найдется. Въ тѣ-поры напрасно
Его томилъ въ острогѣ воевода —
Все денегъ вымогалъ. Сбѣжалъ Дубровинъ,
Такъ онъ въ тюрьму его хозяйку вкинулъ;
И ночи тамъ она не ночевала,
Къ себѣ въ опочивальню перевелъ.
Въ бѣгахъ былъ съ годъ Дубровинъ, вотъ вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотѣлось
Съ женою.

Бастрюковъ.

Гдѣ жъ она?

Рѣзвый.

У воеводы.

Бастрюковъ.

Такъ вы его пустили?

Рѣзвый.

Да боится
Къ чужимъ пристать. Да чтожъ, Степанъ Семенычъ.
Пускай живетъ; у насъ его не сыщутъ;
А взыщутся, такъ мы тогда спровадимъ,
И слѣдъ простылъ; а насъ хоть жги огнями:
И знать не знаемъ, слыхомъ не слыхали.
А ужь куда на выдумки гораздой!
Вели позвать. Умъ хорошо, два лучше.
Потолковать бы съ нимъ о нашемъ дѣлѣ,
Худаго не придумаетъ.

Бастрюковъ.

Зови!

Рѣзвый.

Кубасъ, бѣги! Да ты найдешь?

Кубасъ.

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти?
Я свой, не сыщикъ.

(Уходитъ).

Рѣзвый.

Горе-то убило
Теперь его, а ужь куда затѣйникъ —
Что слово скажетъ, то рублемъ даритъ.

Бастрюковъ.

Послушаемъ. Крестами помѣняюсь,
Коли бѣду мою бобами разведетъ,
Печаль-тоску на радость поворотитъ.

Рѣзвый.

Кромя его и не кому.

Бастрюковъ.

Посмотримъ.

(Входитъ Дубровинъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Дубровинъ.

Дубровинъ.

Здорово, осударь Степанъ Семенычъ!

Бастрюковъ.

Живешь давно, а глазъ своихъ не кажешь

Хозяину. У насъ такихъ порядковъ
Не водится межъ добрыми людьми.

Дубровинъ.

Да пòшто я тебѣ? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришелъ не въ гости, ни съ добромъ, ни съ худомъ,
Пришелъ по—тйху и уйду по—тйху,
А за постой скажу тебѣ спасибо!
Зачѣмъ покликалъ?

Бастрюковъ.

Дѣло есть, Дубровинъ.
Тебѣ не боязно?

Дубровинъ.

Чего бояться?

Бастрюковъ.

Велю связать, да къ воеводѣ.

Дубровинъ.

Шутишь!
Я пуганой, меня не испугаешь.

Бастрюковъ.

И то шучу. И волосомъ не тронутъ,
Пока ты здѣсь. Вотъ Богъ тебѣ порука!

Дубровинъ.

Да я тебѣ и безъ божбы повѣрю.

Бастрюковъ.

Нужна послуга.

Дубровинъ.

Будетъ ли подъ силу?

Бастрюковъ.

А есть охота?

Дубровинъ.

Твой слуга, боярин.

Бастрюковъ.

Не ждалъ бѣды, сама бѣда сыскалась,
Тужить не думалъ, довелось тужить.

Дубровинъ.

За что, про что сыръ боръ горитъ?

Бастрюковъ.

За дѣвку!
Въ рукахъ была, да отняли изъ рукъ.

Дубровинъ.

Здѣсь дѣвушки по денежкѣ.

Бастрюковъ.

Не купишь
И тысячей. Слыхалъ ли ты про Власа
Дюжова?

Дубровинъ.

Ктожъ его не знаетъ, плута,
Лисицу старую!

Бастрюковъ.

А дочекъ видѣлъ?

Дубровинъ.

Чтобъ не солгать, разъ съ десять доводилось.
Молва идетъ: не знаю, правда-ль, нѣтъ ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Уже-ль, Степанъ Семенычъ,
Я молвлю не въ укоръ, ее жалѣешь?
Похаять нечего, съ лица красива,
Собой статна, а все же кусъ не твой;
Пухла, лѣнива, слова не дождешься.
Я не тебѣ чета, а не польщуся.

Вотъ Марья Власьевна совсѣмъ другая,
Какъ не родныя точно.

Бастрюковъ.

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалѣю;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровинъ.

Чего-жъ жалѣть-то? Сватайся порядкомъ,
Не отдадутъ, возьми безъ позволенья.

Бастрюковъ.

Такъ и задумалъ.

Дубровинъ.

Ну!

Бастрюковъ.

Да помѣшали.
Я за руку, а за другую...

Дубровинъ.

Кто же?

Бастрюковъ.

Все онъ же, воевода.

Дубровинъ.

Не татаринъ:
Не женится на двухъ.

Бастрюковъ.

Да онъ раздумалъ
Прасковью взять. Какъ увидалъ меньшую,
Такъ подавай ее, а ту не надо.
Во дворъ беретъ беречь, чтобъ не украли.

Дубровинъ.

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюковъ.

Что̀ уступить, что̀ заживо въ могилу!
Мнѣ жизнь—не въ жизнь! Безчестье-то безчестьемъ,
Да каково, слюбившись, разставаться;
Любовь-то не пожаръ, а загорится,
Такъ не потушишь.

Дубровинъ.

Не сложить же руки,
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дѣло.

Рѣзвый.

Въ доброй часъ!

Дубровинъ (*оглядываясь*).

Повыстудить бы избу. Лишнихъ за дверь.
Останься, Рѣзвый!—ты не помѣшаешь.

Бастрюковъ (*слугамъ*)

Въ сѣняхъ постойте, подождите зову.

Дубровинъ.

Бояринъ, я пришелъ не даромъ. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, безъ спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадятъ,
Что вѣкъ не вылѣзешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай ужь вмѣстѣ! Первымъ дѣломъ надо,
Чтобъ воевода выѣхалъ дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюковъ.

Какъ выживешь его?

Дубровинъ.

Ужь наше дѣло.
Мизгирь для насъ уладитъ.

Рѣзвый.

Воевода
Безъ Мизгиря ни шагу. Ужь давно бы
Его казнить пора за чародѣйство,
А онъ въ тюрьмѣ томитъ; да днемъ ли, ночью ль,
Во всякой часъ къ себѣ въ покои водитъ,
По книгамъ смотритъ, въ шестокрылъ и въ рафли.
Мизгирь что́ скажетъ, то́ и свято.

Дубровинъ.

Завтра
Пошли въ тюрьму колодникамъ на хлѣбъ,
А Мизгирю особо. Отъ Романа
Молъ-прислано.

Бастрюковъ.

Чѣмъ свѣтъ пошлю Кубаса.

Рѣзвый.

Я самъ схожу.

Дубровинъ.

Намъ только большака-то
Долой бы съ глазъ, а челядь наша будетъ.

Бастрюковъ.

Ну ладно. Дѣлай! Денегъ ли, людей ли
Бери, что нужно.

Рѣзвый.

Ты, Степанъ Семенычъ,
Опочивай, ложись! Не думай: утро
Помудренѣе вечера бываетъ.

Бастрюковъ.

Не къ смерти грѣхъ. Вели-ко дать медку!
Мнѣ не впервóй гулять до бѣла свѣта.

(*Рѣзвый входитъ*).

Ты гдѣ бродилъ?

Дубровинъ.

Не клиномъ свѣтъ сошелся.

Бастрюковъ.

Гулялъ по Волгѣ?

Дубровинъ.

Волей и неволей,
Въ бурлакахъ....

Бастрюковъ.

И въ удàлыхъ молодцахъ?

Дубровинъ.

Всего бывало.

Бастрюковъ.

И большой дорогой
Въ ночь темную?

Дубровинъ.

Придетъ пора, покаюсь.
Ни ты чернецъ, ни мнѣ конецъ, бояринъ.

Бастрюковъ.

Здѣсь слухъ прошелъ про Худояра. Слышалъ?

Дубровинъ.

Слыхать слыхалъ.

Бастрюковъ.

А можетъ и видалъ?
Такъ правда ли, что онъ народъ не грабилъ
И рукъ не кровянилъ; а на богатыхъ
Кладетъ оброкъ, служилыхъ да подъячихъ
Не жалуетъ, и насъ, дворянъ помѣстныхъ,
Пугаетъ крѣпко?

Дубровинъ.

Ты его боишься?

Бастрюковъ.

Мнѣ что бояться, я живу по правдѣ.

Дубровинъ.

Такъ что-жъ тебѣ?

Бастрюковъ.

Да поглядѣть охота.

Дубровинъ.

Зачѣмъ, бояринъ?

Бастрюковъ.

Удаль заставляетъ.

Дубровинъ.

Не спятишься?

Бастрюковъ.

Не пятился ни разу.
Я самъ удалъ и молодцовъ люблю.

Дубровинъ.

Поѣдемъ завтра.

Бастрюковъ.

Ладно. Рѣзвый, живо!

(Входятъ Рѣзвый, Кубасъ, Шишига, Зоря, Бурый и слуги).

Вина давайте, меду. Пѣсни пойте!
Дымъ коромысломъ! Съ горя загуляли,
А съ радости опохмѣляться будемъ.

Зоря и слуги *(поютъ)*.

Ужь и полно намъ, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли намъ, робята, свое затирати?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ.
Ужь и что же вы, робята, пріуныли!
Аль у васъ, робята, денегъ нѣту?

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1.

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
НАСТАСЬЯ.
МАРЬЯ ВАСЬЕВНА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
МИЗГИРЬ, колдунъ.
ОЛЕНА, жена Дубровина.
ГРИШКА ЖИЛКА.
ШУТЪ.
ПРИСЛУГА И СТРАЖА. ЖЕНЩИНЫ И ДѢВКИ.

Свѣтлица въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Воевода и Неустройко *(входятъ)*, за ними одинъ слуга.

Воевода *(садится)*.

Согнать ко мнѣ всю дворню! *(слуга уходитъ)*. Всѣ покои
Прибрать! Послать ковры! Завѣсы къ окнамъ
Тафтяныя повѣсить съ кружевами!
Чтобъ былъ полавочникъ на каждой лавкѣ!
Столы сукномъ завѣсить! Женихова
Мои подарки въ теремѣ поставить:
Ларцы и зеркала, бѣлила, перстни
И мыла всякія, и всѣ покупки

И рухлядь всю разставить и развѣсить
Лицомъ на поглядѣнье!

Неустройко.

Все готово
Для дорогихъ гостей, всего запасно.
Посадимъ съ честью и накормимъ сыто.

Воевода.

Не на день гости къ намъ.

Неустройко.

Да хоть бы на годъ!

(Входятъ прислужники обоего пола и кланяются; межъ ними Олена).

Воевода.

Я жалую васъ милостью боярской:
Не красенъ домъ, не веселъ господину,
И слугамъ сиротливо безъ хозяйки
Боярыни. Благословеньемъ Божьимъ
И нашимъ счастьемъ, мы нашли дѣвицу
Себѣ по мысли, и понять желаемъ
Себѣ въ жену, вамъ въ мать и госпожу.

Неустройко.

Часъ добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина. *(Кланяются въ ноги).*

Воевода.

Теперь пока до свадьбы
Я этотъ домъ со всѣмъ добромъ и съ вами
Невѣстѣ отдаю.

Неустройко.

Опять ударьте
Челомъ ему на милости боярской
И слушайте наказъ.

Воевода.

Наказъ короткой —
Служить боярынѣ, какъ мнѣ, со страхомъ
И вѣжествомъ, въ грозѣ и береженьи,
Не красть, не лгать, отъ всякаго безчинства
И пьянаго питья блюстись всемѣрно!
Все это присказка, а вотъ и сказка!
(Встаетъ).
Чтобъ день и ночь ворота на запорѣ!
Чтобъ день и ночь кругъ дома сторожа!
Чтобъ ни къ кому приходу, ни подсылу!
Чтобъ сѣннымъ дѣвкамъ изъ воротъ ни шагу!
На портомой водить за карауломъ
Не часто! Слово каждое и дѣло
Чтобъ было мнѣ доподлинно извѣстно!
Не только вѣсти въ домъ, или изъ дому
Не проносить; а птица прилетѣла
Съ чужихъ хоромъ, чтобъ мнѣ про это вѣдать!
Я батоговъ для васъ не пожалѣю
За малую оплошку; за большую
Казненнымъ быть нещадно скорой казнью.

Неустройко.

Челомъ боярину и вонъ ступайте!
(Кланяются и уходятъ, кромѣ Олены).

ЯВЛЕНІЕ II.

Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода.

Олена! *(Олена останавливается).* Ты все волкомъ
къ лѣсу смотришь.
Змѣей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

Олена.

Не забуду,
Пока жива.

Воевода.

Кто на тебя посмотритъ
Со стороны, такъ скажетъ, что зарѣзать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на насъ, а на душѣ, кто знаетъ,
Что у тебя.

Олена.

Да что кому за дѣло,
Какъ я гляжу? Я лучше не умѣю.
Живу покорно, голову поклонно
Держу передъ тобой; что ни заставишь,
Я дѣлаю, не выхожу изъ воли.
Чегожъ тебѣ?

Воевода (*Неустройкѣ*).

Стеречь ее покрѣпче,
Чтобъ не сбѣжала какъ съ двора.

Олена.

Кто? Я-то?
Куда сбѣжать? Подумай! Много-ль мѣста
Ты мнѣ оставилъ? Домъ стоитъ покинутъ
И раззоренъ по милости твоей,
И дворъ заросъ. А гдѣ Романъ гуляетъ,
Гдѣ буйною головушкой качаетъ.
Печетъ ли солнце, дождикъ ли сѣчетъ
Ясного сокола, въ живыхъ ли, нѣтъ ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда жъ бѣжать? Ужъ развѣ на погостѣ —
Надъ матушкой повыла-бъ, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на домъ пустой да въ Волгу;

Да грѣхъ великъ. Ужь я у васъ останусь
Рабой твоей до гробовой доски.
Да буду ждать, чѣмъ насъ Господь разсудитъ
Съ тобой.

(Уходитъ).

Неустройко.

Нѣтъ звѣря злой жены лютѣе.
Бояринъ, Мизгиря пригнали.

Воевода.

Кликни.

Неустройко (*въ двери*).

Ведите!

(Стража вводитъ Мизгиря).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Мизгирь, Неустройко и стража.

Воевода.

Расковать! *(Расковываютъ).* За дверью станьте!

(Стража и Неустройко уходятъ).

Поди сюда.

Мизгирь.

Что хочешь, господине?
Почто извлекъ изъ смрадныя темницы?
Почто труждаешь?

Воевода

Адово исчадье!
Слуга ты дьявольскій! Не въ трудъ, а въ милость
Себѣ поставь боярскую послугу:
Потоль ты живъ, пока въ тебѣ нужда есть.
Мигну, и духу твоего не будетъ
Поганаго, и во́роны не сыщутъ
Костей. Пошлю къ Москвѣ, тамъ судъ коротокъ —

Не волоча, сожгутъ тебя живаго
За волховство.

Мизгирь.

Нѣсть власти надо мною
Въ твоихъ рукахъ. Написана мнѣ въ книгахъ
Другая смерть. Суда не испугаюсь!
На гадинѣ я ѣду, погоняю
Ужомъ, самъ дюжъ, судей своихъ объѣду.
Судъ по́-суду, вѣкъ по̀-вѣку ведется.
Посѣю макъ, разыдутся всѣ судьи.
Лишь тѣ сидятъ, что на меня глядятъ.
Меня ѣдятъ, да не съѣдятъ — не могутъ;
Медвѣжій ротъ имѣю, волчьи губы,
Свиные зубы. *(Молчаніе)*. Отъ меня не скроешь
Своей души. Зачѣмъ позвалъ, я знаю,
Не сказывай. Бѣсъ падокъ на сѣдины,
А старый глазъ завистливъ. Что увидѣлъ,
То и подай. Охъ, трудно дѣло, трудно!
Ты къ ней лицомъ, она къ тебѣ затылкомъ!
Ха, ха, ха, ха! Не знаю, какъ осплю,
Попробую. Вели вина и меду
Подать сюда.

Воевода (*свиститъ. Входитъ Неустройко*).

Подай вина и меду!

Мизгирь (*развертываетъ книгу*).

Въ отъѣздъ тебѣ изъ городу, дня на два.
А не уѣдешь, ничего не будетъ.
Вся сила въ томъ. Пускай она тоскуетъ
И сохнетъ по тебѣ. Какъ меду выпьетъ,
Сейчасъ тоска ее обыметъ, станетъ
Всѣхъ спрашивать: да скоро ль онъ пріѣдетъ,
Мой милъ сердечный другъ?

Воевода.

Куда жъ бы ѣхать?

Мизгирь.

Сходи пѣшкомъ въ Лѣсную пустынь, на̀ боръ.

Воевода.

Ниъ ладно! Тамъ и звѣря погоняемъ
Денекъ, другой.

(Неустройко вноситъ вино и медъ).

Мизгирь.

Давай вино, я выпью.

(Пьетъ).

А медъ поставь на столъ.

Воевода.

А самъ ступай
За двери.

Мизгирь (*приговариваетъ надъ медомъ*).

На морѣ, на океянѣ,
На каменномъ на островѣ Буянѣ
Лежитъ доска, на той доскѣ тоска
И корчится, и ёжится, и бьется,
Съ доски да въ воду, изъ воды въ огонь,
А изъ огня выходитъ чортъ и вопитъ:
Бѣги скорѣя, пава Романея,
Ты дуй тоску рабѣ Маріи въ кости
И въ тѣло бѣлое и въ черну печень
И въ сердце ретивое! Шалда, калда!..

Воевода.

Ступай и жди награды по заслугѣ.
Не жаль мнѣ денегъ, только бы сбылось!

(Свищетъ. Входитъ Неустройко и стража).

Сковать и свесть въ тюрьму!

(Мизгиря уводятъ).

Неустройко.

Къ тебѣ, бояринъ,
По твоему посылу и приказу,
Вдова Ульяница.

Воевода.

Зови скорѣе!

Неустройко.

Поди, не бойся! (*Входитъ Ульяна*). Стань вотъ такъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Воевода, Ульяна и Неустройко.

Воевода.

Ульяна!
Ты слушай въ оба! Не по чести мѣсто
Тебѣ даю. Боярскіе хоромы
Велика честь для васъ, людишекъ малыхъ —
Ты это чувствуй. Ты сиротскимъ дѣломъ
День за день бьешся. У меня въ почетѣ
И въ холѣ будешь. Вся твоя забота
Беречь боярышню, отъ ней ни шагу
Не отходить. Какія будутъ рѣчи
Межъ вами, сказывай! А бабъ и дѣвокъ
Не допускай къ боярышнѣ съ рѣчами,
Блюди за ними крѣпко. Все, что нужно,
Черезъ тебя чтобъ шло, никакъ не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустимъ
Съ большимъ надѣломъ деньгами и платьемъ,
И замужъ выдамъ.

Ульяна.

Не трудна работа
И много милости. Продли Богъ вѣку
Тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода.

Дѣло-то, я знаю,
Тебѣ по сердцу. Нравомъ ты свирѣпа,
Глядишь медвѣдемъ, ни грозой, ни лаской
Ничѣмъ не взять. Пили тебя на части —
Ты все свое. Ежовою щетиной
Ты обросла кругомъ. Не надо бѣса,
Когда ты здѣся. Мнѣ того и нужно.
Ступай! (*Неустройкѣ*): Отдай ей медъ. (*Неустройко подаетъ*). Когда попроситъ
Испить боярышня, ты дай ей меду,
Что въ этой чаркѣ, да проси о всей.
(*Ульяна и Неустройко уходятъ. Входитъ Жилка*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Воевода и Жилка.

Воевода.

Откуда ты?

Жилка.

Изъ погреба.

Воевода.

Треклятый,
Какъ чортъ занесъ на погребъ?

Жилка

Посадили.
Въ гостяхъ гостилъ у Бастрюковыхъ.

Воевода.

То-то
И не видать тебя.

Жилка.

Голодной смертью

Околѣвалъ-сидѣлъ и кнутьемъ били.
А на тебя, боярин, челобитье
Написано, и услано къ Москвѣ.

Воевода.

А кто писалъ?

Жилка.

Да я.

Воевода.

Съ ума ты спятилъ!
Или объ двухъ ты головахъ?

Жилка.

Напишешь
И на себя, какъ по бокамъ съ плетями
Съ ордынскими стоятъ.

Воевода.

А кто поѣхалъ?

Жилка.

По выбору послали. Съ Бастрюковымъ
Поѣхали. И онъ въ Москву.

Воевода.

Ну, съ Богомъ!
Широкій путь.

Жилка.

Романъ Дубровинъ близко.

Воевода.

И знаешь, гдѣ?

Жилка.

У Бастрюковыхъ.

Воевода.

Точно?

Жилка.

Хоть умереть, на мѣстѣ провалиться!

Воевода.

А вотъ, дай срокъ, схожу на богомолье,
Нагряпемъ къ нимъ.

Жилка.

Про Худояра вѣсти.

Воевода.

Хорошія?

Жилка.

Остановился станомъ
За пустынью. Оспновикъ—починокъ
Слыхалъ когда?

Воевода.

Ну, вотъ и кстати будетъ,
А я иду туда на богомолье.
Бѣги скорѣй, вели собрать Банму
Стрѣльцовъ своихъ и всѣхъ служилыхъ. Мигомъ
Лети къ нему: чтобъ нынче и въ походъ.

(Жилка кланяется въ ноги и уходитъ. Входитъ Неустройко).

Неустройко.

Боярнъ, гости къ намъ.

Воевода.

Бѣги на встрѣчу!
Чего-жъ стоишь, какъ пень!

Неустройко *(у двери)*.

Прощенья просимъ,
Что у воротъ не встрѣлъ, позаглядѣлся.

(Кланяется. Входятъ: Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потомъ Шутъ, Ульяна и женщины).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Воевода, Настасья, Марья Власьевна. Неустройко, потомъ Шутъ, Ульяна и Женщины.

Воевода.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здѣсь. Какъ спали-ночевали?

(Цѣлуются).

Настасья.

Зятекъ поклонистый, живемъ, покуда
Господь хранитъ.

Воевода.

Садись въ передній уголъ!
Хозяйкой будь.

Настасья.

Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.

Воевода.

Не гость и не хозяинъ.
Хозяйка вотъ. Весь домъ со всѣмъ запасомъ
Ея теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите, какъ хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Былъ женатый.

(Входитъ Ульяна и нѣсколько женщинъ)

Такъ нужны были, а вдовцомъ остался —
Куда ихъ дѣть? Хотѣлъ ужь по осинамъ
Развѣшать ихъ, анъ вотъ и пригодились.
Вотъ и Ульяна ей на мѣсто мамки.

Настасья.

На всемъ спасибо! Только ты послушай,
Какое дѣло! Словно кто испортилъ
Ее у насъ. Бывало, день настанетъ —

Одну ее и слышишь: безъ умолку
Трещитъ, болтаетъ, прыгаетъ да скачетъ;
Теперь ни слова, точно какъ нѣмая,
И устъ не открываетъ, и ни шагу
Не сдѣлаетъ сама, толкнешь — идетъ.
Аль сглазилъ кто?

Воевода.

Отъ глазу и отъ порчи
Мы слово знаемъ. Молодо — стыдливо.
Глазамъ-то стыдно, а душой-то рада.
Дѣвичій стыдъ до мужнина порога,
Лиха бѣда порогъ переступить.

Настасья.

Не то что стыдъ, а поровомъ такая:
Упрямится.

Ульяна.

Устанетъ — перестанетъ.

Настасья.

Тоскуетъ, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвитъ ничего.

Воевода.

Тоску прогонимъ
(*Шутъ входитъ*).
Забавами, да играми, да пляской,
Да пѣснями. Безсуднаго покличемъ.

Шутъ.

Здѣсь, дяденька.

Воевода.

Тебя-то намъ и надо.
Шути, хвостомъ верти, хоть бѣсомъ корчись,
Да только тѣшь! А я домой поѣду.
Хочу пѣшкомъ сходить на богомолье

Благословиться. Крѣпче дѣло будетъ.
Да говорятъ, кругъ города удалыхъ
Поразвелось, такъ надо попугать ихъ.
Дня два проходимъ, да честнымъ пиркомъ
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не на́долго прощаемся съ тобой,
Немного дней пройдетъ до нашей свадьбы.
Но каждый день протянется мнѣ годомъ:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утромъ буду вечеръ торопить.

Настасья.

Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода.

Не крой лица, не прячь свои́хъ очей
И ненаглядной красоты дѣвичьей,
Дай наглядѣться, дай на разставанье
Налюбоваться вдоволь про запасъ.
(*Открываетъ покрывало и смотритъ на нее; она закрывается*).
Прощай-ко, тещенька.

Настасья.

Прощай, зятекъ
(*Всѣ кланяются*).

Женщины.

Въ святой бы часъ, въ архангельской.

Воевода.

Спасибо!
(*Уходитъ съ Неустройкой*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, Шутъ и Женщины.

Шутъ (*прыгаетъ*).

Ишь скачетъ какъ! Пыль-курево стоитъ.
Прощай, боярынъ! Съ Богомъ по морозцу!
Уѣхалъ дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сыметъ воли.
(*Поетъ*).

Ахъ ты бѣдный ёжъ,
Горемычный ёжъ,
Ты куда ползёшь,
Куда ёжишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
Къ Марьѣ Власьевнѣ.

(*Ёжится и жмется къ Марьѣ Власьевнѣ, она его толкаетъ ногой*).

Спѣсива ты, дерешься! А не знаешь,
Какъ бѣднаго ежа встрѣчаютъ? Слушай:

Какъ взяли ежа
Во высокой теремъ,
Какъ стали ежа
Цѣловать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Ульяна.

Пойдемъ-ко въ теремъ, погляди подарки
Боярскіе.

Настасья.

Пойти. Чай то-то диво!
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Шута и Марьи Власьевны*).

Марья Власьевна (*открываетъ покрывало и сердито смотритъ на шута*).

Кабы не ты, гуляла-бъ я на волѣ.
Постылый песъ, тебѣ бы бѣса тѣшить!
Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя.

(Входитъ Ульяна; она опять закрывается, ее уводятъ).

Шутъ.

Глядико-сь! Вотъ такъ пыль! Чуть живъ со страху!
Съ ковшомъ на брагу налетѣли, дядя!
Убилъ бобра! Нашла коса на камень!

(Уходитъ).

Сцена 2.

ЛИЦА:

ДУБРОВИНЪ.
БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.
РѢЗВЫЙ.
ПУСТЫННИКЪ.
ЩЕРБАКЪ, есаулъ.
КАУРЫЙ
ЗАЯЦЪ
ВОТРЯ
КАЛГА
ЕРГОЛЬ
} Разбойники.
ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
СВИТА ВОЕВОДЫ.
ПРОХОЖІЕ.
НИЩІЕ и УБОГІЕ.
КРЕСТЬЯНИНЪ.

Лѣсистое ущелье; налѣво гора, въ ней пещера; за горой оврагъ и рѣчка, которая поворачиваетъ въ глубину сцены; за рѣчкой гора, на ней сквозь лѣсъ видны стѣны монастыря; черезъ рѣку мостъ; съ правой стороны лѣсистая гора, по ней идетъ дорога къ мосту и потомъ подымается къ монастырю; подъ горой кусты и шалашъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Нищіе на мосту. Пустынникъ идетъ съ ведромъ съ рѣчки. Прохожіе Богомольцы идутъ по мосту къ монастырю.

Нищіе (*поютъ на мосту*).

Отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ?
Отчего началось солнце красное?
Отчего начался младъ-свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего начались звѣзды частыя?
Отчего начались зори свѣтлыя,
Зори утреннія и вечернія?

Пустынникъ (*ставитъ ведро подлѣ пещеры*).

Года бѣгутъ; что день, слабѣютъ силы;
А немочи часъ отъ часу сильнѣй.
Настанетъ день, зайдетъ къ моей пещерѣ
Убогій братъ, на оклпкъ нѣтъ отвѣта,
Отворитъ дверь: и тлѣющія кости
Отшельника увидитъ предъ собой.
Сойдутъ съ горы, потупившись смиренно,
Въ нѣмомъ молчаньи, братъ за братомъ старцы
И съ пѣньемъ понесутъ меня въ обитель
И честно похоронятъ и напишутъ
Въ синодикъ имя Божьяго раба
На память вѣчную. И у престола,
Что день, помянъ по мнѣ твориться будетъ;
Но все, что видѣлъ я, что самъ содѣялъ,
Что я любилъ, что я покинулъ въ мірѣ—
Со мной въ могилѣ быльемъ поростетъ. (*Молчаніе*)

Уходитъ въ пещеру. Дубровинъ, Бастрюковъ и Рѣзвый подъѣзжаютъ на лодкѣ подъ мостъ и пристаютъ къ берегу).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дубровинъ, Бастрюковъ, Рѣзвый и Пустынникъ.

Дубровинъ.

Тавань! Я вылѣзу, а вы плывите,
Да въ тальникѣ и схоронитесь съ лодкой.
На кликъ иди.

Бастрюковъ.

Ну, ладно. Поплывемъ.

(Уплываютъ. Дубровинъ идетъ. Пустынникъ выходитъ).

Пустынникъ.

Ты здѣсь опять? Гуляешь на свободѣ?
И не страшитъ тебя святое мѣсто,
И не уймутъ тебя земныя власти?

Дубровинъ.

Не столько ловятъ, сколько насъ гуляетъ.

Пустынникъ.

Ты живъ еще? Земля сырая терпитъ
Твои грѣхи?

Дубровинъ.

Ты видишь, живъ покуда.
Привѣтъ меня, отецъ, хорошимъ словомъ,
Благослови, а не кляни! Не сдѣлалъ
Тебѣ дурнаго я.

Пустынникъ.

Не мной ты созданъ,
Не мной и судъ свершится надъ тобой,
Я не кляну, а лишь молюсь и плачу
Да божьему дивлюсь долготерпѣнью.
Мнѣ жаль тебя! Мы оба бѣглецы.
Ты зломъ за зло, обидой за обиду
Грѣховному и суетному міру

Воздать желаешь; я молюсь о немъ.
Не обнажай меча! Мечомъ погибнетъ
Извлекшій мечь. Живи со мной въ пещерѣ;
Ко мнѣ и звѣрь безтрепетно приходитъ,
А отъ тебя и человѣкъ со страхомъ
Отходитъ прочь.

Дубровинъ.

Отецъ, ты въ мірѣ не жилъ,
Мірской заботы-тяготы не знаешь.
Я Богу грѣшенъ, виноватъ царю,
Великъ мой грѣхъ, велико окаянство,
И радъ бы каяться, да не готова
Душа: въ міру есть счеты да приманки,
Да зло на человѣка мыслю, душитъ
Меня вражда, клещами горло давитъ.
У сердца моего кусокъ оторванъ.
Ты дай мнѣ срокъ, возьму мое родное,
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдамъ ему обиду. Пусть, собака,
Живетъ да бѣды на голову копитъ
До божьяго и царскаго суда.
Тогда покину вольную потѣху
И самохотную расправу. Слушай!
Вотъ видитъ Богъ, тебѣ обѣтъ кладу:
Построю монастырь; въ своемъ приходѣ,
Коль приведетъ Господь свой домъ увидѣть
И сызнова по старому зажить,
Украшу храмъ стѣннымъ писаньемъ новымъ.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой —
Пойдетъ на дѣло.

Пустынникъ.

Смерть не за горами,
А за плечами. Легче не родиться,

Чѣмъ умереть, не помирившись съ Богомъ.
А вдругъ помрешь?

Дубровинъ.

Туда мнѣ и дорога!
Своя вина, такъ по дѣломъ и мука.
Въ чемъ Богъ застанетъ, въ томъ меня и судитъ.
Не все же зло, и добраго не мало
Случалось дѣлать; сколько ни потянетъ,
Во что ни постановятъ, все же легче.
Ужъ мнѣ давно шатанье надоѣло,
Давно хочу покинуть ножъ булатный;
И грѣхъ большой, и впереди-то пытка,
Да кнутъ, что по заказу гнутъ. Не сладко.
Душа просила, и въ умѣ бродило
Не смертное убойство, не разбой;
Мой норовъ крутъ, душа моя не терпитъ,
Когда большой молодшаго обидитъ,
Подвластнаго гнететъ да давитъ властной.

Пустынникъ.

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто же
Тебѣ дозволилъ стать надъ властью?

Дубровинъ.

Сердце
Ретивое, что́ бьется—не уймется.
Неправый судъ царитъ на бѣломъ свѣтѣ,
Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;
Кто жъ застоитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?
Не мы, такъ кто жъ? Нѣтъ власти—есть охота.
Затѣмъ-то я тюремное сидѣнье
Смѣнялъ на боръ сырой. Про это горе
Я въ темну ночь надъ Волгой думу думалъ
И съ соловьями рѣчи говорилъ.

Да не нашелъ я по сердцу удалыхъ,
Все голь кабацкая, убойцы, воры,
Виномъ и кровью пьяные. По локоть
Въ крови ихъ руки, головы похмѣльны,
Я имъ не ровня; я затѣмъ и съ низу
Привольнаго поближе къ дому приплылъ,
Чтобъ бросить ихъ и сѣсть опять въ посадѣ,
Лишь, далъ бы Богъ, смѣнился воевода.
Ты не дивись, на бѣломъ свѣтѣ много
Къ своимъ дворамъ, на царское тягло,
Приходитъ нашей братьи. Поживаютъ
И въ усъ себѣ не дуютъ: кто торгуетъ
На воровскія деньги, кто припряталъ.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечахъ носитъ, да живутъ покойно,
Никто не трогаетъ. Меня подавно
Посадскіе не выдадутъ, подъячихъ
Купить не дорого. А тамъ годочекъ
Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
Живешь по-тиху, такъ въ разбоѣ старомъ
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу: я рукъ не кровянилъ.

Пустынникъ.

Ну, Богъ тебя благослови! Смотри же,
Я буду ждать!

Дубровинъ.

Приду, отецъ, и скоро.

(Пустынникъ уходитъ. Дубровинъ подходитъ къ шалашу. Выходитъ Щербакъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Дубровинъ и Щербакъ.

Дубровинъ.

Гдѣ наши?

Щербакъ.

Всѣ въ лѣсу разбродомъ бродятъ.
Велишь скричать?

Дубровинъ.

Не надо.

Щербакъ.

Бережемся.
Поразошлись: кто съ кузовомъ на плечахъ
Грибовъ да ягодъ ищутъ по опушкѣ,
Другой къ слѣпымъ усѣлся на мостъ съ чашкой,
Кто въ чащѣ, кто на острову на Волгѣ
При лодкахъ, при запасѣ. Воевода
Идетъ большой дорогой, цѣлой ратью,
Близъ ста головъ, со всякимъ ратнымъ боемъ;
Какъ на войну собрался, сбилъ народу,
Затинщиковъ, стрѣльцовъ и пушкарей;
Пищали, бердыши несутъ, ослопы,
Рогатины, луки и самопалы
Звѣриные и весь запасъ воинской.
Ужь не за нами ли?

Дубровинъ.

Похоже дѣло.

Щербакъ.

Отвесть-бы въ сторону. Мы мужиченка
Заворотили въ лѣсъ съ дряннымъ возишкомъ,
Съ мѣшкомъ муки; такъ наказалъ я на мостъ
Идти ему да плакать, воеводѣ
Челомъ ударить: вотъ-молъ животишки
Пограбили сегодня утромъ воры
И поскакали дальше по дорогѣ.
Коль скажешь такъ, и возъ назадъ воротимъ,
А нѣтъ,—и самому не быть живому.

Да я впередъ по деревнямъ верстъ на семь
Послалъ молву пустить, что утромъ были,
А спросятъ-молъ: куда ушли? Кажите
Отъ города все дальше.

Дубровинъ.

Ты съ опаской
Живешь, Щербакъ. Да тутъ не то, что съ сотней—
Въ такомъ лѣсу, хоть тысячу народу
Сгони—и то не сыщутъ.

Щербакъ.

Съ береженьемъ
Здоровѣе. Теперь въ верстѣ, не дальше,
Идетъ походомъ воевода, смотрятъ
Съ деревьевъ наши; чуть вдали завидятъ,
Придутъ сказать. Да что-жъ ты насъ покинулъ?
Работы нѣтъ, давно безъ дѣла бродимъ,
Тоска взяла. Тебя не видимъ.

Дубровинъ.

Вовсе
Бѣжалъ-бы я отъ васъ.

Щербакъ.

Да ты что больно
Спѣсивишься?

Дубровинъ.

Мнѣ въ городѣ есть дѣло
Дня на два—на три. Если я не буду
Къ вамъ на четвертой, и не ждите больше—
Считайте такъ, что нѣтъ меня на свѣтѣ.
И живъ я, нѣтъ ли,—будь ты атаманомъ.
Казну дувань; бери мой лукъ бухарской,
Камки и бархаты, цвѣтное платье;

Сбирай людей, плывите безъ оглядки
На низъ.

Щербакъ.

Къ казакамъ, тамъ цѣлѣе будемъ;
Туда и слѣдъ, тамъ что-то заварилось.
Да и тебѣ бы съ нами.

Дубровинъ.

Не узнаешь
Своей судьбы. Вернусь ни съ чѣмъ, такъ съ вами-жъ,
Ни съ кѣмъ другимъ, опять за тужъ работу.
Некраденый кусокъ пріѣстся скоро;
Не стать къ другой работѣ привыкать.

Щербакъ.

А гдѣ казна твоя?

Дубровинъ.

Въ яру зарыта.
Примѣта есть: иди ручьемъ съ дороги
Все на полдень, увидишь двѣ березы,
Сверни направо, на пенёкъ сосновой,
Да тутъ и рой.

Щербакъ.

А на свою-то долю
Ты взялъ ли что? Бываетъ, откупиться
Нужда придетъ, такъ было-бъ чѣмъ.

Дубровинъ.

Припряталъ
По малости. А тамъ себѣ, иль людямъ
Достанется—впередъ не угадать.
Была бы голова, а деньги будутъ.

Щербакъ.

Да что за дѣло у тебя? не баба ль?
Такъ лучше брось. Кто съ ними поведется,

Самъ бабой будетъ. Бабій волосъ дологъ,
Языкъ длиннѣй.

Дубровинъ.

Зачѣмъ иду, я знаю,
А будетъ то, что будетъ. Кто поближе
Изъ нашихъ тутъ?

Щербакъ.

Каурой, Заяцъ, Вотря,
Калга, Ерголь.

Дубровинъ.

Сбери ихъ поскорѣе,
Приказъ отдать. Какъ кликать будешь?

Щербакъ.

Птицей,
И откликъ тоже, лихо наловчились.

(*Кличетъ. Выходятъ: Каурой, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь; съ другой стороны Бастрюковъ*).

Щербакъ *(хватается за ножъ)*.

Чужой!

Дубровинъ.

Не тронь. Я прибралъ изъ посадскихъ,
Пригоденъ будетъ на мою работу.
(*Бастрюкову*):
Вотъ Худояръ передъ тобою,—весь тутъ!
Гляди глазами и ушами слушай,
Языкъ держи на привязи. (*Разбойникамъ*): Ну, братцы
Товарищи, не первый годъ гуляемъ
По Волгѣ матушкѣ. Добра чужаго
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поѣдено, попито
По горлышко. И вѣкъ гулялъ бы съ вами—

Не разставался, да такое дѣло,
Что не ордой, а надоть одному
Пролѣзть и вылѣзть, гдѣ ползкомъ, гдѣ бокомъ
Кругомъ болотца, въ заднія воротца.
Ужь радъ не радъ, а васъ покинуть надо
Не надолго. Щербакъ за атамана
Послужитъ вамъ, такъ и другимъ скажите,
Вернусь, такъ вашъ ужь вплоть до самой петли,
А не вернусь—не поминайте лихомъ.

Каурый.

Ты не бросай совсѣмъ-то!

Заяцъ.

Чтожъ такое
Ты затѣваешь? Это не порядокъ.

Вотря.

Такъ нѣшто водится?

Калга.

Да онъ виниться
Не хочетъ ли, дьякамъ въ ногахъ валяться?
Такъ не помилуютъ.

Ерголь.

Ты не въ монахи-ль?

Дубровинъ.

Галдѣть! Душа не терпитъ! Разсердиться
Не долго мнѣ, да какъ-то вы уймете!
Со мной не спорь. Что сказано, то свято:
Тому и быть.

Каурый.

Да безъ тебя-то горе:
Ты голова, мы руки.

Заяцъ.

Ну, какъ часомъ
Попутаетъ нелегкая, случится,
Въ тюрьму влетишь?

Дубровинъ.

Доводу чтоль боитесь?
На вора воръ докащикомъ не будетъ.
Пытай, хоть жги, хоть рѣжь, а васъ не выдамъ.

(Прибѣгаютъ разбойники)

Разбойники.

Идутъ близёхонько!

Дубровинъ.

По норамъ, живо!

(Всѣ прячутся въ чащу; Дубровинъ и Бастрюковъ за дерево. Щербакъ достаетъ изъ-за пазухи лапоть, садится на пень и начинаетъ ковырять).

Щербакъ (*поетъ*).

Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай-ли, ай люли,
Огородъ горожу!

Огородъ горожу,
Все капустку сажу.
Ай-ли, ай люли,
Все кочаненькую!

У кого нѣту капусты,
Просимъ къ намъ въ огородъ.
Ай-ли, ай люли,
Во дѣвичій хороводъ!

Нищіе (*на мосту поютъ*).

Сходилася правда со кривдою.
Кривда правду переспорила.

Пошла правда по поднебесью.
Пошла кривда по сырой землѣ,
По народу православному:
Оттого суды неправые.

(Входятъ на мостъ: Воевода, за нимъ стрѣльцы; Неустройко съ мышкомъ, одѣляетъ нищихъ. Крестьянинъ кланяется Воеводѣ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Воевода, Неустройко, Стрѣльцы, Крестьянинъ, Дубровинъ, Бастрюковъ и Щербакъ.

Крестьянинъ.

Челомъ тебѣ, бояринъ, воевода!

Воевода *(поднимая его).*

Не кланяйся! Земное поклоненье
Клади святымъ; мы грѣшные.

Крестьянинъ.

Бояринъ,
Ограбили, убили, животишки
Всѣ отняли, стрѣлами пострѣляли.

Воевода.

Кто билъ тебя?

Крестьянинъ.

Невѣдомые люди.

Воевода.

На конѣхъ, или пѣши?

Крестьянинъ.

Всѣ на конѣхъ.

Воевода.

Куда поѣхали?

Крестьянинъ.

Все по дорогѣ,
Все на̀ полдень.

Воевода.

Теперь отыди съ миромъ
Въ свой домъ. А я иду молиться Богу
И не хочу смущать мірской заботой
Своей души. Дѣла мірскія завтра.
Приди и жди конца церковной службы,
Свою бѣду скажи, а мы разсудимъ.
Я самъ пойду въ погоню за ворами.
А вотъ тебѣ на убылое мѣсто.

(Даетъ изъ мѣшка).

Прими!

Крестьянинъ.

Пошли тебѣ Господь здоровье
За наше умоленье, осударь.

(Въ монастырѣ звонъ. Всѣ снимаютъ шапки и переходятъ мостъ).

Дубровинъ.

Теперь на лодку, въ городъ и за дѣло!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л И Ц А:

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
НЕДВИГА.
ОЛЕНА.
ДОМОВОЙ.
ДѢВУШКИ.

Теремъ въ домѣ Воеводы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Недвига и Дѣвушки.

Недвига.

Что за напасть! Не хочетъ слова молвить!
А вы-то дуры! Нѣтъ у васъ умѣнья
Повеселить.

Одна изъ дѣвушекъ.

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то ужь и пѣли, и плясали,
На головахъ вотъ развѣ не ходили —
Да не сумѣть, а то бы попытались.

Недвига.

Толкуй съ тобой! Тебѣ чужая видно,
А мнѣ своя. Ну какъ не распотѣшить!
Охоты нѣтъ! Была царева дочка

На выданьи, царевна Несмѣяна;
Сидитъ, не улыбнется, говоритъ ли,
Не усмѣхнется. Не-въ-которомъ царствѣ
Нашелся парень, разсмѣшилъ-таки.

Другая дѣвушка.

Такъ парень, а не мы! Чудная, право!

Первая.

И ваша бы, пожалуй, разсмѣялась,
Какъ привести ей парня по душѣ.
Да гдѣ же взять?

Недвига.

Ты по себѣ не мѣряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Такъ не у всѣхъ такіе.

Первая дѣвушка.

Говорить-то
Не хочется. До брани не далеко,
Какъ свяжешься.

Недвига.

Знать нечего.

Первая дѣвушка.

На врядъ ли?

Недвига.

Ну, говори!

Первая дѣвушка.

Съ чего она тоскуетъ?
Я слышала. Она сбѣжать сбиралась,
Да не дали.

Недвига.

Такъ что-жъ?

Первая дѣвушка.

Слюбилась съ парнемъ.

Недвига.

А вотъ и врешь. Когда ей съ нимъ слюбиться?
Она его въ глаза-то не видала.

Первая дѣвушка.

Ты говоришь, а кто тебѣ повѣритъ?
Ну, какъ сбѣжать, не знавши съ кѣмъ?

Недвига.

Да такъ же:
Пришелъ да взялъ, не станешь упираться,
А взялъ — повелъ! У бабы волосъ дологъ,
А умъ коротокъ. Ихъ куда ведутъ —
Онѣ идутъ.

Первая дѣвушка.

А можетъ и взаправду.

Недвига.

Вотъ то-то же! Ты не мели пустаго!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

(*Входятъ: Ульяна и Марья Власьевна. Дѣвушки уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига.

Ждала-ль меня? А я шугай надѣла,
Да въ гости къ вамъ. Ну, все-ли поздорову?
Господь съ тобой! Съ чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна.

И сладу нѣтъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась:
Хоть молода, а норовъ старъ.

Недвига.

Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнутъ не вдругъ, а прежде парятъ.

Ульяна.

Да парь, не парь, а надо будетъ гнуться,
Не гнуться—сломишься. Она упряма,
А я упрямѣе.

Недвига.

Мнѣ что за дѣло,
Какая ты! Твое передъ тобою.
Вотъ память-то! Совсѣмъ было забыла
(Кланяется).
Поклонъ отдать родительской. Велѣли
Здоровой быть тебѣ, да заказали
Кручиниться, да вотъ меня старуху
Прислали. По́што, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и дѣньте. Видишь,
Повадиѣе тебѣ со мной, старухой!
Люба — оставь, а нѣтъ — домой пусти.
Велишь остаться? *(Марья Власьевна киваетъ головой)*.
И на томъ спаспбо!

Ульяна.

Пойду-ко я, да челядь попытаю
Проклятую, не спятъ ли, дармоѣды!
Да заперты-ль ворота. Ну, людишки!
Бѣда и только! Хуже окаянныхъ:
За ними глазъ да глазъ, да кнутъ ременный
Въ рукахъ держи, а то не поворотишь!
(Уходитъ).

Недвига.

Ахъ, волкъ те съѣшь и съ потрохомъ! Откуда
Такое зелье взяли? На-лѣсъ взглянетъ —

Такъ лѣсъ завянетъ. Не велика птичка,
А ноготокъ востеръ. Пустили волка
Овецъ стеречь, небось не отказался,
А говоритъ: «что дѣлать! такъ и быть,
Ужь какъ не какъ, а надо послужить».

(Олена входитъ, робко оглядываясь).

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Власьевна, Олена и Недвига.

Олена (*падая къ ногамъ Марьи Власьевны*).

Государыня, боярышня,
Есть за мной бѣда не малая:
На рѣкѣ плáтно мыла,
Громко колотила...

(Оглядывается, Недвига уходитъ).

Боярышня, есть вѣсточка.

Марья Власьевна.

Откуда?

Олена.

Степанъ Семенычъ шлетъ.

Марья Власьевна.

Не лжешь, такъ правда.

Олена.

На что мнѣ лгать! На Волгѣ платье мыла
Я на плоту; невѣдомая жонка
Рядкомъ пристала, вглядываться стала,
Взглянула разъ и два, заговорила:
«Лицо твое мнѣ, милая, знакомо,
А какъ назвать не знаю». Такъ и такъ-молъ.
«Ну, говоритъ, тебя-то мы и ищемъ.

Придешь домой, боярышнѣ тихонько
Шепни, когда улучишь часъ»...

Марья Власьевна.

Скорѣе!
Ну, говори-жъ! Придутъ да помѣшаютъ.

Олена.

Чтобъ завтра въ садъ, какъ только солнце сядетъ,
Ты выходила. Сторожей не бойся! —
Всѣхъ напоятъ. На даровое падки,
Весь домъ напьется къ ночи. Я нарокомъ
Фату твою изъ рукъ пустила въ воду,
Чтобъ допустили: будто повиниться
Пришла къ тебѣ.

Марья Власьевна (*цѣлуя ее*).

Спасибо!

Олена.

Ты Ульяну
Уговори, чтобъ погулять пустила.
Пусть и сама идетъ; изъ рукъ не вырветъ,
Какъ молодцы подхватятъ.

Марья Власьевна.

Да не пуститъ
Изъ терема.

Олена.

Ты подари, попробуй.
Чай есть что!

Марья Власьевна.

Мало-ль дряни. Тише! Идутъ!
(*Входятъ: Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрятъ*).

Олена *(на колѣняхъ)*.

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:
На рѣкѣ плáтно мыла,
Громко колотила,
Фату твою бѣлую
Въ воду уронила.

(Кланяется въ ноги).

Марья Власьевна (*съ сердцемъ*).

Ну нѣтъ! Простить нельзя бѣду такую.
Какая ты работница! Работать,
Такъ не зѣвать по сторонамъ! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И безъ тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. Въ теремъ
Къ себѣ беру. Пусть на меня и служитъ,
Чтобъ отъ меня не отходила шагу.

Олена.

Во бѣлыхъ рукахъ было,
Да ушло, уплыло.
Хошь казнишь, хошь милуешь —
Я не утопла.

Марья Власьевна.

И вмѣстѣ спать со мной! Да накормите
Съ боярскаго стола ее. Ступай!

Недвига.

Вотъ, поглядишь, господское-то дѣло —
Не разберешь у нихъ, что́ гнѣвъ, что̀ милость.

(Недвига и Олена уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ульяна и Марья Власьевна.

Ульяна.

Заговорила? Аль опять надулась?

Житье моё! Ужь нечего сказать!
Вотъ дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! И не было печали,
Да черти накачали. Ты хоть лопни,
Она молчитъ и знать тебя не хочетъ,
Стоитъ какъ пень, ничѣмъ не поворотишь.
(*Марья Власьевна уходитъ*).
Сама пошла. Диковина! Посмотримъ,
Что будетъ отъ нея.

(*Марья Власьевна входитъ и подаетъ съ поклономъ тафтяную рубашку*).

Ну вотъ спасибо!
Какъ поглядѣть, такъ ты изъ умныхъ, дѣвка.
Не вдругъ тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противнаго. Ни въ чемъ не поперечу:
Ты добрая. А чай грѣшки ведутся
И за тобой. — Охъ дѣвки молодыя,
Проказницы! Вы при людяхъ тихони:
По лавочкамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ,
Смирнехонько сидите, глазки въ землю
Опущены. А дай-ко вамъ потачку,
Не догляди, — откуда прыть возьмется —
Бойчѣе бабъ. Погудки, смѣхъ да грохотъ,
А разговоръ послушать, уши вянутъ,
Стыдомъ сгоришь. Да что кому за дѣло,
Чѣмъ тѣшатся, не плакали бы только.
Не то бѣда, что игры да потѣхи
На разумѣ у дѣвокъ! Ну, пускай бы
Промежъ себя и тѣшились, такъ мало —
Утѣхи нѣтъ однимъ, безъ парней скучно.
Не правда чтоль? Ну, и отыщутъ парня,

А тотъ и радъ. Глядишь, и свелъ украдкой
Изъ подъ носу. Не скажетъ и спасиба.
Что берегли. Ну, оттого и вѣры
Вамъ нѣтъ нигдѣ. Сама чудила въ дѣвкахъ,
Такъ знаю васъ, меня не проведете.
И ты, какъ всѣ, не лучше и не хуже,
Да хитрости въ тебѣ ужь больно много.

(Марья Власьевна уходитъ).

Опять ушла. Еще не принесетъ ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мнѣ-то гдѣ взять?

(Входитъ Марья Власьевна съ лѣтникомъ и подаетъ съ поклономъ).

Что ты! Богъ съ тобою!
Не надо, нѣтъ! Куда мнѣ! Совѣсть зазритъ.

(Марья Власьевна кланяется).

Ужь развѣ взять? Подарокъ-то хорошъ.
Непрошеный подарокъ-то дороже.
И то возьму. Благодарю покорно!
Да вотъ бѣда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечѣмъ.
Понаровлю за это; что захочешь,
Отказу нѣтъ, опричь того, что въ теремъ
Чужихъ водить — и затѣвать не думай!
Да не пущу и самоё изъ дому.
А въ терему, что хочешь, то и дѣлай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чѣмъ хочешь забавляйся.

(Марья Власьевна уходитъ).

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти грѣхи! Кто падокъ на подарки,
Добра не быть. Кому придетъ охота

Бросать добро на вѣтеръ? Видно хочетъ
Купить меня. Не слѣдъ бы мнѣ и брать-то,
Да какъ не взять, когда въ глаза мнѣ тычетъ.
Охъ, смерть моя! Такой ужь скверный норовъ —
И соблазнюсь—какъ соблазнюсь! Подаркомъ
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продамъ тебя, бояринъ, сердце чуетъ.
Не утерплю, продамъ. Глядѣть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.

(Зажмуривается. Входятъ: Марья Власьевна съ тѣлогрѣей въ рукахъ и Олена).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена.

Гляди-ко ты, какая тѣлогрѣя,
И съ выпушкой!

Ульяна (*открывъ глаза*).

Вотъ чудо, такъ ужь чудо!
Неужто мнѣ?

(Марья Власьевна кланяется).

Олена.

Кому же?

Ульяна.

Дорогая!
Не намъ носить.

Олена.

Надѣнешь, такъ износишь.

Ульяна.

Охъ, каравай-то не по рылу. Гдѣ намъ!
Ужь какъ тебя благодарить, не знаю,

И не умѣю. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мнѣ. Сулилъ мнѣ воевода,
Да жди-пожди, а онъ, гляди, обманетъ,
А ты добрѣй, ты прежде догадалась.

Олена.

Да у тебя и лѣтникъ — вошвы бархатъ
На золотѣ. Тафтяная рубашка
Съ запястьями.

Ульяна.

Ужь развѣ нарядиться?

Олена.

Ты нарядись, а мы посмотримъ.

Ульяна.

Что ты!
И впрямъ пойти.

Олена.

Чай то-то заглядѣнье!

Ульяна.

Пойдемъ со мной, ты мнѣ пособишь.

Олена.

Можно.

(*Ульяна и Олена уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марья Власьевна (*одна*).

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Немного натолкуешь
Сама съ собой. Сложу отъ скуки пѣсню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтобъ не слыхали.

(*Поетъ*).

Я по терему хожу,
Я по миленькомъ тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.

Ужь я сяду, посижу,
Въ окошечко погляжу,
Въ окошечко
Во косящетое.

Милый вѣсточку даетъ,
Молодаго гонца шлетъ,
Гонца, гонца
Да молоденькаго.

Что не быть, да не бывать,
Съ милымъ розно не живать,
Мнѣ жить, не жить
Со милымъ со дружкомъ.

Поскачу да попляшу
Во высокомъ терему,
Вотъ такъ, вотъ такъ,
Вотъ и такъ, вотъ и такъ!

(Слышитъ шорохъ, садится и молчитъ. Входятъ: Ульяна и Олена).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена.

Куда красно! И посмотрѣть такъ любо.
Красавица, какъ есть.

Ульяна.

Чему дивишься!
И пень хорошъ въ уборѣ!

Олена.

Не похаять
Тебя и безъ убора. Всѣмъ пригожа,

Собой статна, лицомъ бѣла, румяна,
Глаза какъ вишни, бровп колесомъ.
По красотѣ твоей, за дворянина
Тебѣ идти. Ты баба молодая,
Чего-жъ сидѣть!

Ульяна.

Дворяне по дворянамъ.
А не по насъ. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена.

Какъ знать, чего не знаешь!

Ульяна.

Да нечего и знать-то! По одежкѣ
Протягивай и ножки. А дворяне
Хорошій кусъ, да не для нашихъ устъ.
Достатковъ нѣтъ, какая я невѣста;
Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ
Похаживай. Чужой-то хлѣбъ не сладокъ,
Подавишься. Кормить не станутъ даромъ;
И угождай на всякаго, какъ знаешь.
Хоть-бы вотъ здѣсь, смотри за цѣлымъ домомъ —
Бѣда-бѣдой! Будь смиренъ, такъ проглотятъ;
Сердитъ, проклясть готовы. Вотъ и казнись!
Ужь только, дѣвушка, у васъ людишки!
Здѣсь не люди, а черти! Какъ шальные,
Проклятые! Кто спитъ, кто пьяный бродитъ,
Шатается. Сама за всѣмъ и смотришь,
За всякой малостью. А попадѣйся,
Такъ пропадешь, не рада жизни будешь.
Дай только срокъ боярину пріѣхать,
Все выведу наружу: а покуда
Помучиться. И ночь-то не придется
Часокъ уснуть. Чужимъ глазамъ не вѣрю,

Свой глазъ милѣе, а чужой обманетъ.
Сама запру всѣ выходы, всѣ двери,
Да поперегъ порога здѣсь и лягу.
Одинъ глазокъ усни, другой пусть смотритъ.
(Марья Власьевна даетъ ей перстень).
Раздобрилась и не уймешь. А правду
Сказать тебѣ, такъ мнѣ тебя и жалко.

Олена (*вздохнувъ*).

А у насъ во саду
Соловей поетъ,
Выговорочки
Выговариваетъ.

Ульяна.

Послушаемъ; послушать что ли хочешь?

Олена.

Сходить бы завтра.

Ульяна.

Чтожъ такое! сходимъ
Въ сумеречки. Большой бѣды не вижу;
Въ своемъ саду, а не въ чужомъ. Боярынъ
И не велѣлъ, да мало-ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко въ строку.
Наказъ-то знай, а дѣлай, какъ придется.
(Марья Власьевна цѣлуетъ ее).
Ну, въ садъ, такъ въ садъ! Давно бы ты сказала.
Гуляй себѣ, когда придетъ охота;
Хоть днемъ гуляй, хоть ночью.

Олена.

Вотъ и ладно.

Ульяна.

Гуляй, гуляй! Авось повеселѣешь,
Хоть улыбнись на насъ съ Оленой!
(Марья Власьевна улыбается).

*

Ишь ты!

Пошло на ладъ.

Олена.

Дай срокъ, не то увидишь.

(*Входитъ Недвига*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Недвига.

Недвига.

Пора и спать. Чего сидѣть въ потемкахъ!
Поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, да на̀-бокъ
И завались. Безъ ужина ложиться
Не хорошо бываетъ, плохо спится,
Да много грезится. А то, какъ знаешь:
Спди себѣ. А ужь огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна.

Кто лѣтомъ зажигаетъ!
Чай дворня спитъ?

Недвига.

И куры, и собаки —
Всѣ спятъ.

Олена.

И я, боярышня, прилягу.

(*Уходитъ*).

Недвига.

Ну, чтожъ нейдешь? Аль спать-то не охота?
Не то что я. Всѣ ноги отходила,
Всѣ кости, всѣ суставы заболѣли,
Измаялась. Не разсказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.

(*Садится на скамейку*).

Сумерничать давайте. Мы любили
Въ сумеречкахъ сидѣть съ тобой тихонько

И побасенки баять тихомолкомъ,
А кругъ тебя какъ точно кто мурлычитъ...
Ахъ, батюшки! Вотъ такъ меня и клонитъ,
Такъ и валюсь и тычусь носомъ. Часомъ
Совсѣмъ усну, такъ ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридесять земель,
Въ тридесятомъ царствѣ,
(Дремлетъ).
Жили два брата,
Да мать брюхата,
Да отецъ на дняхъ...

Постой! не такъ. Я что загородила,
Не сплю, а бредится. Начну съ начала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогій, а дѣтей у него много.
Говоритъ богатый бѣдному брату:
Самъ ты убогій, а дѣтей у тебя много,
Дай ты мнѣ сына, вотъ тебѣ жита осьмина,
Вотъ тебѣ осьмина, а женѣ твоей холстина,
А дочери коза, лубяныя глаза...

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебѣ! Не то все! Задремала.
Вотъ дальше-то забыла, что тамъ было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,
Что попросилъ у брата лошадь бѣдный,
А волкъ и съѣлъ, оставилъ хвостъ да гриву.
И повели дружка къ судьѣ Шемякѣ.
Сидитъ судья Шемяка, судомъ судитъ,

Бороду закуситъ, да усъ разлощитъ,
Усъ разлощитъ, глаза вытаращитъ...

Тьфу! пропасть! Не налажу, да и только.
То про Ѳому начну, то про Ерёму.

(Изъ двери выходитъ Домовой съ фонаремъ. Недвига въ полуснѣ машетъ руками).

Аминь, аминь, разсыпься! Чуръ меня!

(*Засыпаетъ*).

Домовой.

Что вечерняя красная зорюшка
Догараетъ, чуть краюшкомъ теплится,
Загораются частыя звѣздочки,
Разсаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховыхъ цвѣтныхъ изголовьицевъ,
Ходитъ сонъ по сѣнямъ, по новымъ дрема.
Ты поди, сонъ-дрема, въ головахъ постой.

По хоромамъ старымъ
Я давно брожу;
Въ теремѣ чужая,
Дай-ко погляжу.
Новая новинка
Къ худу иль къ добру?
Нѣтъ, такая гостья
Намъ не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожоная,
Не про стараго мужа рощоная,
Старику-то чернѣть да горбы ростить,
А тебѣ-то алѣть спѣлой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость съ милымъ дружкомъ.
Тихой сонъ—угомонъ яснымъ глазынькамъ,
Въ изголовье тебѣ грезы дѣвичьи.

За сердечнымъ другомъ
То ли не житье,
А у насъ по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный теремъ
На короткой часъ,
Да и пустъ покинешь
И бѣжишь отъ насъ.

Запустѣетъ теремъ, принаклонится,
Замететъ по угламъ пылью-плѣсенью,
Понесетъ по сѣнямъ бранью-руганью,
Спитъ да вопъ по клѣтямъ съ перекорами,
Не слыхать-то мнѣ смѣху веселаго,
Молодаго, дѣвичьяго, звонкаго.
Не слыхать по ночамъ бреду жаркаго,
Только старымъ старухамъ шлыки сшибать.
(*Сшибаетъ шлыкъ съ Недвиги и уходитъ*).

Недвига (*въ просонкахъ*).

Аминь, аминь, разсыпься!

Марья Власьевна.

Ахъ, какъ сладко
Уснула я!

Недвига.

Аминь, аминь, разсыпься!
(*Встаетъ*).
Не разберу: во снѣ ли, на яву ли,
А сбили шлыкъ. Не ты ли пошутила?
Пойдемъ-ко ужинать да спать ложиться.
Вотъ день прошелъ, до насъ дошелъ. (*Зѣваетъ*).
Ахти мнѣ!
Грѣхи мои! (*Зѣваетъ*). И-ахъ... великіе!
(*Уходятъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.
НЕУСТРОЙКО.
СТАРУХА, крестьянка, хозяйка постоялаго двора.
ИВАНЪ, ея сынъ.
ГАВРИЛО, КЛИМЪ } бортники изъ Нижняго.
СИДОРЪ, лѣсной промышленникъ изъ Унжи.
КУРЧАЙ, КУЛИКЪ } цѣловальники съ казенной рыбой и солью.
СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СОНЪ ВОЕВОДЫ:

ЛИЦА:

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ, старикъ.
СЕМЕНЪ БАСТРЮКОВЪ.
ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ, ДЬЯКЪ } изъ приказа Костромской четверти.
ПЕСТОВЪ, ПОДЖАРЫЙ } дворяне.
ДВОРЯНЕ И РАЗНЫЕ ДВОРЦОВЫЕ ЧИНЫ.
СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.
РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ.
РѢЗВЫЙ И СЛУГИ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба, направо печь, передъ печью люлька съ ребенкомъ, налѣво столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Старуха (*за люлькой*), Гаврило, Климъ (*за столомъ жинаетъ*), потомъ Иванъ, Курчай, Куликъ и Сидоръ.

Гаврило.

Вы, тетка, чьи?

Старуха.

Помѣстные крестьяне.

Гаврило.

За кѣмъ живете?

Старуха.

За мурзой крещонымъ.

Климъ.

Хорошъ до васъ?

Старуха.

Татаринъ, какъ татаринъ.
Гдѣ бабѣ знать! Толкуйте съ мужиками,
Вотъ сынъ придетъ.

Гаврило.

Ты внучка, что ли, няньчишь?
А гдѣ жъ сноха?

Старуха.

Съ робятами въ чуланѣ.
Тамъ четверо у ней, вотъ пятый въ люлькѣ.

(Входитъ Иванъ).

Иванъ.

Струга пришли, къ ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А съ лѣсу воевода
Валитъ со всѣмъ народомъ; хочетъ станомъ
На берегу остановиться на ночь.

Старуха.

Чай, лютъ?

Иванъ.

Вѣстимо, лютъ: на то бояринъ.
Ты ждешь купцовъ, а тутъ, глядн, нагрянутъ
Боярскіе голодные холопья.
Одинъ раззоръ! Отъ нихъ, что отъ пожару,
Что есть въ землѣ зарыто, то и цѣло,

А подъ руку попало, то пропало.
Ахти, бѣда!

Старуха.

Да что у насъ и взять-то?

Иванъ.

У нищаго суму, и ту отнимутъ.

(*Входятъ: Курчай, Куликъ и Сидоръ*).

Иванъ.

Съ струговъ?

Сидоръ.

Съ струговъ.

Иванъ.

Отколь?

Сидоръ.

Изъ Унжи будемъ.

Иванъ.

Съ лубьемъ?

Сидоръ.

Нешто́!

Иванъ.

А вы, робя?

Курчай.

Мы съ низу.
Мы въ цѣловальникахъ идемъ въ насадахъ,
Съ казной.

Иванъ.

Съ какой?

Курчай.

Съ оброчной рыбой.

Иванъ.

Въ бочкахъ?

Курчай.

И съ бочешной, и съ солью.

Иванъ.

А стерлядокъ?

Курчай.

Не водимъ мы. А какъ по верхнимъ плёсамъ,
Каковъ уловъ?

Иванъ.

Нештò-таки.

Курчай.

А мёрны?

Иванъ.

Да всякія—и въ стрѣлу есть, и больше.

Куликъ.

Вы держите, аль нѣтъ?

Иванъ.

Чего?

Куликъ.

Вѣстимо...

Иванъ.

Вина-то, что ль? Нѣтъ, парень, не бывало.
У насъ корчмы никто не держитъ.

Куликъ.

Будто?

Иванъ.

Да боязно, великъ отвѣтъ.

Куликъ.

Не бойся,
Не выведемъ, не сыщики.

Иванъ.

Ну, право.

Курчай.

Поди, пошарь. Авось найдешь.

Иванъ.

Пошарю.
Кажись: что есть: себѣ берегъ на праздникъ.
(Уходитъ).

Курчай (*Гаврилѣ и Климу*).

Хлѣбъ-соль!

Гаврило.

Спасибо.

Курчай.

Здраствуйте. Откуда?

Гаврило.

Изъ Нижняго гужемъ идемъ въ обозѣ.

Курчай.

Далеко ли?

Гаврило.

До Ярославля, съ медомъ,
Мы бортники.

Сидоръ (*подсаживаясь*).

Плесни, хозяйка, щецъ-то!
Да не пустыхъ.

Старуха.

Варила со снѣтками.

Курчай.

А снѣтъ какой—рѣчной или озерной?

Старуха.

Къ намъ галицкой идетъ, не бѣлозерской.

Курчай (*садится къ столу*).

Ты на троихъ давай.

Старуха.

Про всѣхъ достанетъ.

(*Гаврило и Климъ встаютъ*).

Гаврило (*старухѣ*).

Бладарствуйте. Мы лошадей посмотримъ,
Да на печь къ вамъ. Гляди, и полночь скоро.
Часокъ—другой соснемъ, да и въ дорогу.

(*Уходятъ*).

Старуха.

Большая печь, просторно, полѣзайте.

(*Входитъ Иванъ съ виномъ въ кувшинѣ*).

Иванъ.

Полкружки есть. По чаркѣ будетъ. Пейте.

Куликъ.

Простое?

Иванъ.

Съ махомъ. Люди пьютъ да хвалятъ.

Куликъ (*пьетъ*).

Не похулимъ и мы. Нельзя не выпить,
Все на водѣ.

Иванъ.

На доброе здоровье!

(*Ѣдятъ. Гаврило и Климъ входятъ и лѣзутъ на печь*).

Старуха.

Прибралъ въ клѣти?

Иванъ.

Въ подполицу припряталъ.

(*Стукъ*).

Старуха.

Поди, стучатъ.

Иванъ.

Пущай идутъ къ сосѣдямъ,
Кого несетъ!...

Старуха.

Не вдругъ пускай. Окликни.

(*Иванъ уходитъ*).

Курчай.

Ишь, крикъ какой! Не лучше ль убираться
Съ добра ума. Сбирай-ко щи, хозяйка;
А кашу даромъ. Завтра разочтемся.

(*Встаютъ. Старуха сбираетъ со стола*).

Подальше отъ грѣха, здоровѣй будешь.
Пойдемте спать въ струги. За угощенье!

(*Уходятъ: Курчай, Куликъ и Сидоръ. Иванъ входитъ*).

Иванъ.

Хоть въ гробъ ложись! Бояринъ къ намъ постоемъ,
Опричь хоромъ, со всѣмъ дворомъ валится.
Ишь, холодно въ палаткѣ, такъ холопы
По избамъ рыщутъ, гдѣ теплѣй да чище.
Ужь я молилъ не мало.

Старуха.

Воля Божья!
Придетъ бѣда, такъ отворяй ворота.

(*Входитъ Неустройко и слуги*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Иванъ, Старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко.

Давай огня!

(Старуха подаетъ лучину, зажигаетъ восковую свѣчку).

Сдвигайте столъ въ тотъ уголъ!
Ковры, мѣха стелите, въ изголовье
Сѣдло кладн!

Иванъ *(кланяясь въ ноги).*

Яви такую милость,
Ослободи! Поди къ сосѣдямъ!

Неустройко.

Смерды,
Ступайте въ хлѣвъ! Старуху вонъ и съ зыбкой.
(Слуги подходятъ къ люлькѣ).

Старуха.

Разбойники! младенца-то не троньте!
Кому помѣха ангельская душка!
(Входятъ: Воевода и слуги).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Неустройко, Иванъ, Старуха и слуги.

Старуха.

Уйми холопей, закажи имъ трогать
Младенца!

Воевода.

Вонъ ступайте! Ты, старуха,
Останься здѣсь съ ребенкомъ. Ближе къ дѣтямъ,
И ангелъ ближе, мѣсто благодатнѣй.
Онъ не блажитъ у васъ?
(Уходитъ Иванъ и слуги).

Старуха.

Въ кого родится
Благой у насъ, давно мы присмирѣли,
Съ царя Бориса.

Воевода.

Вспомнила Егорья?

Старуха.

Ужли жъ забыть! И правнуки и внуки
Праправнуковъ Егорья помнить будутъ.

Воевода.

Раздѣнь меня!

(Неустройко снимаетъ съ него дорожную сулейку; воевода пьетъ чарку, потомъ снимаетъ складень, цѣлуетъ и ставитъ въ изголовье, потомъ снимаетъ оружіе).

Неустройко.

Опочивай покойно!
Я въ сѣни спать; понадоблюсь, такъ близко.

(Уходитъ. Воевода ложится и скоро засыпаетъ).

Старуха (*качаетъ зыбку и поетъ*).

Баю—баю, милъ внучоночекъ!
Ты спи—усни, крестьянской сынъ!
Допрѣжъ дѣды не видали бѣды,
Бѣда пришла, да бѣду привела
Съ напастями, да съ пропàстями,
Съ правежами бѣда, все съ побоями.

Баю—баю, милъ внучоночекъ!
Ты спи—усни, крестьянской сынъ!
Насъ Богъ забылъ, Царь не милуетъ.
Люди бросили, людямъ отдали,
Намъ во людяхъ жить, на людей служить,
На людей людямъ приноравливать.

Баю—баю, милъ внучоночекъ!
Ты спи—усни, крестьянской сынъ!
Бѣду нажили, какъ изжить будетъ?
Изживемъ бѣду за работушкой,
За немилой чужой, непокладною,
Вѣковѣчною, злою — страдною.

Баю—баю, милъ внученочекъ!
Ты спи—усни крестьянской сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесетъ грозу,
Пронесетъ грозу, горе минется,
Поколь Богъ проститъ, царь сжалится.

(*Засыпаетъ надъ люлькой*).

Воевода (*во снѣ*).

Сдавилъ всю грудь, проклятой! Душитъ, душитъ,
Вздохнуть не дастъ ни разу, зачураться!
Охъ, смерть моя приходитъ! Чуръ меня!
Полегчило немного. Охъ, тоскуетъ
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученныя пыткой, испитыя,
Какъ саванъ бѣлыя. И слезы, слезы
Сиротскія, напрасныя, какъ рѣки
Бѣгутъ кругомъ, и стонъ стоитъ до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мукъ, и палачей гоните!
Вы видите, мы по колѣно бродимъ
Въ чужой крови! Мы вымучили много
Добра себѣ чужаго. Посмотрите,
Еще несутъ и сыплютъ: все копѣйки
И денежки серебряныя. Жгутся
Проклятыя; онѣ не деньги, угли
Изъ кузницы, изъ горну. Вотъ съ мѣхами
Подходятъ дьяволы и раздуваютъ,
И пышетъ жаромъ, такъ и пышетъ жаромъ;
Вся кровь горитъ, огонь бѣжитъ по жиламъ
И сердце жжетъ (*просыпается*). О, Господи помилуй!

(*Садится*).

И сонъ тяжелъ и сонный бредъ замучилъ.
Съ молитвой легъ. Не знаю, что за притча!

И радъ не спать-да сонъ одолѣваетъ,
Сомкну глаза-такъ одолѣютъ грезы...

Старуха (*въ просонкахъ*).

Баю-баю, милъ внучоночекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Бѣлымъ тѣльцомъ лежишь въ люлечкѣ,
Твоя душенька въ небесахъ летитъ.
Твой тихой сонъ самъ Господь хранитъ,
По бокамъ стоятъ свѣтлы ангелы.

Воевода.

О, Господи, и насъ помилуй, грѣшныхъ!

(*Ложится*).

Старуха.

Баю-баю, милъ внучоночекъ!
Ты спи-усни, крестьянской сынъ!
Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихой сонъ очамъ наговариваетъ;
Да качку-качалку покачиваетъ.

(*Засыпаетъ*).

Воевода (*во снѣ*).

Къ суду зовутъ. Отъ судьевъ откупиться
Я знаю какъ. Не первой разъ. Не страшенъ
Боярской судъ, московской. Гдѣ я?

Въ углу открывается часть кремлевскаго дворца, боярская площадка, постельное крыльцо. На площадкѣ думный дворянинъ, дьякъ, Несытовъ, Поджарый; разные дворцовые чины стоятъ на лѣстницѣ и на площадкѣ. Изъ дворца выходитъ Большой бояринъ.

Какъ я
Попалъ въ Москву? Вотъ царскія палаты,
Постельное крыльцо; дворяне ходятъ
По лѣстницѣ, бояре на площадкѣ.

И я ходилъ проситься на кормленье,
Покланялся немало, съ годъ толкался,
Ступени теръ, безъ шапки. Что за люди?
Все новые. А вотъ и Бастрюкова
Я вижу тамъ. Пойти и мнѣ съ поклономъ.
Никакъ не встать, какъ скованый, и ноги
Какъ вкопаны. А вотъ большой бояринъ.
(*На крыльцѣ*).

Большой Бояринъ.

Несутъ молву, что якобы Шалыгинъ
Задуровалъ на воеводствѣ. Правда ль?
Аль можетъ, врутъ?

Думный дворянинъ.

Посадскимъ утѣсненье
Великое, убытки и налоги
Напрасные чинитъ.

Воевода (*на постели*).

Не вѣрь, бояринъ!

Думный дворянинъ.

Продажей и убойствомъ изобидѣлъ.

Большой боярinъ.

А челобитья есть?

Дьякъ.

Безъ челобитья
На городахъ живутъ ли воеводы!
Другой путемъ усѣсться не успѣетъ,
Глядишь — ужь шлютъ. Давно сидитъ Шалыгинъ,
Такъ какъ не быть! Нельзя безъ челобитьевъ.
Святой и тотъ на всѣхъ не угодитъ.

Большой боярinъ.

За воеводъ дьяки всегда заступа,

Горой стоятъ. Какъ надо, христіане:
Не платятъ зломъ за добрые поминки;
И правды не узнать отъ нихъ. Собака
Собаку знаетъ, не укуситъ.

Думный дворянинъ.

Много
Обижено Шалыгинымъ напрасно.
На дняхъ въ приказъ прислали челобитье,
Коль правда все, не ждать ему пощады.

Большой Бояринъ.

А челобитчикъ кто?

Думный дворянинъ.

Да всѣмъ посадомъ
Отъ старосты, во всѣхъ посадскихъ мѣсто.

Большой бояринъ.

И старостамъ нельзя во всемъ повѣрить.
Поссорятся, сейчасъ и челобитье;
А помирятся, такъ его же просятъ
На воеводство. Ихъ не разберешь.
А недоборы?

Думный дворянинъ.

Есть и недоборы.
Здѣсь Бастрюковъ Семенъ, въ Москву пріѣхалъ
Изъ города. Спроси его, онъ знаетъ
Про всѣ дѣла.

Большой бояринъ.

Ну, кликни Бастрюкова.

(Думный дворянинъ подводитъ Бастрюкова; тотъ кланяется).

Не скажешь ли чего про воеводу
Шалыгина?

Бастрюковъ.

Да что сказать, бояринъ!
Коль правду говорить, житья не стало
Ни меньшимъ, ни большимъ. Посадскихъ мучитъ,
А женъ себѣ беретъ.

Воевода *(на постель)*.

Не вѣрь, бояринъ!
Поклепомъ злымъ обноситъ, мстя по злобѣ.
Онъ самъ воровъ таитъ и укрываетъ.

Бастрюковъ.

Съ подъячими стакнувшись, научаетъ
Воровъ въ тюрьмѣ поклепомъ и молвою
Язычною посадскихъ обносить
Своей корысти ради ненасытной.
Въ тюрьмѣ блюдетъ себѣ для волховства
Волхва. Дѣла позапустилъ. Посадскихъ
Поразогналъ: дворишки запустѣли,
Отъ тѣсноты и не стерпя мученья —
Всѣ врозь бѣгутъ.

Воевода *(на постель)*.

Онъ ворогъ мой! пустите,
Я задушу его! Пустите руки!
Кто держитъ ихъ? Зачѣмъ меня связали?
Его связать!

Большой бояринъ.

Кого бъ послать для сыску!

Думный дворянинъ.

Охотники найдутся. Да ужь разомъ
Сыскать велѣть и сѣсть на воеводство.
Вотъ двое тутъ: Несытовъ да Поджарый.

(Несытовъ и Поджарый подходятъ и кланяются).

Большой бояринъ.

Вотъ и нашлись.

Несытовъ и Поджарый (*вмѣстѣ*).

Пустите покормиться!

Большой бояринъ.

У насъ еще и кошка не умылась,
А гости къ намъ на дворъ.

Думный дворянинъ.

Давно ужъ просятъ.

Большой бояринъ.

Гдѣ медъ, такъ мухъ нальнетъ. Болото было бъ.
А черти будутъ.

Думный дворянинъ.

Отпустить Левонтья
Поджарова. Онъ прохарчился больно
И отощалъ, какъ жердь. А Бастрюкова
Пускай опять въ губные выбираютъ.

Большой бояринъ.

Пиши наказъ, да пусть и ѣдутъ съ Богомъ,
Я доложу на-завтра государю.

(*Видніе исчезаетъ*).

Воевода (*просыпается*)

И страшенъ сонъ, да милостивъ Господь.
Не даромъ шлю изъ года въ годъ поминки
Пріятелю-дьяку и доброхотамъ.
Ужли жъ они меня не пожалѣютъ,
Грѣха не побоятся? Грѣхъ великій
Поминки брать задаромъ. Что поминки!
Все прахъ и тлѣнъ. Душа своя дороже.

Оброкъ плачу, такъ можно спать спокойно.
Не выдадутъ. Не всякій сонъ да въ руку.
Сосну еще—и въ городъ. Да приняться
За Бастрюковыхъ. Насолили оба.
Отецъ мутитъ, а сынъ воруетъ дѣвокъ.
Не догляди немного, и увезъ бы
Жемчужину такую, что и въ царскихъ
Не сыщется палатахъ. Да ему ли,
Безпутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты дѣвичьей
Не разберетъ онъ, бражникъ; та-ль, другая-ль —
Ему одно. Ужь онъ, гляди, за пьянствомъ
И позабылъ о ней. А если помнитъ?
А если вретъ Мизгирь, и ворожбою
Онъ обманулъ меня, чтобъ только выжить
Изъ города, чтобъ не былъ я помѣхой
Ихъ плутовству! Людишки всѣ продажны,
За денежку любаго купишь. Каждый,
И пьяница и воръ. Зачѣмъ заѣхалъ
Я въ эту глушь? На самыхъ добрыхъ коняхъ
Весь день скакать,—до ночи не доскачешь.
А тамъ гляди гульба, потѣха, пьянство
Во всемъ дворѣ. А въ терему у Марьи
Чужой сидитъ хозяиномъ, цѣлуетъ,
Глядитъ ей въ очи, къ сердцу жметъ ее,
Какъ у себя, какъ дома. Либо вовсе
Сманилъ ее и былъ таковъ. Немало
Свѣтлицъ и повалушъ у Бастрюкова,
Зачѣмъ ему въ чужія красться воромъ,
Изъ-подъ-тишка, съ оглядкой миловаться,
Чтобъ люди не видали. То ли дѣло,
Привезъ домой, она не поперечитъ,
Гуляй душа, никто не помѣшаетъ.

О, дьяволы! Грызи зубами руки,
Да плачь теперь; свою башку сѣдую
Разбей объ печку. Дуракомъ родился
И дуракомъ умрешь. Вотъ близко локоть,
Да не укуснешь. Ты кому повѣрилъ?
Кого оставилъ домъ стеречь? Бабёнку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну, да позвенѣть ей къ рылу,
Себя продастъ, не только что чужую.
А слуги? тѣ на зло, не изъ корысти,
Готовы домъ поджечь со всѣхъ угловъ.

(Молчаніе).

Скачи, Нечай, скачи, пріѣдешь въ пору.
Тамъ пиръ идетъ, весь міръ гуляетъ, пляшутъ,
Здоровье пьютъ, Нечая поминаютъ:
«Берегъ Нечай, да людямъ. У Нечая
И по губамъ текло, да не попало».
Да скороль утро? Ѣхать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи, какъ листъ осиновой, Іудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдунъ какой! Поворожить бы.

(Подходитъ къ старухѣ)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха.

Намъ, бояринъ,
И ворожить-то не о чемъ. Мы Бога
И такъ прогнѣвали. А вамъ, боринъ,
Безъ ворожбы спола-горя живется.
Ты отойди, здѣсь ангельское мѣсто.

Баю—баю, милъ внучоночекъ!
Ты, спи—усни, крестьянской сынъ!

Воевода (*садится на постель*).

Вы, черти полуночные, сбирайтесь —
Иль рвите врозь меня, иль помогите!
А сонъ опять моритъ. Прилягу малость.
Забрезжетъ свѣтъ, на ко́ней и въ дорогу.

(*Засыпаетъ*).

Старуха.

Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ,
Да качку — качалку покачиваетъ.

(*Засыпаетъ*).

(*Часть сѣней въ домѣ Бастрюковыхъ. Бастрюковъ Степанъ, съ чарой меду, Дубровинъ, Рѣзвой, Заря, Кубасъ, Шишига и слуги одѣты гребцами*).

Воевода.

Да вотъ они. Романъ Дубровинъ, Степка,
Вы оба тутъ. Ну, васъ-то мнѣ и надо.
Попался, братъ Степанъ. Иди къ отвѣту!
Не я сужу, законъ, не обижайся,
Что не по шерсти гладятъ. Ты умѣешь
Воровъ скрывать, умѣй отвѣтъ держать.

Степанъ Бастрюковъ.

Повеселѣй бы что нибудь, робята!

Рѣзвый.

Да вотъ игра: садись, робята, на полъ!
Да запоемъ: «По матушкѣ, по Волгѣ»!

Степанъ Бастрюковъ.

Любимая моя игра. Хмѣльному
Простору нѣтъ въ избѣ, гулять охота,
Вотъ сядемъ всѣ, да и поѣдемъ. Любо!

Я — атаманъ, Дубровинъ — есауломъ.
Я-на корму, онъ-на носъ (*Ръзвому*) ты съ братиной
Въ середку сядь и подчуй всѣхъ: направо,
Налѣво, мнѣ, Дубровину, себѣ..,
(*Садятся*).
Поѣхали!

Воевода.

Далеко не уѣдешь!

Гребцы (*поютъ*).

Разъ первой! Разъ другой! Ухнемъ да ухнемъ!

Воевода.

Ты на полъ сѣлъ и думаешь, что въ лодку!
Дуракъ, дуракъ! Вяжите ихъ покрѣпче!
Накрыли васъ дружковъ. Да гдѣ же люди?
Въ желѣза всѣхъ! И не проси пощады!
Я золъ, какъ звѣрь, какъ волкъ запольный! Живо
Въ застѣнокъ ихъ, пытать поочередно.

Гребцы.

Разъ первой! Разъ другой! Еще маленькій разокъ!

(Сцѣни исчезаютъ. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, всѣ пріободряются, надѣваютъ шапки, берутъ весла. Бастрюковъ и Дубровинъ встаютъ на ноги).

Воевода.

Уѣхали! держите ихъ, держите!

Бастрюковъ.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до Синя-моря
Крутымъ ярамъ, да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, намъ на погулянье!

Не даромъ слава про тебя ведется,
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй: «По матушкѣ по Волгѣ!»

Гребцы (*поютъ*).

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой,
Забушевалася погодка
Немала́я, волнова́я.

Бастрюковъ.

Ты ясаулъ, гляди, что впереди!
Что видишь?

Дубровинъ.

Че́рни.

Бастрюковъ.

Чѐрни не помѣха,
Въ водѣ-то черти, въ берегу-то черви,
Въ лѣсахъ коренья, пенья да сучки,
По городамъ подъячіе крючки.
Хотятъ словить, да врутъ: мы погуляемъ,
По Волгѣ силу — удаль попытаемъ.

Гребцы (*поютъ*).

Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску разъѣздную.

Бастрюковъ.

Вѣрнѣй гляди, что впереди?

Дубровинъ.

Колода.

Бастрюковъ.

Что мнѣ колода! Самъ я воевода.

А ты гляди по Волгѣ, нѣтъ ли встрѣчныхъ
И поперечныхъ?

Дубровинъ.

Есть. Струги гребные.

Бастрюковъ.

Какіе, съ чѣмъ?

Дубровинъ.

Купецкіе съ товаромъ,
А царскіе съ казной.

Бастрюковъ.

На нихъ казаки-воры,
А на купецкихъ-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тѣмъ.

Воевода.

Зачѣмъ ты ѣдешь, знаю.
Воруй себѣ, да только не у насъ.

Бастрюковъ.

Гляди вѣрнѣй! Что видишь?

Дубровинъ.

Вижу теремъ
Росписанный.

Бастрюковъ.

Пригряньте-ко, робята!

Гребцы.

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко жолтому песочку,
Ко боярскому подворью.

(*Показывается теремъ*).

Воевода.

Не мой теремъ, не мой. Къ чужому ѣдутъ,
Мой въ городѣ, на лодкѣ не подъѣдешь;
Я дома самъ, чего же мнѣ бояться.
Ловите ихъ, держите! Воры, воры
Наѣхали. Да что-жъ вы спите что ли?

Гребцы.

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.
(*Марья Власьевна сходитъ съ берега*).
А Марьюшка выходила,
Гребцамъ меду выносила.
Не прогнѣвайся, хозяинъ,
Что наѣхали не званы.

Воевода.

Зачѣмъ ты здѣсь? Домой, вернись домой!
Не дамъ уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Гдѣ ножъ? А вотъ онъ, вотъ онъ!
Возьметъ ли, нѣтъ ли, только не живую.

Гребцы.

Вы берите красну дѣвку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
Къ атаману на колѣни.

(*Марья Власьевна садится на колѣни къ Бастрюкову. Видніе исчезаетъ*).

Воевода (*во снѣ*).

Въ глазахъ увезъ. Меня столкнули въ Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливаетъ
Меня всего, подъ шею подступаетъ.
Ко дну иду. Безъ покоянья страшно
Мнѣ умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать имѣнье нищимъ,
Постричься. Никто не шевельнется,

На берегу стоятъ да смотрятъ. Любо,
Что я тону, какъ ключъ. Вотъ дно, вотъ камни
Зеленые, зеленая трава,
Песокъ зеленый! Братцы, помогите!

(*Входятъ: Неустройко и двое слугъ. Въ окнѣ утренній свѣтъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Старуха, Воевода, Неустройко и двое слугъ.

Неустройко.

Будить, аль нѣтъ?

Слуга.

Нетрожъ, пусть самъ проснется.

Воевода (*во снѣ*).

Тону! Спасите! Господи помилуй
Раба Нечая! Умираю! (*Просыпается*). Гдѣ я?

(*Встаетъ*).

Неустройко.

Господь съ тобой! Мы здѣсь, въ избѣ.

(*Беретъ сулейку, складень и оружіе Воеводы. Слуги собираютъ постель*).

Воевода.

Проворнѣй!
Коней, коней!

Неустройко.

Осѣдланы, бояринъ.

Воевода.

Домой живѣй, чтобъ къ ночи быть.

(*Одѣвается*).

Неустройко.

Поспѣемъ.

(*Уходятъ. Гаврило слѣзаетъ съ печи, умывается и выходитъ за дверь помолиться. Климъ слѣзаетъ, умывается. Гаврило возвращается. Климъ уходитъ*).

Гаврило.

Слава тебѣ Господи, до бѣла свѣта проспали.

Климъ (*возвращается*).

Разсвѣло бѣло, хоть хлѣбъ ѣшь.

Старуха.

Рушай да кушай на здоровье.

Гаврило (*беретъ хлѣбъ на столѣ рѣжетъ*).

Господи благослови!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.
БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ.
БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.
ОБЛѢЗЛОВЪ.
ПОДЖАРЫЙ, новый воевода.
ДУБРОВИНЪ.
ШУТЪ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
УЛЬЯНА.
ОЛЕНА.
СТОРОЖЪ.
НЕУСТРОЙКО.
ЗЕМСКІЙ СТАРОСТА.
СМИРНОЙ.
ДРУЖИНА.
ВЛАСЪ.
НЕСМѢЯНОВЪ.
ПОСАДСКІЕ.
РѢЗВЫЙ.
СЛУГИ БАСТРЮКОВА.
СЛУГИ ВОЕВОДЫ.
СТРѢЛЬЦЫ.
НАРОДЪ.

Садъ; направо на подклѣти горница, прямо противъ зрителей теремъ, тоже на подклѣти, съ открытымъ переходомъ вокругъ; съ переходу дверь въ сѣни, соединяющія теремъ съ горницей; подъ сѣнями проѣздъ. Изъ сѣней, лѣстница въ нѣсколько колѣнъ съ площадками на столбахъ; во всю длину лѣстницы крыша на точеныхъ столбикахъ. За теремомъ, въ глубинѣ, надворныя строенія, налѣво заборъ и заднія ворота.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сторожъ съ дубиною и Дубровинъ входятъ.

Сторожъ.

Спасибо, братъ! Уподчивалъ на славу,
Такихъ и надо намъ. Вся дворня лоскомъ
Теперь лежитъ.

Дубровинъ.

А мы съ тобой не пьяны, —
И молодцы-робята.

(*Садятся на скамьяхъ*).

Сторожъ.

Ты, выходитъ,
На службу къ намъ задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Дубровинъ.

Нештò!
Своимъ домкомъ не жить, достатковъ нѣту.
Неволя, братъ, куда не занесетъ,
Я сирота.

Сторожъ.

За много-ль?

Дубровинъ.

Полчетверта
Рубля прошу, а не дадутъ, такъ за три.
Возьму, пропью, а тамъ на вѣкъ кабальный.
Давай попьемъ.

(*Достаетъ сулейку и жестяную чарку*).

Сторожъ.

И то гораздо пьяны.

Дубровинъ.

Ну вотъ бѣда! Проспишься, а на завтра
Опохмѣлю.

(*Пьютъ*).

Сторожъ.

Да спать-то не придется.
Терёнька спитъ, какъ мертвый, не разбудишь
Ничѣмъ его. Одинъ я насторожѣ.

Дубровинъ.

Да что стеречь въ пустомъ саду? Диви-бы,
Поспѣло что! Вотъ яблоки поспѣютъ,
Тогда бѣда.

Сторожъ.

Да нѣшто мы какъ люди!
Велятъ тебѣ беречь пустое мѣсто —
И береги. А что украсть-то, парень!
Кабъ было что, свои-бъ давно украли.
Ну право такъ!

Дубровинъ.

Давай свою дубину!
Ты лягъ усни, а я стучать примусь,
Послушаютъ и скажутъ, что исправны.
Да что не пьешь? Допей, остатки сладки.

Сторожъ.

Осилить ли? Тутъ много.

Дубровинъ.

Поневолься.
Не каждый день вино у васъ.

Сторожъ.

Вѣстимо.
Вонъ люди въ праздникъ пьютъ, а мы не такъ:
У насъ когда вино, тогда и праздникъ.

(*Допиваетъ*).

Дубровинъ.

А заднія ворота запираютъ
Замкомъ у васъ?

Сторожъ.

Замкомъ, а прикалитокъ
Гвоздемъ забитъ. Ну, парень, забираетъ
Меня дюжо. Пьянѣй вина я, парень.

Дубровинъ.

Размокъ языкъ, такъ спи.
(*Толкаетъ, тотъ падаетъ и хочетъ подняться*).
Небось не встанешь!
Другой медвѣдь того не выпьетъ, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожа!
(*Замахивается дубиной*).
Ну! смерти,
Аль живота?

Сторожъ (*въ полуснѣ*).

Робятушки, онъ воръ!
Робятушки!

Дубровинъ.

Не много набормочешь.
(*Сторожъ засыпаетъ. Дубровинъ идетъ къ воротамъ и отмыкаетъ калитку*).
Ты, Рѣзвый, здѣсь?
(*Рѣзвой входитъ въ калитку*).

Рѣзвый.

Мы тутъ съ Кубасомъ бродимъ;
У лошадей Шишига.

Дубровинъ.

А бояринъ?

Рѣзвый.

Не далеко гуляетъ.

Дубровинъ.

Ну, смотри же,
Не выдавай! Мы ихъ вдвоемъ осилимъ;
А тѣ пусть ждутъ у кóней. Да потише,
Не полошить народъ! За васъ заступа,
Вамъ нечего бояться: Бастрюковы
Не выдадутъ своихъ покорныхъ слугъ;
А мнѣ попасть, такъ съ головой проститься.

Рѣзвый.

Да тутъ все глушь, все задворки выходятъ.
Собаки нѣтъ живой; съ лица такъ людно.
Въ лопушникѣ присядемъ, кто увидитъ!
Такъ я пойду?

Дубровинъ.

Иди! (*Рѣзвый уходитъ*). Заныло сердце
Ретивое, душа захолонула.
Оленушка! два года не видались,
Вотъ Богъ привелъ, да каково-то встрѣтитъ
Она меня? Я-чай совсѣмъ забыла
И бросила Романа своего.
А какъ мы съ ней любовно поживали,
Весь день съ утра и до ночи все смѣхи,
Да радости у насъ, налюбоваться
Не можемъ другъ на друга въ сласть да въ сытость,
И таково намъ весело: и люди
Дивуются и говорятъ, бывало:
«Такой-то смѣхъ веселый у Олены,
«Что слушаешь и самъ смѣешься съ ней.»
Уйдешь съ двора поутру, въ лавку сядешь,
А все съ ума нейдетъ Оленинъ голосъ,
А все въ ушахъ веселый смѣхъ звенитъ,
А тутъ сама бѣжитъ ко мнѣ, подсядетъ,
Прижмется вся, полой ее закрою

По самую по шею, только щеки
Алѣются, да черные соколы
Глаза глядятъ изъ подъ бровей собольихъ,
Огнемъ горятъ, какъ звѣзды, искры сыплютъ.
Идутъ купцы, идутъ бояре, смотрятъ,
Дивуются на насъ, глядѣть имъ любо,
Какъ ладно съ ней сидимъ мы и торгуемъ.
Куда теперь? Куда съ тобой я дѣнусь?
Неужто мнѣ угла на бѣломъ свѣтѣ
Не сыщется? Ужли опять по волчьи
Въ лѣсу бродить! Повыточу вострѣе
Булатный ножъ, да первую ее
Изъ рукъ своихъ зарѣжу, чтобъ не знала,
Не вѣдала ни нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Ужли же мнѣ ее, мою голубку,
Къ нечистымъ псамъ вести? За чтожъ, ей вѣку
Не доживя, кипѣть въ аду кромѣшномъ,
Грабежъ, дѣлежъ, питье, литье хмѣльное,
Да хриплый крикъ, да пьяный вопль, да драку,
Зубъ за зубъ брань, ножевые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье, —
Съ чего у насъ-то, окаянныхъ, волосъ
Вздымаетъ дыбомъ, леденѣетъ кровь, —
Ей заживо увидѣть и услышать!
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Всему пора да время. Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.
Обрушитъ чортъ, наткнешься на разъѣзды:
Убьютъ тебя—такъ счастье, а какъ свяжутъ,
Перекуютъ попарно, да къ распросу
Потянутъ всѣхъ, и ей идти съ ворами,
Терпѣть безвинно воровскую кару...

(Олена идетъ изъ терема, за ней Шутъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дубровинъ, Олена и Шутъ (въ кустахъ).

Дубровинъ.

Идутъ.

Олена.

Романъ!

(Отвернувшись, плачетъ).

Дубровинъ.

Съ чего же ты, Олена,
Заплакала? Отъ радости иль съ горя?

Олена.

Да Господи! Да какъ же! Не во снѣ ли?
Взгляни сюда! Романъ и есть! Голубчикъ!
(Припадаетъ къ нему на грудь).
Ну, гдѣ жъ ты былъ?

Дубровинъ.

Въ лѣсахъ бродилъ.

Олена.

Да какъ же
Безъ крова-то? Весна да осень — дождь,
Зима-то — снѣгъ; въ лѣсу-то звѣрь рыскучій.
На чемъ прилечь въ ночи, а въ непогоду
Обсохнуть гдѣ?

Дубровинъ.

Да видишь, цѣлъ вернулся,
Такъ чтожъ тебѣ? Что было, то́ прошло.

Олена.

Кто мылъ, кто шилъ тебѣ? Чужія руки
Такія ли, какъ женнины? Кажи-ко
Сорочку-то! (*Плачетъ*). Суровая какая.

Такія ли я шила! Ишь-ты, воротъ
Не вышитый. А я, бывало, шелкомъ
И рукава, и воротъ изошью.
Какой кафтанъ-то смурый! На бурлакахъ
Такіе-то.

(Плачетъ).

Дубровинъ.

А ты молись-ко Богу,
Что самъ-то цѣлъ!

Олена.

Романушко, по божьи,
Скажи ты мнѣ всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывалъ, такъ сиротой и жилъ?
Ни дѣвушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровинъ.

Всю правду говорить?

Олена.

Ну, говори!

Дубровинъ.

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки ли, Олена? А взгруснется,
Бывало, мнѣ, — присядешь, горько всплакнешь,
Придетъ ко мнѣ, бывало, пожалѣетъ,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный песъ, лохматая собака,
Кобель борзой. Въ глаза ко мнѣ глядитъ
И плачетъ самъ, какъ будто онъ прочуялъ,
Что́ на умѣ моемъ.

Олена *(бросается къ нему на шею)*.

Романъ, сердечный!

(Плачетъ).

Такъ прогони жъ свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлить; въ глаза глядѣть, и плакать,
И ластиться.

Дубровинъ (*утирая слезу*).

Ужь безъ тебя не выду
Отсюда я. Не для того насъ доля
Свела опять, чтобъ снова разставаться.

Олена.

Не надоѣмъ тебѣ, не надокучу.
Прикажешь мнѣ — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровинъ.

А у тебя и не спрошу, Олена,
Какъ ты жила, чтобъ сердца ретиваго
Не натрудить. И такъ ужь все изныло.
Я знаю, ты меня не промѣняешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалѣю,
Да и тебя. Таковъ ужь мой обычай;
Какъ словно что внутри-то захохочетъ,
Въ глазахъ туманъ кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше?

Олена.

Романушко, не думай! Воевода
И плакалъ-то, и пыткой-то стращалъ,
Я напрямикъ ему сказала: руки,
Молъ, наложу, отстань. Три дня не ѣла,
Голодной смертью помереть хотѣла,
И унялся. На черную работу

Послалъ меня; а я тому и рада.
Боярышню привелъ, такъ взяли въ теремъ,
По праву ей пришлась.

Дубровинъ.

Веди скорѣе
Боярышню. Мы заднія ворота
Отворимъ вамъ.

Олена.

Ступай же, дожидайся,
За ворота. Мы крикнемъ, ты отворишь.
А здѣсь не стой! Съ боярышней Ульяна,
Сердитая такая: какъ увидитъ
Тебя въ саду, весь домъ подниметъ крикомъ.
Прощай пока.

Дубровинъ.

Ну, съ Богомъ.

Олена.

Дожидайтесь.

(*Уходятъ: Дубровинъ за ворота, а Олена въ теремъ*).

Шутъ.

Ну, дядюшка, простись съ своей невѣстой!
Женили насъ съ тобой! Ты гдѣ гуляешь,
Своей бѣды не знаешь? Что-жъ мнѣ дѣлать?
Будить народъ начать? А ну, услышитъ
Олешинъ мужъ, да выдадутъ людишки
Меня ему? Начнетъ меня онъ рѣзать,
Пороть ножомъ на части по суставамъ.
Ой, батюшки, не буду! Вотъ что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цѣлъ.

(*Воевода входитъ и осматриваетъ теремъ.*

ЯВЛЕНІЕ III.

Шутъ и Воевода.

Шутъ.

Эй дядя, дядя, тише!

Воевода.

Безсудный, ты?

Шутъ.

Я, дяденька. Потише,
Не разбуди! Ты видишь, всѣ заснули.
(*Показывая на сторожа*).
Ты какъ прошелъ?

Воевода.

Въ ворота.

Шутъ.

Кто же отперъ?

Воевода.

Два сторожа сидятъ.

Шутъ.

Неправно. Двери
Однѣ запремъ, другія настежъ. Слушай:
Всѣ сторожа пьянехоньки, Дубровинъ
И Бастрюковъ на задворкахъ гуляютъ,
Сейчасъ придетъ боярышня: ворота,
Вотъ видишь тѣ, не заперты. Промедли
Ты часъ еще и поминай какъ звали.
Ты здѣсь одинъ?

Воевода.

На улицѣ оставилъ
Людей, стрѣльцовъ и съ ними Неустройко,
А самъ одинъ дворомъ прошелъ тихонько
И сказывать не приказалъ.

Шутъ.

Пошли-ко
Въ обходъ стрѣльцовъ на задворки. Безъ шуму
Пускай идутъ, и посмотри, что будетъ.

Воевода.

Ступай, веди стрѣльцовъ, я здѣсь останусь.

Шутъ.

А по тебя два раза присылали:
Наѣхали съ Москвы, въ избѣ приказной
Сидятъ да ждутъ какіе-то бояре.

Воевода.

Убить тебя съ боярами-то вмѣстѣ!
Пошлютъ — иди! А разговоры послѣ.
(*Шутъ уходитъ*).
Не даромъ сонъ, и хорошо, что въ пору
Пріѣхалъ я! Теперь мои злодѣи
Въ моихъ рукахъ, поймаю ихъ съ поличнымъ.
(*Выходятъ изъ терема: Ульяна, Марья Власьевна, Олена. Воевода прячется*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Воевода въ кустахъ, Ульяна, Марья Власьевна, Олена, потомъ Дубровинъ и люди.

Ульяна.

Пришла жъ тебѣ охота! Не слыхала,
Какъ соловей поетъ. Велико диво!
У васъ въ саду чай много.

Олена.

Все же любо
Послушать ихъ весенней-то порой.

Ульяна.

А лучше бъ спать!

Олена.

Мы выспаться успѣемъ.
Мы круглый годъ все спимъ. Ночей-то много,
А соловьи поютъ до Петрова-дня,
Перестаютъ потомъ.

Ульяна.

И вамъ не страшно
Ночной порой въ саду?

Олена.

Чего жъ бояться?
Вотъ говорятъ, что будто бука ходитъ,
Да врутъ, поди.

Ульяна.

Ты уморишь со страху!
Не говори ужь лучше!

Марья Власьевна.

Бука! бука!

(*Ульяна бѣжитъ къ терему, Марья Власьевна и Олена въ ворота*).

Воевода.

Держите ихъ!

Ульяна.

Бояринъ!

Воевода.

Стой, ни съ мѣста!

(*Вбѣгаетъ Марья Власьевна. Воевода беретъ ее за руку*).

Красавица, куда бѣжишь! Постой,

Не торопись! Держи ее, Ульяна!

(*Ульяна беретъ ее за другую руку*)

За что же ты хлѣбъ-соль мою и ласку
Совсѣмъ забыть хотѣла? И спасибо
Мнѣ за любовь-заботу не сказала,
Задумала покинуть, людямъ на смѣхъ
И головѣ сѣдой на поруганье,
Мой новъ теремъ. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня женѣ прощенья нѣтъ
За грѣхъ ея. И малъ ли онъ, великъ ли,
А ей не жить. Прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ!
Ты не жена, такъ все равно невѣста.
Я не хочу, чтобъ мнѣ въ глаза смѣялись.
Мнѣ жаль тебя: такая молодая,
А умирать придется. Ты хотѣла
Повеселѣй пожить. Смѣяться любишь!

(*Ласкаясь*).

И у меня ты вдоволь насмѣешься,
И умирать тебѣ веселой смертью,
Красавица моя!

Неустройко (*за сценой*).

Онъ здѣсь. Держите!
Связать его!

Дубровинъ (*за сценой*).

Живой не дамся въ руки.

(*Вбѣгаетъ*).

Такъ вотъ гдѣ ты, мой ворогъ, раззоритель!
Не ты ль меня пустилъ по волчьи рыскать?
Гнѣздо мое расхитилъ? Ужъ не ты ли
И выучилъ меня ножи точить,
Въ оврагахъ жить, по Волгѣ грабить, рѣзать
Живыхъ людей? Ты вспомни-ко, не ты ли?

(*Люди, Неустройко и Шутъ входятъ; на*

шумъ выбѣгаютъ изъ терема: Недвига, сънныя отроки и женщины и останавливаются на крыльцѣ).

Кажись, что ты! Такъ самъ теперь отвѣдай,
(*Вынимаетъ ножъ*).
Востеръ ли ножъ, чиста ль моя работа.
(*Люди схватываютъ его сзади*).

Воевода (*съ хохотомъ*).

Я выучилъ тебя, да видно плохо,
Не доучилъ, начать придется снова!
Сковать его! А люди Бастрюкова?

Неустройко.

Побрали всѣхъ.

Шутъ.

И всѣхъ перевязали
Однимъ концомъ. Какъ жемчугъ нанизали
На ниточку.
(*Вводятъ связанныхъ: Олену, Рѣзваго, Кубаса и Шишку*).

Воевода.

А Бастрюковъ Степанъ?

Неустройко.

Онъ на-конь сѣлъ, да въ городъ.

Воевода.

Ну, и съ Богомъ!
Держите ихъ. Пойдемъ-ко въ теремъ, Марья,
Поговоримъ съ тобой. Веди, Ульяна.

Олена (*Дубровину*).

Убей меня!

Дубровинъ.

И радъ бы я, да связанъ.

(Ульяна, Воевода, Марья Власьевна уходятъ въ теремъ).

Подвига.

Ахъ, батюшки! Ой, смерть моя приходитъ!
Убьетъ се, до смерти защекочетъ.
Защекоталъ двухъ женъ, разбойникъ! Хочетъ
Дитя мое родное загубить,
Красавицу, забавницу. На то ли
Лелѣяли, ростили, воскормили
Мы яблоко наливчато свое!
Бѣда моей головушкѣ! Пустите!

Марья Власьевна *(съ хохотомъ выбѣгаетъ изъ терема. Воевода за ней).*

Охъ, смерть моя!

Воевода.

Не убѣжишь, поймаю.

Марья Власьевна.

Не стало силъ моихъ, не служатъ ноги.

(Бѣгаетъ по переходамъ).

Воевода.

Побѣгаешь, устанешь.

Марья Власьевна.

Охъ, спасите!

(Ломая руки).

Куда бъ уйти!

Воевода.

Ужь сколько ты ни бѣгай,
А рукъ моихъ тебѣ не миновать.

(Марья Власьевна убѣгаетъ въ сѣни, воевода за ней. Входятъ: Иоджарый, Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ, Облязовъ, посадскіе и народъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Воевода, Марья Власьевна, Недвига, Олена, Дубровинъ. Неустройко, Поджарый, Бастрюковъ Семенъ и Бастрюковъ Степанъ, Овдѣзловъ, посадскіе, стрѣльцы, слуги и народъ.

Марья Власьевна (*на лѣстницѣ*).

Куда бѣжать—не знаю! Няньки, мамки
И дѣвушки сѣнныя, схороните!

Недвига.

Бѣги ко мнѣ!

Воевода.

Старуху подержите!
(*Марья Власьевна сходитъ съ лѣстницы и бросается къ Степану Бастрюкову*).
Что за люди?

Семенъ Бастрюковъ.

По царскому указу,
Тебѣ, Нечай Шалыгинъ, воеводство
Отказано. А про твои неправды,
Для сыску, къ намъ Левонъ Поджарый присланъ,
И быть ему у васъ на воеводствѣ.

Воевода.

А есть приказъ мою невѣсту силой
Изъ дому взять?

Степанъ Бастрюковъ.

Ты самъ ее насильно
Увезъ къ себѣ. Она—моя невѣста.

Поджарый.

Въ наказѣ нѣтъ объ дѣвкѣ. Опечатать
Добро твое приказано до сыску,
Затѣмъ къ тебѣ съ посадскими людьми

Пришли теперь. А чья она невѣста —
Мнѣ какъ узнать? Отца и мать мы спросимъ.

Степанъ Бастрюковъ.

Спроси у ней.

Поджарый.

Да нѣшто дѣвка знаетъ,
Кто ей женихъ? Ея ли это дѣло?
Къ кому пойдешь?

Марья Власьевна.

Къ Степану Бастрюкову.

Поджарый.

А все отца и мать спросить.

Степанъ Бастрюковъ.

Мы спросимъ
Опослѣ ихъ; а я возьму покуда
Къ себѣ ее. Пойдешь?

Марья Власьевна.

Пойду.

Степанъ Бастрюковъ.

Вотъ видишь,
Сама идетъ, такъ разговоръ коротокъ.
Вели пустить людей моихъ на волю,
Меня суди: они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а ихъ перевязали.
Въ отвѣтѣ я, коль въ чемъ и провинились.

Поджарый.

Пустите ихъ!

Воевода.

А вѣдомаго вора,

Дубровина Ромашку, тоже пустишь?
Ножомъ меня хотѣлъ зарѣзать. Ночью
Ворвался въ домъ.

Поджарый (*Дубровину*).

Ты пошто къ воеводѣ
Съ ножомъ пришолъ?

Дубровинъ.

Жену мою Олену
Два года онъ въ своихъ хоромахъ держитъ,
Насильствомъ взялъ, тюрьмой стращалъ и пыткой.

Воевода.

А ты гдѣ былъ? Въ бѣгахъ!

Дубровинъ.

Все отъ тебя же.
Пыталъ меня и жегъ, корысти ради.
Вымучивалъ послѣднія копѣйки,
Меня въ тюрьмѣ томилъ, чтобъ безъ помѣхи
Жену отнять.

Поджарый.

Нечай Шалыгинъ! правду
Онъ говоритъ, аль нѣтъ?

Воевода.

Ты, воевода,
Такъ и суди.

Поджарый.

Изволь, судить я буду,
Да на меня ты послѣ не пеняй!
Посадскіе! Кого Дубровинъ грабилъ?

Староста.

Не грабилъ насъ.

Смирной.

Не знаемъ.

Поджарый.

А убойства?

Староста.

Не вѣдаемъ, и слыхомъ не слыхали.

Поджарый.

А воровства съ поличнымъ?

Дружина.

Не видали.

Смирной.

На воровствѣ не пойманъ.

Поджарый.

Воевода
Въ тюрьмѣ держалъ его?

Староста.

Держалъ напрасно.

Смирной.

Пыталъ его безвинно.

Поджарый.

Воевода
Жену его насильствомъ бралъ въ хоромы?

Дружина.

Да какъ не брать! Извѣстно, бралъ Олену.
Спроси у ней, она живая — скажетъ.

Поджарый (*Дубровину*)

Ты былъ въ бѣгахъ?

Дубровинъ.

Я бѣгать — бѣгалъ точно,
Не буду лгать.

Поджарый.

Такъ слушай же, Дубровинъ!
Указано царемъ намъ, воеводамъ,
Васъ сыскивать и на посадъ сажать,
Устраивать строеньемъ, буде надо,
И отдавать за крѣпкія поруки,
Чтобъ вамъ, живя въ посадѣ, не сбѣжать,
И подати платить царевы вмѣстѣ
Съ посадскими, и быть во всякой службѣ
Съ посадскими жъ, въ иномъ чину не стать,
И ни за кѣмъ бы вамъ не заложиться.
А нѣтъ порукъ, и тѣхъ сажать въ посады
И льготы имъ давать. Кто на поруки
Дубровина беретъ?

Посадскіе.

Мы, всѣмъ посадомъ,
Беремъ его.

Поджарый.

Ну вотъ, Шалыгинъ, видишь,
Я разсудилъ. По праву ли пришолся
Мой судъ тебѣ?

Воевода.

Есть судъ и надъ тобою,
Въ Москвѣ найдемъ. А ты суди, какъ хочешь,
Пускай воровъ на волю.

Поджарый (*слугамъ*).

Развяжите
Дубровина. (*Старостѣ*): Подайте завтра запись
Поручную по немъ. А за убытки,
Коль сыщутся, своимъ добромъ заплатитъ
Дубровину Шалыгинъ воевода.

Воевода.

Да что же ты въ чужомъ дому воюешь?
Вы съ чѣмъ пришли? Что за люди? Да можетъ
Обманщикъ ты, не царскій воевода,
И надо гнать тебя съ двора по шеѣ!
Есть грамота у васъ?

Поджарый.

Читай, Облѣзловъ!

Облѣзловъ (*вынимаетъ грамоту; всѣ снимаютъ шапки. Читаетъ*):

Воеводѣ Нечаю Шалыгину. Въ прошломъ такомъ-то году, по нашему государеву указу, велѣно быть на нашей государевой службѣ, въ такомъ-то городу воеводою тебѣ, Нечаю Шалыгину; а въ нашемъ государевѣ наказѣ написано: «будучи тебѣ воеводою, намъ, великому государю, во всемъ искати прибыли, а посадскимъ и всякихъ чиновъ людямъ налоговъ никакихъ не чинит и напрасно ни къ кому не приметываться». И нынѣ намъ, великому государю, билъ челомъ земской староста Нежданко и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто, а сказали, что ты, Нечай Шалыгинъ, торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, по оговору и язычной молкѣ, безъ сыску и безъ распросу сажаешь въ тюрьму и пытаешь и отъ того емлешь, тюремною тѣснотою и всякимъ мученьемъ, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей остаются въ домѣхъ жены, а они въ то время дома не бываютъ, и ты, Нечай, свѣдавъ ихъ пожитки, женъ ихъ емлешь въ застѣнокъ ночью и пытаешь и спрашиваешь денегъ и тѣми приметы и мученіемъ ихъ до конца раззоряешь. А иныхъ женъ и отъ мужей берешь себѣ въ хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь

къ себѣ на дворъ шлющихъ людей и тюремныхъ сидѣльцевъ, и съ ними на посадскихъ людей умышляешь всякія затѣйныя бѣды и тѣми самыми затѣйными налогами ихъ раззоряешь. И не стерпя тѣсноты и мученья, многіе посадскіе люди, оставя свои дворы, бѣгутъ розно и нашего государева тягла не платятъ. А намъ. великому государю, и мимо того Нежданкина челобитья, многія твои неправды и насильства вѣдомы учинились. И то ты дѣлаешь негораздо, своею дуростью и плутовствомъ. И нынѣ указали мы, великій государь, тѣ твои плутости сыскивати и быть на мѣсто твое на нашей государевой службѣ воеводою дворянину Левонтью Поджарому. И буде про твое воровство до пряма сыщется, и которые были на тебя челобитчики и то велѣли на тебѣ взять вдвое, да тебѣ же отъ насъ быти въ великой опалѣ. И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, а Левонтій Поджарый пріѣдетъ, и ты бы отдалъ ему, Левонтью, въ съѣзжей избѣ нашу, великаго государя, городовую печать и городовые ключи и нарядъ, и въ нашей государевой казнѣ деньги и свинецъ и пушечные и хлѣбные запасы и мягкую и всякую рухлядь и приходныя и расходныя деньгамъ и хлѣбу и всякому запасу книги и наши, великаго государя, всякія дѣла, и во всемъ тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя изочтено будетъ и то велѣно ему, Левонтью, на тебѣ взять сполна. И какъ съ нимъ, Левонтьемъ, распишешься, ѣхать тебѣ къ намъ, великому государю, къ Москвѣ и, пріѣхавъ, явиться въ костромскомъ приказѣ нашему боярину съ товарищи».

Семенъ Бастрюковъ.

Мнѣ Богъ съ тобой, свою бы я обиду
Тебѣ простилъ; а ты весь міръ обидѣлъ.

Ты знать забылъ, что съ міромъ не поспоришь,
Что міръ вздохнетъ, такъ до царя дойдетъ.

Посадскіе.

Отозвались тебѣ мірскія слезы!

Шутъ.

Эхъ, дяденька! меня-то на кого же
Покинешь-ты? Пропали мы съ тобой!
Я малыя, а ты большія шутки
Пошучивалъ, да вотъ и дошутились!

Поджарый.

Теперь узналъ ты насъ, и кто, и по̀што,
Обманомъ ли, иль вправду мы пришли?
Веди насъ въ домъ описывать добро.

(*Поджарый, Облъзловъ, Бастрюковъ Семенъ и Воевода уходятъ; входитъ Власъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Степанъ Бастрюковъ, Дубровинъ, Марья Власьевна, Олена, Земскій староста, Посадскіе, Слуги Воеводы и Власъ.

Власъ.

Гдѣ дочь моя?

(*Марья Власьевна прячется за Бастрюкова Степана*).

Бастрюковъ Степанъ.

Не бойся, не отнимутъ.
Отдай—повыдай замужъ за меня.

Власъ.

Да Богъ съ тобой! Коли пришлась по праву,
Бери себѣ, да только чтобы честно

Вѣнчаться съ ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезешь и такъ, а чинъ по чину
Пойдемъ ко мнѣ, да по рукамъ ударимъ.

Бастрюковъ Степанъ.

На все готовъ, пойдемъ! За мной, робята!
Ты приходи на свадьбу къ намъ, Дубровинъ.

Дубровинъ.

Не премину.

Марья Власьевна.

Приди и ты, Олена.

Дубровинъ.

Съ женой придемъ.
(Бастрюковъ, Марья Власьевна и слуги уходятъ).

Несмѣяновъ.

Ну какъ теперь, Дубровинъ?
Не убѣжишь отъ насъ?

Дубровинъ.

А тамъ какъ Богъ дастъ.
Коли хорошъ, да смиренъ воевода,
Не потѣснитъ,—такъ съ вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидитъ —
Опять сбѣгу, вы такъ про то и знайте!
Пойдемъ домой, Олена!

Олена.

Въ раззореной
Охота ли идти!

Дубровинъ.

Небось. Поправимъ.
Найду чѣмъ жить. Не поклонюся людямъ.
(Уходятъ).

Староста.

Посадскіе, готовьте-ко поминки
Да на поклонъ несите воеводѣ.
Почествовать его съ пріѣздомъ надо.

Старыя посадскіе.

Ну, старый плохъ, каковъ-то новый будетъ.

Молодые посадскіе.

Да надо быть такой же, коль не хуже.

Инв. № 12616

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ	7
Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ	113
Шутники	265
Воевода (Сонъ на Волгѣ)	363